18+

Андрей Ветер

Скалистые Горы

Андрей Ветер

Скалистые Горы

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Андрей Ветер, 2021

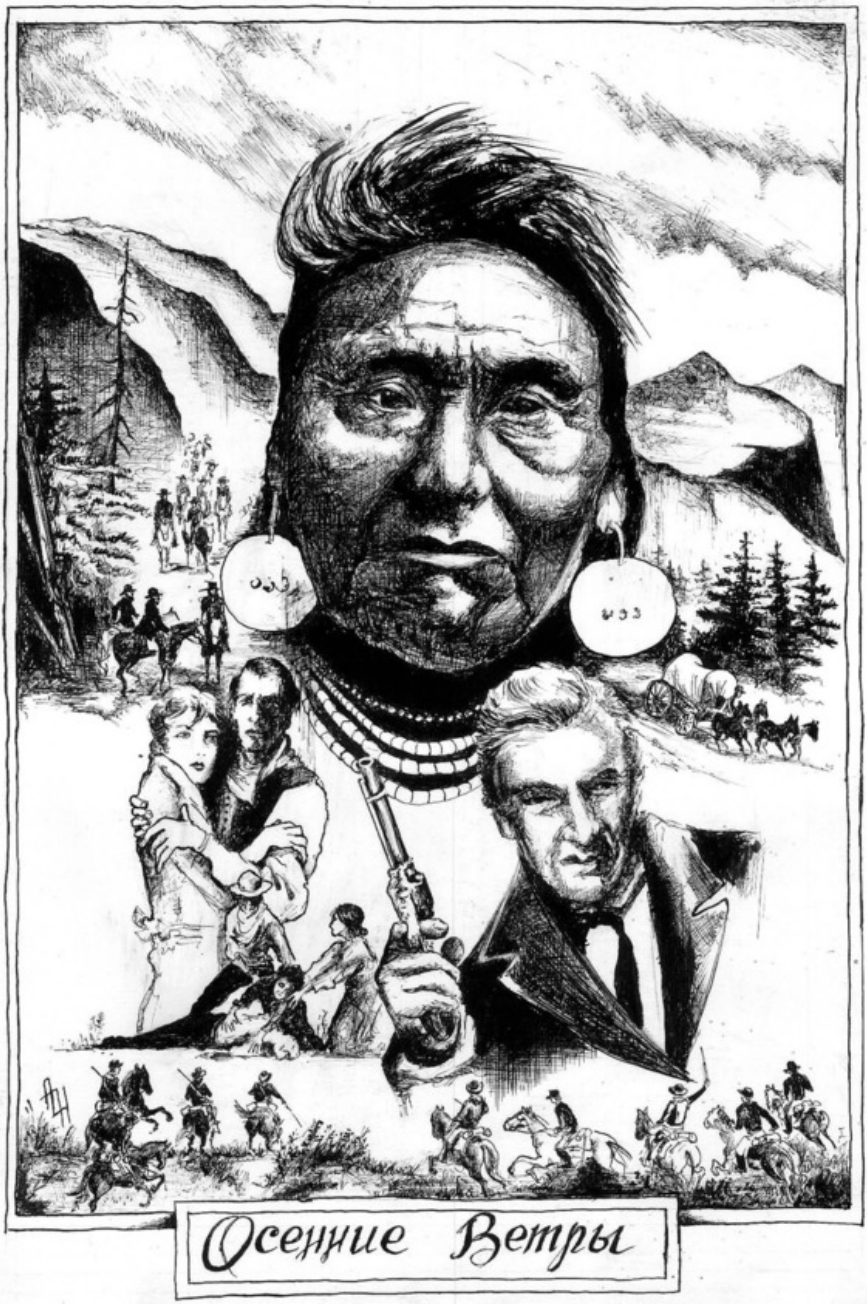
«Скалистые Горы» — сборник повестей о Диком Западе. Четыре самостоятельные истории с непредсказуемыми сюжетными линиями рассказывают о жизни индейцев и первых белых торговцев, проникших на дикую территорию. Много этнографии, много споров, много замешанной на романтике отваги, много любви — простой, даже грубой, но всё-таки любви. В книге речь идёт о Проткнутых Носах, Абсароках, Лакотах и Черноногих.

18+

ISBN 978-5-4485-8196-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Скалистые Горы
Осенние ветры
Мёрзлая кровь
Лесное Лекарство
    P.S.
    Страницы из дневника Джона Брауна
Оленьи годы
Приложения
    Героика Дикого Запада
    Сообщение о состоянии торговли пушниной
    Газетные публикации о событиях в форте Фил Кирни


Осенние Ветры

Осенние ветры

«Кто никогда
не ел свой хлеб в печали,
Кто никогда не проводил
полуночных часов
В слезах, ожидая завтрашний день,
Тот вас не знает, небесные силы».

Гёте

Мне бесконечно одиноко, бесконечно грустно, когда я вспоминаю о событиях, в буквальном смысле поглотивших меня летом 1877 года и удерживающих мою память по настоящее время, несмотря на благополучное для меня завершение. Мне до сих пор кажется невероятным, что клинки и копья не превратили моё тело в окровавленную груду мяса, что я волен свободно дышать и передвигаться, а люди, которые могли уничтожить меня, но по неведомой мне причине сохранили мою ничем не примечательную жизнь, все почти сгинули.

Возможно, молва уже успела донести до вас историю небывалого похода дикарей, которым франко-канадские торговцы в давние времена дали престранное имя *Nez Perce*, то есть Проткнутые Носы. Но даже если вам известна суть дела, я всё-таки рискну рассказать вам об этом ещё раз, поскольку мне пришлось увидеть очень многое собственными глазами.

Ранней весной 1877 года я намеревался отправиться в город Стивенсвиль, чтобы провести месяц-другой в обществе Джулианы Тэйлор, которая хоть и доводилась мне кузиной, всё же заставляла трепетать моё сердце не просто по-родственному. Всякий раз, когда её прелестное личико являлось предо мной, я невольно заливался краской несчастного влюблённого, и одному Богу известно, каких трудов мне стоило укрощать вскипавшую во мне страсть. Я был ещё совсем юнцом, когда её образ проник в моё сердце и оставил в нём неизгладимый отпечаток, и это в течение многих лет казалось мне чудом. Мы взрослели, изредка встречаясь семьями, но её прекрасные и яркие, как звёзды, глаза никогда не стирались из моей памяти.

Я всеми силами стремился к любимой моей Джулиане, однако затруднения в моих коммерческих делах продержали меня на Востоке до конца весны, и до Стивенсвиля я добрался лишь к середине июля. По дороге я узнал из газет, что индейцы из племени Проткнутых Носов подняли мятеж, покинули территорию своей резервации, расположенной в соседнем штате Айдахо, и уже находились где-то в Монтане.

Во второй половине семидесятых Америка считала, что время индейских войн уже кануло в прошлое. Последняя кампания в штатах Монтана и Вайоминг против Лакотов, которых вожди Неистовая Лошадь и Сидящий Бык подстрекали к неповиновению властям, завершилась, аборигенов поместили в резервацию, и мирные обыватели вполне могли рассчитывать на спокойную жизнь. Сидящий Бык, правда, сумел скрыться в Канаде, но его люди уже не представляли угрозы, наоборот, они сами стремились к спокойствию и всеми способами старались не попадаться на глаза белым.

Тем более ошеломляющим было внезапное решение Проткнутых Носов выйти на военную тропу. Никто и в мыслях не мог допустить, что это дружественное племя, никогда не враждовавшее с европейцами, вдруг возьмётся за оружие.

Но мне, пожалуй, придётся уделить несколько строчек недавнему прошлому, чтобы вы сумели понять подоплёку развернувшихся событий. Дело в том, что в конце пятидесятых годов граница золотодобычи стремительно продвигалась на тихоокеанский северо-запад. При активной поддержке армейских частей, базировавшихся в живописной долине Уалла-Уалла, наступление старателей на земли Проткнутых Носов удалось сдержать на некоторое время. Но правительственные чиновники прекрасно понимали, что затишье наступило не надолго. И уже в начале 1860 года один процветающий калифорнийский делец, торговавший с Проткнутыми Носами, выведал, что аборигены частенько находят на своей земле жёлтый металл.

История эта кажется старой, как мир, и повторялась почти везде, куда ступала нога белого человека. Но дикари не придали особого значения появлению новых пришельцев на своей территории. Это племя никогда не сталкивалось со старателями прежде и не представляло, что за разработкой золотых жил обязательно последует хорошо известная Америке золотая лихорадка. Аборигены оставались в благодушном настроении,

полагая, что старатели вскоре уйдут, вдоволь накопав и намыв для себя жёлтого металла. Увы, эти несчастные глубоко заблуждались.

Пятью годами раньше, то есть в 1855 году, губернатор Стивенс пригласил индейцев на переговоры, намереваясь склонить туземцев к продаже их обширных земель правительству. После долгих жарких споров свои подписи под соглашением поставили пятьдесят шесть вождей. Однако правительство США не ратифицировало договор вплоть до 1859 года, в результате чего денежные и продовольственные выплаты не поступали до 1860 года, то есть до того момента, когда более десяти тысяч старателей ринулись на земли резервации. Золотоискатели начали не только копаться в чужой земле, но и угонять индейский скот. Напряжение нарастало.

В 1863 и 1868 годах были подписаны новые соглашения с Проткнутыми Носами, но они не только не улучшили положения индейцев, но наоборот — резервация была уменьшена в размере. Индейцы были в шоке. Один из вождей, подписавших бумагу, в гневе изорвал копию договора на мелкие куски и демонстративно уничтожил бережно хранимую им до того книгу Нового Завета. Это был знак, что он отказывался следовать по проторенной мирной тропе и не намеревался отдавать любимую им землю. Этот край был священным, там покоились кости предков, насыщая жизненной силой всё племя.

В январе 1876 года генерал Ховард писал: «В связи с тем, что договор 1863 года был подписан незначительной частью племени, территория, о коей ведётся речь, должна считаться владениями Проткнутых Носов. Я считаю, что с нашей стороны было бы недопустимой ошибкой начать какие-либо насильственные действия по отношению к тем родовым группам, которые не признают упомянутый документ и вполне обоснованно не покидают свою землю».

Обстановка продолжала накаляться, и военным властям всё чаще приходилось встречаться с вождями по причине постоянных мелких ссор индейцев с поселенцами, грозивших вылиться в настоящее кровавое столкновение.

В начале июня 1877 года трое юношей из племени Проткнутых Носов застрелили нескольких фермеров, утверждая, что мстили убийцам за смерть своих близких. Реакции последовали самые различные. Вождь Белая Птица собрал свой собственный совет и выступил против всякого проявления враждебности. Однако Две

Луны и Большая Заря разъезжали по лагерю и призывали к выступлению, и слова их пали на благодатную почву. Наутро семнадцать молодых индейцев присоединились к трём соплеменникам, уже вкусившим крови Бледнолицых.

Сообщения о страшных нападениях отряда Проткнутых Носов прилетели к генералу Ховарду с невероятной быстротой, и он понял, что придётся оставить всякую надежду на мирное решение вопроса. Мирные граждане, до смерти напуганные кровавыми событиями, требовали от солдат немедленных действий. Никто из граждан нашей огромной страны, и я в их числе, не интересовался подробностями, руководствуясь привычной идеей, что хороший индеец — мёртвый индеец, и проснувшаяся в дикарях злоба служила доказательством этой нехитрой мысли.

Но я постараюсь быть последовательным.

Покуда прислуга занималась багажом, моя обожаемая кузина вышла встретить меня на крыльцо ладного домика, одарила неотразимой улыбкой и провела в комнаты, где седовласая тётушка Энни умиротворённо шевелила вязальными спицами. После восторженных поцелуев и приветствий меня оставили на некоторое время, дабы я мог отдохнуть с дороги и привести себя в порядок. А вечером я с энтузиазмом вверил себя власти очаровательной Джулианы, которая своим милым, почти детским щебетанием в считанные минуты заставила меня позабыть всякое беспокойство, вызванное грозными слухами о боевых действиях дикарей.

Не в моих силах воссоздать портрет этой девушки, потому что внешность её не подвластна перу даже самого гениального из поэтов. Прежде у меня хранился её фотографический портрет, приводивший меня в восторг, но теперь она из прелестной девочки сделалась поистине обольстительнейшей молодой женщиной, которая могла украсить своим великолепием королевский трон любого государства.

Не скрою, через три дня я не удержался и пылко признался Джулиане в любви, чувствуя жар во всём теле и не зная, куда повернуть лицо во время объяснения. Сердце моё металось, голова кружилась и готова была вовсе перестать меня слушаться. Кузина выслушала меня молча, бросая быстрые взгляды из-под волшебных пушистых ресниц, но по окончании моей страстной речи залилась задорным смехом, что повергло меня в глубочайшее уныние. Конечно, глупо было рассчитывать на что-то, но молодость есть молодость, любовь есть любовь. Разумеется, я не надеялся на то, что

девушка бросится мне на шею, обовьёт руками и осыплет поцелуями, но какого-то знака милости я ждал, а за ним таилась и вера в то, что отношения наши могли бы расцвести и превратиться во взаимное чувство.

Должен сказать, что к тому времени я успел привыкнуть к весьма распущенному образу жизни, познал множество шикарных женщин, в большинстве своём из актрис, но моё влечение к белокурой кузине было иным. Ни разу в моих мыслях не возникал её образ в обнажённом виде, я не бредил её женскими формами, хотя понимал, что первый настоящий поцелуй повлёк бы за собой негасимое желание познать тело Джулианы.

Но девушка окатила меня шаловливым смехом и упорхнула с крыльца. Похоже, что она не желала видеть во мне никого, кроме старшего двоюродного брата. Я получил отказ, в этом не оставалось сомнений, однако обидеться на Джулиану я не посмел, как бы ни были задеты мои чувства.

В первый же день я заметил одного молодого человека, постоянно заходившего в дом Тэйлоров. Джулиана вела себя в его присутствии подчёркнуто любезно, и от меня не укрылось некоторое смущение в её глазах, едва он приближался к ней. Конечно, это не было основной причиной, по которой юноша мне не понравился, что-то чувствовалось в его характере особенное, тайное, холодное, скользкое. Мало того, я даже был уверен, что молодой этот человек был настоящим негодяем, хотя никаких оснований для такого умозаключения я не имел. Несмотря на многие мои недостатки, я всё-таки не склонен делать скороспелые выводы о людях, но в этой истории я не раз убедился в правильности моего мнения. Его звали Юджин Сэмтон. Не стану вдаваться в подробности, касающиеся его социального положения, потому что это не имеет значения в данном случае. Что же касается его характера, то и моя добродушная тётушка Энни, как и я, не сильно жаловала его, впрочем, не показывала этого.

Именно из-за Юджина Сэмтона случилось всё дальнейшее.

Однажды случай вывел меня вместе с Джулианой и Юджином на прогулку за город. Погода стояла подозрительная, тучки то рассеивались, пропуская сквозь утреннюю дымку косые солнечные столбы, то вновь стягивались над головой в сплошной серый покров. Кое-кто из местных жителей, с опаской поглядывая на лесные массивы, посоветовал нам не отлучаться слишком далеко — пришли сведения о том, что Проткнутые Носы развязали

настоящую войну, что индейцев собралась целая орда, что они успели несколько раз хорошенько схлестнуться с регулярной армией и изрядно потрепали солдат.

— Теперь краснокожие переправились через Горький Корень и уже двигаются в нашу сторону! Я слышал это собственными ушами на телеграфе! — кричал нам вслед худосочный старик почтальон.

Гораздо позже, когда я занялся изучением истории войны Проткнутых Носов, мне стали известны подробности схваток индейцев с правительственными войсками.

17 июня произошла первая перестрелка между дикарями и солдатами. Рота капитана Перри остановилась на скалистых уступах, возвышавшихся над Ручьем Белой Птицы, на берегу которого расположился индейский лагерь. Перри был уверен, что индейцы, находясь в глубоком ущелье, нипочём не сумеют обнаружить кавалеристов, однако позже кто-то из его сослуживцев вспоминал, что слышал крик койота неподалёку, настойчиво повторившийся несколько раз подряд. Оказалось, это был сигнал индейских дозорных.

Примерно в три часа ночи солдаты стали готовиться к спуску в ущелье, чтобы провести внезапную атаку, и вскоре увидели в мутной синеве шестерых индейцев под белым флагом. Кто-то из дикарей крикнул на ломаном английском: «Что вам, людям, надо от нас?» К ним выехали три солдата, не произнеся ни слова, и один из них выстрелил. Индейцы мгновенно развернулись и скрылись. В ту же секунду со стороны послышался ружейный хлопок, и стрелявший солдат вывалился из седла.

Человек семьдесят Проткнутых Носов распределились по уступам и утёсам, ограждавшим их деревню, и открыли огонь, сразив в ближайшую минуту двенадцать солдат. Испуганные лошади, лишившись своих хозяев, заметались по ущелью, мешая остальным кавалеристам. Тем временем индейцы крадучись продвигались вперёд, некоторые скакали открыто, словно не опасаясь пуль. Гражданские ополченцы, пришедшие с солдатами, бросились бежать, сея вокруг себя панику, и довольно скоро синие ряды солдат разрушились и отступление сделалось общим. Чтобы принудить наиболее стойких вояк оставить свои позиции, Проткнутые Носы погнали на солдат большой табун лошадей, в гуще которого мчалось с полсотни индейцев. Деморализация военных была полная.

Реакция на разгром отряда капитана Перри была активной. В действие пришли все военные части, расквартированные в фортах в радиусе трёхсот миль от места событий. В Калифорнии и Аризоне собирались подразделения для переброски на поле военных действий, даже из залива Сан-Франциско и из далёкой Аляски поспешили артиллеристы. В дополнение к регулярной армии в Орегоне, Вашингтоне и Айдахо формировались добровольческие роты.

11 июля отряд генерал Ховарда, состоявший из четырёхсот солдат и сотни скаутов, ополченцев и обозной обслуги, навязал Проткнутым Носам бой на берегу реки Чистая Вода. Индейцы рассыпались между скалами и деревьями, подбираясь всё ближе и ближе к солдатам и вынудили их занять оборону. В первый день битвы не произошло особых изменений. Но на следующее утро Ховарду удалось кавалерийской атакой потеснить индейцев, а к полудню подоспел резерв Джексона и волонтёры Мак-Конвиля. В течение нескольких минут индейцы ожесточенно отбивались на своих баррикадах, но всё-таки их ряды дрогнули, и сию же минуту их стали теснить по всему фронту всеми возможными силами: артиллерией, пехотой и кавалерией. Движение сделалось всеобщим. Солдат остановила река, которую они сочли чересчур глубокой и стремительной, чтобы переходить её вброд. Эта задержка дала Проткнутым Носам возможность ускользнуть. Племя прошло вниз по реке и стало лагерем в безопасном месте. Оценив обстановку, Ховард разрешил своим людям сделать привал возле бывшего индейского стойбища, сплошь изрытого снарядами.

Прежде чем двинуться в дальнейший путь, вожди назначили пятерых воинов в арьергард, и предосторожность не оказалась излишней, так как Ховард послал в погоню майора Эдвина Мэйсона с сильным отрядом кавалерии. Отряд Мэйсона напоролся на засаду 17 июля и повернул обратно. Несколько Проткнутых Носов тайно последовали за военными и сумели похитить из лагеря солдат сотни лошадей. Ховард лишний раз убедился в том, что с дикарями нельзя обходиться полумерами. Ничто, кроме полноценного удара, не могло заставить вождей покориться.

Индейцы тем временем предприняли рискованный переход через горную гряду по Тропе Лоло и оказались на территории штата Монтана. Их появление в Монтане было воспринято очень многими людьми как настоящее военное вторжение. Газеты не переставали публиковать подробную информацию о восстании «кровожадных

краснокожих» с самого первого дня. Когда же пришли сведения о том, что индейцы двинулись по Тропе Лоло в сторону долины Горького Корня, послышались не на шутку встревоженные голоса.

27 июля Проткнутых Носов встретил капитан Роун и вступил с дикарями в переговоры. Отряд Роуна был слишком малочислен, и индейцы прекрасно понимали, что капитан не сможет остановить их. Тем не менее они решили не вступать в бой. Пока шли переговоры, разведчики отыскали узкую тропку, ведущую через горные уступы в долину Горького Корня. Теперь Проткнутые Носы находились, возможно, совсем близко от Стивенсвиля, и горожане были в полной уверенности, что в сторону их города катила лавина варваров.

Мы с Джулианой вспоминали о кровожадных дикарях ежедневно, но так уж устроен человек, что даже самые страшные слухи в недолгое время становятся привычными и перестают пугать. Моя настороженность успела почти полностью рассеяться в обществе очаровательной кузины, полностью вытесненная любовью.

Когда наша коляска остановилась, Юджин, прекрасно ладивший с лошадьми, распряг их и пустил пастись. Невольно я запротестовал, вероятно испытывая подсознательное беспокойство, но Джулиана подняла меня на смех, и я смолк. Она относилась к тем натурам, которые вообще не умеют держать в голове тревожные мысли, стараясь изгнать их немедленно и предаться приятным беседам.

Дальше всё произошло, как в приключенческом романе. Мы едва успели расположиться на расстеленных одеялах, чтобы полакомиться кусочками прихваченного яблочного пирога и цыплёнком в ореховом соусе, как в конце долины, за которым в голубой дымке поднимался горный массив, замаячили всадники. Их было много, ехали они спокойно. Когда же они приблизились настолько, что стали различимч характерные черты их туалета, Юджин громко и отвратительно выругался и бросился к лошадям, наступив кожаными сапогами на тарелку с пирогом.

— Индейцы! — выдохнула Джулиана испуганно, хотя всего пять минут назад горячо убеждала меня, что ничего не боится и что никто из дикарей никогда не осмелится поднять на неё руку. Мне и прежде приходилось встречать женщин, которые считали, что их красота способна обезоружить самого отъявленного преступника и оградить от опасности. Увы, я повидал в жизни людей,

не способных не только преклоняться перед красотой женщины, но и вообще не имевших понятия о красоте. Таким человекоподобным тварям всё едино: что младенец, что старик, что гремучая змея, что соблазнительная женщина…

Я кинулся к Юджину с желанием помочь ему с упряжкой, но в ужасе увидел, что молодой человек не собирался запрягать лошадей в коляску. Он уже сидел верхом и, будучи замечательным наездником, без седла помчался в сторону города. Милое личико моей кузины потеряло присущую ему краску жизни и стало мёртвого оттенка. Я залез в коляску, судорожно шаря руками под сиденьем, но не обнаружил там никакого оружия, один лишь завязанный в узел кнут. Тем временем индейцы приближались. Это была моя первая в жизни встреча с настоящими дикарями, и ничего доброго я от неё не ждал. Я вернулся к Джулиане и крепко прижал её к груди, слыша громкий стук её сердечка. Так колотится перепуганное тельце пойманного голубочка, когда сжимаешь его в руках… За что судьба не позволила нам вот так прильнуть друг к другу при других обстоятельствах и насладиться любовной негой?.. Мы стояли, обнявшись, взирая на совсем уже близких всадников, предчувствуя скорую расправу и внутренне моля Господа о пощаде.

Индейцы подъехали вплотную. Они носили ярко расшитые экзотические наряды, кое-кто украсил голову шляпой, другие прицепили к затылку перо. Длинные волосы всадников стекали густой копной на спину, а у некоторых были сплетены у висков в тонкие тугие косы. Все ехали с ружьями в руках. Позади первых всадников виднелся огромный табун лошадей, индейские повозки без колёс и вереница людей без оружия — женщины, старики, дети. Все были верхами. Слышался спокойный говор, тявканье собак и топот копыт.

Человек десять индейцев окружили нас, и я увидел прямо надо мной чёрные глаза одного из них. Смоляные волосы его были высоко зачёсаны над лбом, а косы с вплетёнными в них меховыми полосками падали на грудь.

— Оллокот, — произнёс он, коснувшись ладонью своей широкой груди, и на лице его появилась откровенная жалость, замешанная на презрении, когда он увидел мой страх.

Рысью подскакали несколько всадников, они что-то быстро говорили, активно жестикулируя. Затем среди них появился ещё один, внимательно посмотрел на меня и Джулиану и покачал

головой. В его ушах висели большие серьги, сделанные из речных раковин, а на груди, поверх европейской рубашки и чёрной жилетки, болталось несколько рядов цветных бус. Он заговорил с нами на своём языке, и соседний всадник стал переводить, слегка коверкая слова:

— Вам нечего бояться. Мы не причиним зла. Мы никого не желаем убивать. Мы оставили войну по ту сторону горного хребта. Солдаты хотели драться с нами, но мы не желаем ничьей смерти. Нам нужно только свободно пройти дальше. Вы проводите нас до своих домов, и мы купим у вас то, что нам нужно…

— Кто он? — выдавил я, обращаясь к переводчику, немного успокоившись.

— Он один из наших вождей. Его зовут Жозеф. Так его назвал священник Спалдинг, когда он был ребёнком.

Жозеф велел своим воинам запрячь нашу коляску, и они даже выделили нам свою лошадь из табуна. Вскоре мы двинулись в путь. Вождь Жозеф ехал рядом с нами. Мы с Джулианой успели оправиться от первого шока, но ещё не до конца овладели своими чувствами. Я, к примеру, ясно слышал, как у меня в горле прыгал холодный комок и мешал мне нормально разговаривать. Волнение оставалось, не растворялось, несмотря на явное дружелюбие туземцев. Очевидно, слишком глубоко в подсознании сидело издавна вживлённое чувство страха перед необузданностью индейцев, их коварством и жаждой крови. Но мы ехали среди них, и никто не посягал на наши честь и жизнь. Никто не прыгал вокруг нас со страшными ножами для оскальпирования. Мне казалось, что я попал в ожившую поэму Лонгфелло, где властвовали легендарные Маниту и Гайавата, где переливались буйные краски узоров, били барабаны, танцевали сказочные фигуры с перьями в волосах и боевыми топорами в руках. Впрочем, ярких узоров на костюмах Проткнутых Носов хватало с лихвой, не хватало лишь таинственных телодвижений ритуальной пляски, но на самом деле меня совершенно не тянуло увидеть их обряды. Мне с избытком хватало того, что уже было.

Через некоторое время я остановил коляску, вспомнив о Юджине, и подумал, что бросивший нас молодой человек вполне мог рассказать какую-нибудь душещипательную историю в Стивенсвиле о нашей мученической кончине. Я сбивчиво объяснил вождю, что были некоторые обстоятельства, из-за которых горожане могли встретить Проткнутых Носов пулями,

и предложил Жозефу пустить меня вперёд, чтобы я заверил жителей в мирных намерениях индейцев. Должен сказать, что я не очень-то верил в то, что жителей Стивенсвиля можно уговорить не браться за оружие. Но моя милая Джулиана немало потрудилась, когда мы вкатили в город, крича вовсю, чтобы никто не начинал стрелять.

И произошло чудо — Стивенсвиль впустил вождей Проткнутых Носов на свои улицы. Индейцы поставили свои палатки чуть поодаль, но множество их вскоре появилось возле магазинов с большим количеством лошадей. В прежние времена они уже бывали здесь по торговым делам. Теперь вожди поспешили договориться с торговцами, чтобы те ни при каких условиях не продавали индейцам спиртные напитки.

Случилось, что какой-то владелец магазина нарушил договор, и его торговый пункт был немедленно закрыт другими торговцами на время пребывания поблизости индейцев. Но один молодой дикарь успел приобрести у этого торговца бутыль виски и тут же опорожнил её. Я был поражён, насколько быстро среагировали его соплеменники. Вождь по имени Зеркало сразу же приставил к пьянице охрану, отобрал у него оружие и отправил в стойбище. В течение двух дней этот статный и красивый лицом вождь лично патрулировал центральную улицу города, чтобы никто из индейцев не ввязался в неприятную историю.

Индейцы бродили вдоль прилавков гурьбой, разглядывали товары, подолгу вертели их в руках. Замечу, что цены им заламывали едва ли не вдвое выше обычного, но эти доверчивые дети природы мало что смыслили в деньгах, поэтому расстались с большей частью своих сбережений, которые заработали, занимаясь коневодством на своей земле. Иногда они расплачивались не деньгами, а лошадьми. Проткнутые Носы владели прекрасными табунами, это отмечали все, и дикари считали это своим основным богатством. Некоторые жители отправлялись в индейскую деревню и продавали там оружие и боеприпасы по головокружительным ценам. Я слышал, как какой-то толстый спекулянт с лоснящейся поросячьей физиономией рассказывал, что брал с них по доллару за один патрон. Это ли не дикость!..

Но я позабыл о Юджине, а ведь он бросил нас.

С какими гневными упрёками накинулась на него Джулиана, сжав побелевшие кулачки.

— Но я не бросил вас, клянусь всем святым! Я отправился за помощью! — размахивал он руками, отступая от девушки. — Я не мог бы оставить вас на произвол судьбы, Джулиана. Зачем вы так говорите? В сущности, я знал, что индейцы настроены мирно, ведь от капитана Роуна пришло сообщение, что они не стали драться с ним. Но на всякий случай я поскакал за помощью. Верьте мне, заклинаю вас!

— Что же вы не вернулись? — Она обожгла его сверкнувшими глазами. — Где же затерялась ваша помощь?

— Никто не захотел, все были уверены, что краснокожие настроены мирно.

— Вы лгун, Юджин Сэмтон! — воскликнула девушка. — Вы трус и лгун! Я была о вас совершенно иного мнения!

Она ещё очень долго выговаривала молодому человеку, а он всячески оправдывался и чуть ли не начал лебезить перед ней, в то время как я прислушивался к этой словесной перепалке и усмехался, испытывая немалое удовольствие оттого, что гнев Джулианы обрушился на Юджина Сэмтона со всей мощью. Я нарочно отсиживался в отведённом мне кабинете и не показывался в комнате, где происходил нелицеприятный разговор, не желая встречаться ни с кем из них. Затем Юджин, оскорблённый упрёками Джулианы, хлопнул входной дверью, едва не разбив стекло, и покинул дом.

Вечером тётушка Энни принимала приглашённых ещё пару дней назад гостей, в числе коих были отец Бертли из ближайшей епископальни и чета Мэринсонов. Разговоры перескакивали с темы на тему, не останавливаясь подолгу ни на чём, пока мы не коснулись приехавших в Стивенсвиль Проткнутых Носов. Тут я со свойственной мне горячностью высказал по поводу дневного происшествия всё, что думал о войне, идеологии, политике. Но больше всего досталось Юджину Сэмтону.

— Послушайте старого человека, юноша, — ответил на мои резкие слова после некоторой паузы отец Бертли, — вы имеете столько же права говорить так, как вы только что сказали, сколько права имеет любая свободная личность высказывать совершенно противоположные мысли. То же самое касается и поступков.

— Вы хотите сказать, что людям можно поступать подло? — искренне поразился я.

— Если от человека скрыты различия между добром и злом, а значит и воля Божья, то ему нельзя вменять в вину, когда он

выбирает плохое. Для таких нет разницы между одним и другим, они не свободны в выборе. А если нет свободы воли, то нет и греха. Так что не спешите судить людей, даже когда кто-то творит зло. Бог осудит. Бог накажет.

— По-вашему, всякое стремление к уничтожению хамства и подлости нужно оставить?

— Дело в том, что это ваше стремление само уже является носителем разрушительной силы, а потому может называться злом. Загнивает лишь то, что таит в себе некий изъян. Всякая болезнь, мой друг, даётся человеку для очищения. А ваш, как вам кажется, праведный гнев есть не что иное, как ваша червоточинка, ваша болезнь. Она будет привлекать к вам всякого рода негодяев и разбойников. Вы сами агрессивны, юноша, и потому Господь будет обрушивать на вас самые тяжкие испытания.

— Я не могу согласиться с вами, отец.

— Мне понятно ваше упорство, молодой человек. — Отец Бертли посмотрел на меня, но взгляд его был просторен и охватывал всех сидящих за столом. — Вы ошибаетесь, полагая, что способны повлиять на течение жизни. На всё воля Господа. Вам придётся однажды вкусить горькие плоды лишений за вашу великую непримиримость. Кто находится в состоянии возмущения, тот не может приобщиться к благодати.

Я решительно отказывался принять слова отца Бертли, я не допускал даже возможности существования скрытой в них чудовищной правды. И уж никак не мог я предчувствовать тогда уготовленной мне судьбы.

Представьте себе — на следующий день я столкнулся с Юджином, когда направлялся на почту, чтобы отослать письмо моим родителям. По улице сновало множество индейцев, лошади поднимали пыль, скрипели телеги, хлопали двери магазинов и баров.

Возле дверей салуна стоял, попыхивая длинной сигарой, Юджин Сэмтон. Он казался сильно раздражённым и с какой-то яростью принялся расспрашивать меня о самочувствии Джулианы, о её душевном состоянии. Вольно или невольно с моих губ сорвался упрёк в его адрес за вчерашний поступок. Молодой человек буквально взбесился. Он оттолкнул меня, безумно выкатил глаза, побелел, закричал, испугав стоявших поблизости людей, затем схватил меня за воротник и ударил кулаком в лицо. Меня никогда прежде так не били, поэтому удар поверг меня на землю, а ещё

более — в неописуемое изумление. В голове что-то рассыпалось, подобно тонкой фарфоровой чашке. Я нащупал под собой опору и попробовал встать, но рассвирепевший Юджин стукнул меня второй раз. Во рту стало кисло.

— Это ты, мразь отвратительная, — брызгал слюной молодой человек, склонившись надо мной, — ты наговорил обо мне всякой дряни Джулиане! Это по твоей вине, сволочь, она отвернулась от меня! Но я тебе устрою встряску, столичный ублюдок, дерьмо тараканье!

Он пнул меня ногой в живот несколько раз подряд, и пыль залепила мои глаза. Пока я корчился и отплёвывался, он успел скрыться в салуне и через минуту появился снова. Я уже уселся посреди дороги, но никак не мог прийти в себя и крутил головой. В руках Юджина я увидел винтовку. Соображал я туго, оглушённый ударами, поэтому не успел осознать, что жизнь моя повисла на волоске. Клянусь, что оружие в его руках ничуть не смутило меня. Вчерашняя встреча с индейцами напугала меня несравнимо больше, хотя они мне вовсе не угрожали. Я смотрел на винтовку в руках Сэмтона и медленно размазывал кровь по щекам.

В эту секунду до меня долетел глухой стук копыт, промелькнуло жилистое тело лошади, что-то щёлкнуло, и всадник промчался дальше, оставив Юджина без оружия. В каждом городе любое уличное происшествие мгновенно собирает толпу зевак. Так случилось и сейчас. Сгрудились случайные прохожие, заохали женщины в чепчиках, послышался детский визг. Какие-то люди, подоспевшие ко мне, чуть позже рассказали, что на картину моего избиения смотрели со стороны пять верховых индейцев, но они не собирались вмешиваться. Однако когда взбесившийся молодой человек вскинул винтовку, один из Проткнутых Носов хлестнул коня плёткой, промчался между мной и Сэмтоном и при помощи плётки выдернул оружие из рук безумца. Юджину сумели заломить руки и спровадили куда-то подальше от места нашей драки.

После этого инцидента Джулиана провела подле меня почти два часа, и я чувствовал себя счастливейшим человеком, видя бесконечное внимание кузины к моей незадачливой персоне и жадно принимая её ласки. Я позабыл о синяках и распухшей губе и любовался девушкой, её нежными глазами, блаженствовал под прикосновением её подрагивающих тонких пальцев. Джулиана не уставала причитать, что в всём случившемся была только её вина, потому что она давно уже дразнила Юджина и всячески

разжигала в нём огонь ревности, получая от этого какое-то озорное удовольствие. Я посапывал вздувшимся носом и тихонько мечтал о благородной мести.

Мало-помалу девушка опустила голову совсем низко ко мне, не переставая поглаживать мои всклокоченные волосы. Я склонен думать, что в ней пробудились материнские инстинкты, которые никогда прежде не давали ей знать о себе. Теперь же новое чувство, смешавшись с волнением и жалостью, захватило её молодую душу и требовало хоть какого-нибудь проявления. Джулиана прикоснулась губами к моему лбу, и я притих. Влажное тёплое касание заставило меня затрепетать. Я стиснул её пальцы и почувствовал лёгкое ответное пожатие. В следующую секунду её губы наградили меня поцелуем в щёку, затем едва уловимо дотронулись до моего разбитого рта.

— Больно? — прошептала она, и её глаза оказались прямо перед моими. В глубине серых зрачков я увидел дно волшебного озера, с которого поднималась волна слёз.

— Я потерплю, — прошептал я и прижался моими распухшими губами к её, заставив их приоткрыться и пустить меня внутрь.

В ту минуту я осознал, что любил и хотел Джулиану так, как хотел всех прежних моих женщин. И я позволил поэтическим грёзам отступить на задний план. Ничто более не сдерживало меня, руки привычно притянули тонкое тело и скользнули к затянутой в корсет талии, рот пробежал от мягких девичьих губ к бархатистому изгибу шеи.

— Ах, — вырвалось у девушки, и она отодвинулась от меня сильным рывком. — Разве мы можем так?

В её глазах плавал туман, грудь тяжело вздымалась под тесным платьем. Я приподнялся и потянулся к ней, но она упёрлась в меня обеими руками.

— Нет… — стремительно поднялась, зашуршав пышной юбкой, и поспешно вышла за дверь.

— Проклятье! — выдохнул я.

Эта женщина спутала абсолютно всё в моей голове. Я вдруг стал твёрдо уверен в том, что она специально терзала меня, заставляла любить, подпускала к себе только для того, чтобы оттолкнуть. Я был для неё не более близким и не более далёким, чем Юджин Сэмтон. Она дразнила нас обоих и специально причиняла жестокую боль. Мне не хотелось верить, что кузина могла таить в душе подобное коварство, ведь это поведение никак не соответствовало её чистой,

как мне казалось раньше, натуре. Но ведь нападение Юджина на меня произошло только по её вине. И если бы не внезапное вмешательство индейца, отнявшего у Юджина винтовку с уготовленным мне куском свинца, я бы уже ни о чём не беспокоился…

Вспомнив о Проткнутых Носах, я решил пойти и поблагодарить их. Я торопливо собрался и вышел на улицу, никому ничего не объясняя. Я и подумать не мог, что через несколько минут в моей судьбе произойдёт очередной крутой поворот.

Я вновь увидел Юджина, но на этот раз я не приблизился к нему и свернул за угол, чтобы переждать, покуда непредсказуемый в своём поведении парень пройдёт со своими дружками мимо. Начинало смеркаться. Они шагали неспешно. В наступившей вечерней тишине раздавался хруст песка под их каблуками. Их разговор заставил меня насторожиться.

— Дело верное, нечего колебаться, ребята, — слышал я голос Сэмтона, и в нём звенела затаённая злоба. — Держу пари, что краснокожие не станут громко возмущаться и искать десяток-другой пропавших коней, потому как дольше им тут задерживаться нельзя. За ними по пятам идут солдаты, скоро сюда прибудет генерал Ховард. Решайтесь…

Такой поворот дела заставил меня поспешить. Мне вовсе не хотелось, чтобы индейцы, спасшие мне жизнь, подверглись нападению и ввязались из-за этого в драку. Минут через тридцать я уже находился посреди лагеря кочевников и с любопытством разглядывал их конусообразные жилища из кожи. Я не таился, но на меня никто не обращал внимания, словно я был вполне естественным предметом в деревне индейцев. Побродив среди палаток, я приблизился к пожилому мужчине и обратился к нему на английском языке. Он улыбнулся в ответ широкими губами, и кожа на его лице пошла складками. В сгущавшемся сумраке он показался мне добродушным дедушкой, и трудно было поверить, что он когда-то кого-то убивал и снимал скальпы. Разумеется, дикарь меня не понял.

— Мне нужен ваш вождь. Кто у вас вождь? Где Жозеф?

Услышав имя, туземец снова улыбнулся и повёл меня за собой.

В большой палатке, куда я шагнул, низко пригнувшись, находилось человек десять индейцев. По их лицам плавал красный свет потрескивающего костра.

— Я хочу предупредить тебя, — начал я без предисловий, когда

увидел перед собой индейца, знакомого мне по первой встрече с Проткнутыми Носами, и рассказал ему о замысле Юджина украсть лошадей. Вождь рассмеялся, услышав о таком коварстве, и отдал какое-то распоряжение своим людям. Я облегчённо вздохнул, полагая, что совершил нечто значительное, важное и полезное. Лишь потом я понял, что никогда Сэмтон со своими конокрадами не сумел бы увести из-под носа Проткнутых Носов их красивых мустангов. Но в тот день я был уверен, что оказал индейцам огромную помощь.

— Они не убьют воров? — спросил я, кивнув на удалившихся воинов.

— Зачем? Мы возьмём их, приведём сюда, посмеёмся над их глупостью и жадностью. Зачем убивать, когда в этом нет нужды? — ответил Жозеф через переводчика. Он говорил, и мне казалось, что я понимал его слова сам, без посредника. — Я всегда рад возможности избежать кровопролития. И без того уже много крови пущено, много пожаров устроено. Многие думают, что всего следует добиваться силой, но не я. Я знаю, что сила умеет только разрушать. Доброе сердце не может быть сильным, оно несёт слабость. Слабость и мягкость делают человека похожим на небо, в котором нет камней, но оно вырывает из земли даже деревья с корнями. И небо нельзя разрушить, как крепкую стену. Но мало кто из моих людей разделяет мои мысли. Белый человек тоже думает иначе, поэтому он всё разрушает. Ему кажется, что он проявляет свою власть, сокрушая. Увы, это не так. Разве может считать себя хозяином владелец разрушенного?.. Было время, когда здесь не было людей с белой кожей, и мы жили счастливо. Но к нашим отцам и дедам пришли ваши предки и стали селиться меж нами. Они назвали нас Проткнутыми Носами, потому что раньше многие наши люди прокалывали носы, чтобы носить украшения. Сегодня почти никто не прокалывает себе нос. Всё изменилось. Даже дружба. Мы никогда не враждовали с пришельцами. Мы дали им обещание жить мирно и ни разу не нарушили его. Однако белые почему-то не любили нас. Я слышал, что они никого не любят, даже своих братьев. Они любят богатство и поэтому отнимают у других то, что могут отнять. Мой отец предупреждал, что белый человек когда-нибудь захочет отнять у нашего народа последнюю нашу землю — Уаллоуа, долину Извилистых Вод. Этот край священен. Тут покоятся кости предков и питают жизненной силой наше племя. Земля существует с незапамятных времен, и сотворена она была без

изъянов. Человеку не полагается вторгаться в неё, мы можем лишь пользоваться её дарами. Наши шаманы говорили так: «Юношам нельзя работать. Люди, отдающие себя работе, не могут получать видения, а через видения мы получаем мудрость. Белые требуют, чтобы мы распахивали землю, но можем ли мы взять ножи в руки и вспороть груди наших матерей?» Умирая, мой отец велел мне закрывать уши всегда, когда кто-то заводит разговор о продаже нашей земли. И вот белые стали требовать Уаллоуа. А там лежит тело моего отца. Я похоронил отца в красивой долине, где звенели чистые воды ручьев. Я люблю эту землю больше любого другого места. Великий Дух создал мир таким, какой он есть и каким он хотел его видеть. Часть он отдал индейцам, чтобы они там жили. Почему же генерал Ховард приказал нам уйти? Разве он — Великий Дух? На последней встрече с генералом поднялся наш вождь Ту-Хул-Хул-Зот и открыто запротестовал. Он сказал, что белого человека никто не делал вождем над индейцами. Но Ховард не желал слушать и арестовал Ту-Хул-Хул-Зота. Его держали в тюрьме пять дней, затем выпустили, и он стал призывать молодых воинов к войне. Он был сильно разгневан, я не могу упрекать его. Несколько юношей взялись за оружие и убили четырёх фермеров. Они не скрывали своего деяния, уверяли, что мстили за погибшего отца. Я не знаю. Теперь всё равно. Солдаты никогда не разбирались, кто виноват, они стреляли во всех. Но сейчас война осталась позади. Мы идём на север и не желаем драться…[1]

В это время шумно откинулось кожаное покрывало над входом, и в свете костра появились пять индейцев. Они втолкнули внутрь Юджина в разорванной рубашке и двух его сообщников. Сэмтон был мрачнее тучи. Руки у всех были стянуты сзади сыромятными ремнями. Увидев меня, Юджин Сэмтон перекосился всем лицом, голова его втянулась в плечи, и он заскрежетал зубами.

Полог снова откинулся, и к нам шагнул высокий воин, которого я тоже видел в день первой встречи с племенем.

— Это мой младший брат Оллокот, — сказал Жозеф.

Оллокот заглянул в глаза пленников. Незадачливых конокрадов стал бить озноб. Я прекрасно понимал их состояние. Страх — величайшая из болезней, коварнейшая из сил, и не всякая натура способна противостоять этой силе. Несчастные не ожидали ничего хорошего, и я готов биться об заклад, что ни один из них даже не мечтал, что мог рассчитывать на пощаду. Слушая томительный треск костра и глядя на мрачные лица дикарей, бедняги

чувствовали, что смерть и пытки уже витали в воздухе.

— Не бойтесь, — невнятно пробормотал я пленникам.

Утром деревня быстро свернулась и двинулась в путь. Пленникам освободили руки и показали жестами, чтобы они уходили с глаз долой. Я запомнил дрожащие губы Сэмтона и его свистящий шёпот:

— Ты видел мой позор, мистер Лэсли Грант, и за это я тебя убью! — Он плюнул в мою сторону. — Мне не удалось сделать это вчера, но в следующий раз никто не спасёт тебя! Я отрежу твой скальп и прибью его над моей кроватью. Запомни это, друг индейцев!

Мне не доставляет никакого удовольствия говорить об этом, но, кажется, я по-настоящему струсил в ту минуту. Неведомый доселе ужас пригвоздил мои ступни к земле, и я неподвижно остался стоять на месте, провожая стеклянным взглядом три растрёпанные фигуры конокрадов.

Проткнутые Носы вытягивались за моей спиной в длинную колонну. Их насчитывалось около шести сотен человек. Мальчуганы постёгивали лошадей, управляя табуном. В деревьях пели птицы. Внезапно я не захотел расставаться с этими сильными, спокойными и уверенными в себе людьми. Я ощутил себя совершенно защищённым среди них, и вот они уходили. Мир представился мне невероятно опасным и страшным без этих людей, он угрожал мне, он распахнул зубастую пасть и тянул ко мне цепкие лапы с острыми когтями. Неведомый мне индеец, легко и просто спасший мне жизнь, сделался для меня символом всего племени. Он был ловок и могуч. Он был дружествен и прост.

Я бегом направился к далёкому всаднику, в котором узнал Жозефа. Объяснения мои были сбивчивы, да он и не понимал меня без переводчика, но молча кивал головой. Я и сам не понимал себя. Очень долго я шёл возле коня Жозефа и не переставал говорить. В какой-то момент вождь остановился и кликнул кого-то, после чего мне привели лошадь.

Так я и сделался одним из них, не имея с ними в действительности ничего общего.

Поступив так, я сделал поворот, приведший меня в мир, доселе скрытый от моих глаз. Мне предстояло окунуться в бурный поток горести и боли и познать то, что встречал в приукрашенном виде лишь на страницах романов.

Через несколько дней я совсем свыкся с Проткнутыми Носами.

Никто не обращал на меня внимания, никто не проявлял удивления. Я мало понимал их, но я прекрасно себя чувствовал, погружённый в странное состояние полуодиночества. Подолгу находясь в полном молчании, я почувствовал, как стал погружаться в настоящее спокойствие, которого был лишён долгие годы. Не метались вокруг меня бесполезные слова, которыми мы привыкли заполнять натянутость в разговоре, затянулись туманом забытья суетные дела, связанные с бесконечной погоней за прибылью. Улеглась даже нервная страсть к Джулиане, и, вспоминая о кузине, я представлял её просто тонкой, почти из сна вышедшей мечтой.

Моё присутствие среди дикарей уже казалось мне вполне закономерным, и я не задумывался над тем, что оно не продлится долго. Я участвовал в повседневной работе индейцев по мере моих сил и умения. С каждым днём я увереннее сидел в седле. Всё меньше ощущалось отсутствие привычной крыши над головой. Похоже, человек достаточно легко расстаётся с тем, что ему на самом деле не нужно. Живя в кочевой палатке, я с удивлением обнаружил, что меня всегда больше пугали мысли о каких-то крутых переменах, чем сами перемены.

Долина Горького Корня осталась позади. Военный вождь по имени Зеркало выслал назад несколько групп бойцов и получил сообщение, что солдаты со своими тяжёлыми фургонами основательно отстали. Это убедило Зеркало, что война осталась позади. Он даже прекратил направлять разведчиков.

Я помню случай, когда несколько нагловатых молодых индейцев вошли в торговую лавку и, напугав своим видом хозяина, взяли кое-какие товары, не расплатившись. Познав об этом, Зеркало немало рассердился и велел воинам отправить торговцу пяток лошадей в качестве платы.

— Мы должны показать всем, что никому не угрожаем и поэтому никого не боимся. Мы не военный отряд. Мы просто идём туда, где никому не будем мешать…

Проткнутые Носы уверенно двигались вперёд, идя по следу своей великой мечты о свободе.

Лопнувшая Тетива, выполнявший обязанности переводчика, старался не покидать меня и по выражению моего лица безошибочно угадывал, когда мне требовались его услуги. По этой причине у меня сложилось впечатление, что я всё понимал сам.

Обычно я старался держаться поближе к Оллокоту, а не Жозефу.

Этот воин пользовался во всём племени огромным уважением и почётом. Он был необычайно крепкого сложения, приятной наружности и казался мне воплощением древнегреческого божества. Я был очарован им. Откуда среди дикарей такие личности? Возле него обычно находились Красное Эхо и Радуга, всегда вооружённые и решительные.

Перевалив через Водораздел, мы вступили в горную долину, известную под названием Большая Дыра. Выгнувшись полумесяцем, она была защищена с восточной и западной сторон скалистой грядой. Множество ручейков звенело в долине среди пестреющих душистых цветов и вливались в прозрачную реку, на западном берегу которой поднимался красивый сосновый бор.

Проткнутые Носы разбили лагерь на восточном берегу реки. У меня создалось впечатление, что индейцы обосновались здесь надолго. Женщины собирали дрова и срезали шесты для волокуш. Шестам полагалось просушиться несколько дней, и это означало, что индейцы не спешили. Мужчины охотились и рыбачили, заготавливая провиант. Вечером в стойбище послышались удары барабанов, начались танцы.

Тут я приметил прямую, как жердь, фигуру шамана. Он угрюмо прошествовал в длинной чёрной шкуре бизона, испещрённой мелкими рисунками. Его голову не украшал никакой убор, и чёрные тщательно расчёсанные волосы волновались на ветру.

— Облачная Куча чем-то обеспокоен, — сказал мне Лопнувшая Тетива. — Погляди на его лицо. Такие глаза предвещают беду.

— Беда подкралась к нам, — сказал шаман, останавливаясь перед Жозефом и Зеркалом. — Нельзя оставаться тут. Я чувствую опасность. Она скрывается где-то под боком.

Вожди промолчали. Глашатай обежал деревню и вызвал остальных вождей и ведущих воинов племени.

— Облачная Куча говорит, чтобы мы уходили отсюда, — объявил Зеркало.

— Я тоже получил знак от моего тайного помощника, — сказал Пять Ран, — и он посоветовал мне покинуть это место. Но я не знаю, с какой стороны подкрадывается опасность. Куда уходить нам?

— Думаю, что было бы неплохо послать назад отряд разведчиков, — высказался Жозеф, — мы давно не проверяли, нет ли на наших следах солдат.

— Если военный отряд появится в долине Горького Корня, то жители могут испугаться. Они подумают, что мы решили вернуться

и воевать, — возразил Зеркало. — Нет, я не пошлю воинов туда.

— Если ты ошибаешься, то прольются слёзы и кровь, — покачал головой Жозеф.

Тогда поднялся Пять Ран и обратился к Зеркалу:

— Пусть будет по-твоему, Зеркало. Ты — один из наших вождей. Я одинок. У меня нет ни жены, ни детей, которых я могу подставить опасности. Я никого не потеряю из родственников. Но человек плачет не только по своим родным. Я чувствую беду. Но ты — военный вождь. Что бы ни произошло, пусть это будет на твоей совести.

Итак, никто из разведчиков не выехал из лагеря в тот вечер.

А ранним утром над спящей деревней рассыпались хлопки выстрелов. Пронзительно и нервно откликнулось эхо. Я проснулся мгновенно, ощутив в животе отвратительный холод и пустоту, будто из меня рывком вытащили все внутренности. Голову обложил душный тёмный ужас.

Я выпрыгнул наружу. Тёмно-синие силуэты солдат маячили уже в нескольких шагах от крайних палаток[2]. Вскинув винтовки, их цепь бежала по берегу. Голые фигуры туземцев спотыкались под бьющими пулями, падали, ползли прочь, истекая кровью. Мало кто может представить себе, что такое голое тело под хлещущим свинцом. А я видел, как кожа лопалась под ударами выстрелов.

Проткнутые Носы кинулись врассыпную. Дым застлал деревню. Солдаты стреляли почти в упор, колотили раненых прикладами по головам. Некоторые старики не пытались убежать, поднимались во весь рост, притягивая к себе взгляды карателей, вскидывали руки к небу и тут же падали наземь с десятком пуль в груди. Я увидел пригнувшегося Жозефа с маленькой девочкой на руках. И лишь в этот момент я осознал, что для нападавших солдат я был такой же мишенью, как любой индеец. Тогда я тоже припал к земле и на четвереньках поспешил за вождём. Никогда не забуду густой свист пуль над головой. Казалось, что воздух разваливался пластами, распоротый свинцовым градом на тонкие лоскутки. Спрятаться было негде.

Я до сих пор не понимаю, каким образом некоторые индейцы решились двинуться навстречу атакующим в таких условиях. Послышались уверенные голоса вождей. Воины нырнули в кустарник, покрывающий берег, и открыли ответный огонь по фигурам в синих мундирах. Растерянность сменилась решимостью и яростным желанием выжить. Женщины и детвора

помогали кто чем мог.

Всякий раз, вспоминая тот бой, я вижу лицо старого индейца с простреленной шеей и раздробленным плечом. Он лежал на боку, зажав между ног карабин, и заряжал его здоровой рукой. Кровь плескала из его ран при малейшем движении, но он не обращал на это внимания. Его лицо оставалось неподвижным, а глаза блестели слезами. Я помню, как две пули ударили его в голову, брызнула кровь, взбился пучок волос.

Жозеф отступил на дальний конец лагеря и направлял женщин с детьми на лошадях подальше от места боя. Неподалёку от меня залегли в сырой яме Жёлтый Волк и Белая Птица. Они тщательно целились. За их спинами появился Зеркало с вооружёнными мужчинами, чуть в стороне притаился Красное Эхо. Солдаты заметались между индейскими жилищами. Они пытались подпалить палатки, но влажные от росы кожные стены не воспламенялись. Выстрелы снайперов вынудили солдат остановить продвижение. Неуклюже перепрыгивая через упавших, они побежали обратно к реке. Несколько Проткнутых Носов на лошадях обогнали их и по руслу реки вклинились в самую гущу солдат. Среди синих фигур началась паника. Белая Птица поднялся в полный рост и повёл за собой воинов, несколько раз поскользнувшись в лужах крови. Мощный залп заставил индейцев снова залечь.

Мне казалось, что бой продолжался вечность. Я никогда не думал, что схватки могут быть столь ожесточёнными[3]. Был момент, когда Проткнутые Носы вступили в рукопашный бой с солдатами. Из моего укрытия я хорошо видел, как бой превратился в свалку. Некоторое время никто не стрелял, боясь попасть в своих. Белая Птица и Зеркало не переставали что-то громко кричать. Повсюду слышался свист индейских костяных свистков.

Но во всяком сражении случается перелом. Примерно в восемь утра солдаты отошли почти на милю от лагеря, остановившись на лесистом плато. Проткнутые Носы не отставали от них. Даже когда те отрыли штыками неглубокие окопы, индейцы продолжали кружить вокруг них, многие взобрались на прилегавшие к плато холмы и стреляли по солдатам сверху.

Несколько Проткнутых Носов внезапно погнали своих коней куда-то в сторону, в ту же минуту бухнуло два пушечных выстрела. Позже я слышал, как они рассказывали, что убили кого-то

из орудийной обслуги и многих ранили. Саму гаубицу индейцы зарыли в землю.

К полудню стрельба стихла, и мужчины возвратились в разгромленный лагерь, неся с собой павших. Женщины уже бродили среди палаток и вдоль реки, отыскивая своих убитых мужей и братьев. Очень скоро поднялся жуткий плач, услышав который я содрогнулся. Редкому человеку приходилось слышать подобное выражение скорби. Воздух наполнился стоном, тоской и печалью.

Стойбище… Трудно представить это заваленное телами пространство. Кровь заполняла ямки, ложбинки, трещины, рисуя тёмно-красными мазками жуткие иероглифы. Я насчитал восемьдесят девять человек убитыми, среди которых лишь тридцать были боеспособными воинами, остальные — женщины, старики и детвора с расколотыми черепами. Потери для индейцев были катастрофическими. Среди павших в бою оказались Красное Эхо, Пять Ран, Радуга, Бобровый Хвост — воины, смерть которых заметно сказалась на боевом духе индейцев.

Погибших положили в небольших расщелинах под крутыми речными берегами и обвалили на них нависающие глыбы рыхлой земли. Покончив с погребением, Жозеф велел людям немедленно покинуть уничтоженную деревню.

Я скакал возле Жозефа и хорошо видел его лицо. Оно было воплощением скорби. Никто не ожидал такой жестокости от солдат. Жизнь прикоснулась к Проткнутым Носам шершавой щекой несправедливости. Мне хотелось поговорить с вождём, сказать какие-то важные слова, но я не знал таких слов. Я ничего не знал о той стороне жизни, с которой мне теперь пришлось столкнуться. Я оглядывался и видел уложенных на волокушах маленьких окровавленных детей, кричащих от боли, и заплаканных матерей с младенцами на руках. Я не был вправе говорить что-либо этим людям. Я принадлежал к расе тех, кто только что колол их штыками.

Во мне во весь голос закричала страшная мысль, что ужас страдания есть единственная истина. Возможно, другие ощущения тоже весомы и даже помогают временами забыть истину, но только из страдания вылепливается подлинный мир. Это единственная реальность, которую никто не в силах обойти стороной. Я кожей почувствовал, что мучения скрывались за фасадом абсолютно всех форм и событий. И я испугался так, как не пугался никогда прежде.

На следующее утро нас настиг Оллокот с отрядом в тридцать

человек. Они отстали от основной группы, чтобы не дать солдатам расслабиться. Отряд состоял из тридцати человек. Расположившись в недосягаемости ружейных выстрелов, они устроили в рощице небольшой лагерь и следили за солдатами. Изредка они вскакивали на лошадей и приближались к траншеям, давая по синим мундирам залп-другой. К ночи Оллокот пришёл к решению, что в продолжении боя не было нужды — солдаты уже не представляли угрозы. Но на рассвете Оллокот увидел приближающегося всадника, который что-то кричал солдатам. Индейцы решили, что его появление связано со скорым появлением подкрепления, и они не ошиблись.

Ко мне подъехал Лопнувшая Тетива.

— Передай вождю, что я очень сожалею о случившемся, — сказал я ему. — Моё присутствие оказалось бесполезным. Я надеялся, что могу говорить за вас, но с вами не хотят разговаривать. Воевать я не умею.

— Ты хочешь уйти?

— Нет, мне некуда идти. — Мои мысли были похожи на мутную воду, где ничего не различить, поэтому не могу похвастать, что принял такое решение осознанно и проявил мужество перед лицом опасности. Вполне возможно, что я хотел ответить иначе, но сам не понял моих слов.

Племя спешно шло дальше, углубляясь в неведомый мне край. Но я не испытывал страха перед грядущим. Я словно покинул самого себя, я находился где-то в другом месте, а моя внешняя форма — голова, руки, ноги — болтались верхом на утомлённом коне. Иногда мне вспоминался дом и мои несчастные родители. Впрочем, такие ли они несчастные? Оглядывая исподлобья окружавших меня дикарей со следами крови на измученных лицах, я так не думал. Не так уж сложно — находиться в уютном домике и волноваться за сына, успокаивая себя рюмочкой коньяка.

День изо дня меня посещали новые мысли, корнями уходившие в новые ощущения. Кто знает, думал я, может быть, мне суждено было отправиться в этот поход, чтобы пропустить себя через неведомые мне доселе испытания кровью и голодом. Возможно, в этом скрывалась расплата за спокойное, не знающее тягот существование. Не знаю. Всё может быть. Человек редко умеет объяснить истинную причину своих поступков.

Временами я вздрагивал, упираясь подбородком в грудь, потому что не привык чувствовать на лице бороду, из-за отсутствия

бритвенных принадлежностей становившуюся гуще с каждым днём. Из цивилизованного гражданина я превращался в страшного бродягу.

Девятнадцатого августа Жозеф велел остановиться. Основная часть палаток погибла во время боя в долине Большой Дыры, и многие индейцы складывали небольшие вигвамы из еловых ветвей, а то и вовсе не беспокоились о жилье и спали на земле возле костров.

В тот день Оллокот, как всегда энергичный и решительный, переговорив с братом, умчался куда-то с небольшим отрядом. Под утро он пригнал около двухсот мулов с тюками, где был упакован провиант и кое-какая одежда. Вещи быстро распределили между женщинами. Но ближе к полудню дозорные подали сигнал, что появилась погоня. Индейцы без промедления разделились на несколько групп. Несколько человек продолжали гнать табун, а остальные выстроились в небольшую цепь и открыли огонь по солдатам. Луговина в этом месте была весьма узкой, и нагромождение лавовых складок обеспечило Проткнутым Носам прекрасное укрытие. Я успел разглядеть, как преследователи остановились, спрыгнули с коней и поспешили занять позицию для ведения огня. Тут Оллокот потребовал, чтобы я покинул место боя и присоединился к уходящему племени.

Вскоре солдаты отступили.

Въехав на холм, я увидел причудливую местность, наполненную множеством возвышенностей, совершенно похожих одна на другую. Между ними змеилась длинная вереница Проткнутых Носов. Никто не ликовал после этого маленького успеха. Смерть продолжала висеть на хвосте. Солдаты не могли отстать надолго.

Индейцы ежедневно высылали разведчиков для обследования пути. Как-то, вернувшись из дозора, ко мне подскакали Лопнувшая Тетива и Оллокот.

— Мы следили за лагерем солдат. Там были известные тебе люди, — перевёл Тетива, когда Оллокот что-то сказал мне.

— Кто? Я никого не знаю в этих краях. — Я пожал плечами.

— Это не здешние люди. Они не носят синюю форму. Это те, кого мы поймали, когда они хотели украсть наших лошадей. Помнишь?

Помнил ли я? Как мог я забыть Юджина Сэмтона? Выходит, он не успокоился. Господь желал, чтобы мы повстречались ещё раз. Такое свидание меня не радовало. Что сулит человеку встреча

с врагом, в сердце коего нет ничего, кроме ненависти, очищенной от примеси любых других чувств?

Дни шли за днями. Всё чаще я стал примечать, что многие юноши племени взвинчивали себя жаркими спорами, настраивались на воинственный лад. Некоторые регулярно уезжали в поисках добычи. Они уже не были похожи на тех улыбчивых индейцев, которых я повстречал в окрестностях Стивенсвиля. Они желали убивать. И врагами их были люди с белой кожей. Я чувствовал, как моё положение становилось весьма уязвимым. Пару раз воины напали на фермы и превратили их в груду пепла. Старые вожди выступали против подобных набегов, но запретить они ничего не могли. Ни один вождь не в силах запретить мужчине поступать так, как тот считал нужным. Жозеф и Белая Птица не переставали взывать к благоразумию, убеждали сдерживать горячие чувства, ибо они не доведут до добра.

На одном ранчо, откуда хозяева поспешно бежали, узнав о приближении индейцев, мне удалось вооружиться. Я увидел на стене карабин и, как ни стыдно мне вспоминать об этом, прихватил его с собой, прежде чем его заметили дикари. Я был почти уверен, что оружие мне лично не понадобится, но с винтовкой в руках я почувствовал себя гораздо спокойнее. С того момента я превратился в заправского разбойника. Внешний вид мой, думается мне, мог бы многих испугать, повстречайся я кому-нибудь на дороге. От Лэсли Гранта, которым я недавно был, не осталось и следа, кроме двух характерных родинок над левым глазом. Голос мой тоже изменился из-за простуды.

В то время мы находились на территории национального парка в бассейне реки Жёлтый Камень. Парк считался абсолютно мирной и безопасной зоной, куда постоянно выезжали туристы, чтобы полюбоваться красотой природы. Никто из них и не подозревал, что мог попасть под руку свирепым разбойникам в боевой раскраске.

История с группой Коуана поразила меня своей стремительностью и бессмысленной жестокостью одновременно.

Индейцы привели мистера Коуана, его жену и ещё нескольких путешественников на стоянку Проткнутых Носов и бросили перед вождями. Увидев лица белых пленников, я вспомнил себя и Джулиану. Но этим туристам не повезло с пикником — индейцы вовсе не казались миролюбивыми. Они с криками разъезжали по лагерю, размахивая ружьями и луками. Длинные волосы и потрёпанные костюмы усугубляли жуткое впечатление. Мне

подумалось, что смерти белым людям уже не избежать. Но вожди вели себя спокойно.

Затем к пленникам подошёл индеец по кличке Покер-Джо и передал им решение стариков:

— Солдаты убили много наших женщин возле Большой Дыры, и на сердце людей скопилось много дурных чувств. Немало воинов хотели бы уничтожить вас. Но вождь Зеркало и некоторые другие говорят, что знают миссис Коуан и её сестру. Мы решили не причинять вам вреда. Вы можете уехать. Мы дадим вам уставших лошадей, чтобы вы не могли быстро добраться до солдат и сообщить, где мы. Мы отпускаем вас, но вы не шпионьте за нами. Передайте всем в Монтане, что мы пришли сюда не за войной.

Пленники суетливо закивали головами и поспешили распрощаться с дикарями. Глядя на них, я ощущал неясную тревогу и отправился с группой Проткнутых Носов, которые решили проследить, уедут ли отпущенные Бледнолицые, как им велели. Примерно через полчаса мы увидели, как двое из путешественников спрыгнули с лошадей и отправились в лесную чащу. Я не знаю и никогда не узнаю, куда скрылись те двое, может быть, пошли по нужде. Но мои краснокожие спутники мгновенно пришли в ярость и с криками бросились к несчастным туристам. Коуан таращил глаза и размахивал руками, показывая, что не понимал, что именно привело дикарей в бешенство. Внезапно кто-то из индейцев выстрелил в Коуана, и тот рухнул на землю, вцепившись в бедро. Из-под его пальцев выступила кровь. Миссис Коуан спрыгнула с лошади и кинулась к раненому мужу, но дикари схватили её за руки и отволокли в сторону. Следующий выстрел поразил Коуана в голову.

— Что вы делаете! — Я не узнал собственного голоса.

В ту же секунду дал волю чувствам другой индеец и тоже нажал на спусковой крючок. Пуля ударила в лицо второго белого, но он не упал, а прыгнул в кусты. Мне казалось, что я видел страшный сон.

Лопнувшая Тетива подлетел к стрелявшим соплеменникам и закричал на них, бурно жестикулируя. Они ответили ему резкими репликами. Пока шла перебранка, успели скрыться трое белых. Я сидел, совершенно ошеломлённый случившимся, и не мог пошевелиться. Из-за кустов вылетел галопом Покер-Джо. Из него потоком лились непонятные мне слова.

Внезапно наступила тишина. Белые женщины лежали на земле,

готовые лишиться чувств. Они действительно были белыми, совершенно белыми, кровь отхлынула от их прекрасных лиц. Теперь они обе и брат миссис Коуан вновь сделались пленниками.

Ночь они провели возле костра вождя Жозефа.

Я пришёл в палатку вождя вместе с Лопнувшей Тетивой в надежде успокоить и подбодрить бедняг. Их состояние было совершенно подавленным. Я сразу понял, что ничем не смогу успокоить их. Говорить им о доброжелательности индейцев после только что совершённого убийства было бы просто нелепостью. Не знаю, за кого они приняли меня, но вряд ли я внушал им доверие. И я молча сидел возле бедняг, сопереживая им. Жозеф сидел перед огнем в полном молчании. Он выглядел хмурым и печальным, возможно, размышляя о дальнейшей судьбе своего народа, об окончании всей кампании. Может быть, он разглядел в облике трёх испуганных пленников какой-то знак. Не знаю. Атмосфера была тяжёлой. Каждый звук приводил нервы в ужасное напряжение.

— Послушайте, — заговорил я вдруг, — у вас большое горе. Я понимаю ваши чувства… Погиб ваш муж… Но у этих индейцев погибло гораздо больше близких… Я, конечно, не имею права читать вам нотации, но всё-таки… Я ничего не знал прежде о такой жизни. Раньше вся моя жизнь была отдана лёгкости, если не наслаждению. Я не ведал страдания и забот. Они не принадлежали моему миру. Я слышал о них лишь по чьим-то книжным словам. Но теперь я столкнулся с ними лицом к лицу, я поселился в самой их гуще, хотя никто не принуждал меня к тому. Я уверен, что никогда не забуду того, что увидел среди этих загнанных индейцев. И я знаю, что мои невзгоды сейчас всё равно не сравнятся с их бедами. Что случилось, того уж не изменить. Сожалеть о своих испытаниях — значит лишить себя настоящего развития. Это всё равно что отречься от собственной души. Теперь я знаю это наверняка…

На следующий день мы добрались до Грязевого Вулкана, и там индейцы отпустили пленников. Обеих женщин посадили на лошадей, а мужчине велели идти пешком. Покер-Джо указал им дорогу вниз по реке и попросил двигаться поживее. Они пустились прочь настолько быстро, насколько быстро могли идти измученные индейские пони.

Глядя им вслед, я почувствовал острое желание отправиться за ними. Моя короткая ночная речь и породившие её чувства

развеялись без следа, будто их не было. Мне сделалось страшно. Мрачная действительность заполнила пространство, полностью вытеснив благородные мысли и порывы, полные глубокого смысла. Для чего я ехал с Проткнутыми Носами? Что удерживало меня среди усталых и обозлённых людей? Я понимал, что рано или поздно армия возьмёт туземцев в клещи, и настанет конец. Что ожидало меня впереди? Голодная смерть, гибель от пуль солдат или от руки обезумевших дикарей?

Как-то на ночлеге возле меня присел Лопнувшая Тетива.

— Мы не можем скрыться от солдат, — сказал он. — Нас никто не хочет видеть. Все боятся. Вождь Зеркало посетил Воронье Племя и просил, чтобы они разрешили нам некоторое время пожить на их земле. Они отказали ему. Сказали, что мы воюем с белыми людьми, с которым они ведут крепкую дружбу. Они не хотят, чтобы война пришла и к ним. Мне обидно слышать это, потому что мы всегда помогали им. Но я не могу винить их. Никто не волен никого принуждать. Теперь мы остались одни. У нас нигде нет друзей. Почему всё так устроено, друг?

Что я мог ответить ему? Собственно, он ничего не спрашивал, он просто общался с окружающим воздухом, с низко плывущим рыхлым небом, с глазами сидящего рядом человека, с пламенем костра.

— Разве не все мы созданы одним Богом? Разве не равны мы между собой? — продолжал Лопнувшая Тетива. — Можно ли ожидать, что люди, рождённые свободными, будут довольны, когда их начнут понукать, заставят сидеть на одном месте? Я не понимаю белокожих начальников. Сами они ходят, куда и когда им вздумается. Почему же мы обязаны сидеть на клочке земли, который они называют резервацией?

Я вновь промолчал. Мне вдруг подумалось, что людям моей расы вообще следовало почаще молчать. Мы слишком хорошо умели вести разговоры, мы околдованы речами, построенными на хитрых логических связках, на ложных точках отсчёта, на зыбких понятиях морали. Мы без конца рассуждаем, но наши слова лежат в стороне от наших дел.

Однажды я услышал, как Жозеф, глядя на мёртвого юношу, говорил, что слова белых людей, пусть самые ласковые и дружелюбные, не заменят убитых людей, не заплатят за отобранную землю, не защитят могил предков, не вернут здоровья и не охранят от смерти. Он устал от бесплодных

разговоров. Зачем нужны слова, если они не воплощаются в дела?

— Белые любят говорить, любят обещать. Моё сердце сжимается при воспоминаниях о нарушенных обещаниях. — Вождь опустил голову.

Я вновь посмотрел на себя со стороны. Для чего я ехал с индейцами? Я не помогал им ничем, поэтому не мог обманывать себя мыслью, что я полезен этим изгоям. Может быть, во мне скрывалось тайное желание предстать перед цивилизованными людьми в моём нынешнем неухоженном виде, вооружённым, испытавшим на собственной шкуре все тяготы кочевой жизни, прошедшим сквозь неутихаемые страхи войны? Я не знал этого тогда, не знаю и сейчас. Став однажды очевидцем жестокой бойни, но не пролив ни капли собственной крови, я впитал в себя ужас ожидания, но по-настоящему ещё не осознал, что такое смерть. Теоретически я понимал, почему воевали Проткнутые Носы, но теория зачастую лежит так далеко от практики. Я оставался наблюдателем. Я был среди них и со стороны казался одним из них, но я был другим. Глубоко в моём подсознании укоренилась мысль, что я в любой момент мог повернуть коня и навсегда оставить мятежное племя. По всей видимости, эта не высказанная вслух причина позволяла мне ощущать себя относительно легко. Индейцы не угрожали мне, и солдаты не тронули бы меня, появись я перед ними с поднятыми руками. Назвавшись пленником, я бы без промедления получил от солдат еду и тёплую одежду, перестав страдать от холода и голода. Да, теперь я понимаю, что я всегда держал такой вариант в укромном уголке моего мозга. Пленников у индейцев было достаточно, их регулярно захватывали в лесу и приводили в стойбище. Белых людей держали в течение нескольких дней, затем отпускали. Иногда пленники сами убегали.

Вожди всячески старались поддерживать дисциплину в рядах и охлаждать слишком воинственно настроенных воинов, но контролировать раздражённых индейцев удавалось далеко не всегда. Пока основная масса Проткнутых Носов продвигалась в намеченном направлении, некоторые из молодых людей отклонялись круто в сторону.

В конце августа индейцы без всякой причины совершили нападение на группу туристов человек в десять. Путешественники издали заметили приближение всадников и спешно организовали лагерь на случай обороны. Проткнутые Носы атаковали их на следующий день, кого-то убили, кого-то пощадили. Я мало что

понял из их рассказа, да и Лопнувшая Тетива не особенно переводил мне их хвастливый рассказ, считая, вероятно, что подробности мне не доставят никакого удовольствия.

Через несколько дней группа молодых Проткнутых Носов столкнулась с путешественниками неподалёку от водопадов на реке Гарднер, затем сожгла какую-то ферму.

Все эти страшные нападения вызвали большое волнение в штате Монтана. Через пару месяцев я полистал подшивку газет и обнаружил, что они день изо дня публиковали жуткие истории о приключениях незадачливых туристов. Встречались статьи, где число погибших белых людей было преувеличено раза в три. Я хорошо представляю состояние мирных жителей, читающих страшные повествования.

В начале сентября наступило резкое похолодание. Люди пришли в изнеможение от бесконечного ветра и дождя. Авторитет боевых вождей заметно упал. Мне казалось, что один Жозеф, вечно размышляющий о чём-то и успокаивающий других, пользовался не меньшим уважением, чем в былые дни. Он оставался непоколебимой скалой, на которую опиралось племя. Он был чуток и мягок, он успевал появиться повсюду, никогда не повышал голос, ничего не требовал, а лишь советовал. Он высказывал своё самое сокровенное, и потому его слова трогали людей.

Как-то раз отряд Проткнутых Носов, охранявший колонну сзади, различил в мутном влажном воздухе множество всадников. По очертаниям было понятно, что это индейцы. Подпустив незнакомцев поближе, Проткнутые Носы увидели перед собой Банноков. Эти аборигены некогда находились в тесных дружеских отношениях с Проткнутыми Носами, но теперь вызвались помочь армии. Они издали клич, вскинули винтовки, и по долине рассыпался треск выстрелов.

— Стойте! — закричал им Лопнувшая Тетива. — Мы не хотим драться с вами! Давайте поговорим и покурим вместе! Или уезжайте прочь! Что мы вам сделали? Мы не причинили вам никакого зла! Мы всегда оставались верными нашей дружбе, а вы подняли оружие против нас! Поворачивайте обратно!

К моему величайшему удивлению, преследователи потоптались недолго на месте и исчезли в тумане, прекратив стрельбу. Я так и не сумел понять, что заставляло дикарей браться иногда за оружие, вступать в схватку и вдруг уходить с поля боя, когда ничто особенно им не угрожало.

Вскоре Жозеф прознал, что к солдатам присоединились скауты из племени Ворон, и возмущению его не было предела.

— Я не понимаю, как Вороны могли решиться встать на сторону солдат! — переводил мне Лопнувшая Тетива слова вождя. — Они пошли драться против своих лучших друзей! Некоторые из наших людей помогали Воронам сражаться против Сю всего несколько зим назад. Теперь они открыто предают нас! Моё сердце скорбит. Мои уши не желают больше слышать о Воронах…

Убедившись, что Вороны оказались ненадёжными союзниками, вожди приняли решение немедленно покинуть их территорию.

Колонна упорно двигалась дальше, невзирая на все препятствия. Подступив к горной гряде Абсарока, мы узнали, что на нашем пути появились новые солдаты. Гряда Абсарока представляла собой гранитный барьер с тридцатью скалистыми вершинами, вздымавшимися на десять тысяч футов. Где-то на этих уступах стояли люди в военной форме, поджидая нашу колонну. Позади, словно голодные волки, наседали кавалеристы генерала Ховарда.

Вожди провели неторопливое совещание, разработали какой-то хитрый манёвр и сумели обманным движением увлечь солдат со своего пути в сторону, уйдя тем временем по узкому ущелью. Если бы я не находился среди Проткнутых Носов, то никогда бы не поверил, что такая масса всадников сможет ускользнуть. Каньон был похож на трещину, стены которой сходились так близко друг к другу, что две лошади с трудом могли протиснуться туда одновременно. Переход был труден, но мы все ушли.

Опять на пути встречались ранчо, и мои дикие спутники безжалостно уничтожали их. Всё чаще встретившимся белым людям приходилось вступать в бой и оставаться лежать на сырой земле. Всё суровее становились Проткнутые Носы.

Возле Каньонова Ручья нас настигли кавалеристы, но Проткнутые Носы не прекратили движения. Женщины с детьми и старики продолжали скакать вдоль русла между крутыми берегами, а часть мужчин под предводительством Зеркала образовала арьергард и открыла огонь по приближавшимся синим всадникам. Наступающие кавалеристы спешились и вынуждены были пробираться вперед на полусогнутых ногах. Индейские всадники носились по устью каньона туда-сюда, будто разбросанные горошинки. Некоторые укрылись за камнями и вели неторопливый прицельный огонь.

Находясь в задних рядах отступающих, я получил прекрасную

возможность увидеть, как солдаты легко сбились в кучу и спешились. Насколько я могу судить о тактических приёмах, кавалеристам нечего ввязываться в пешую атаку. Это было явной ошибкой. Очень скоро на месте боя осталось лишь два или три индейца, догнавших нас позже, но эта жалкая горстка снайперов удерживала солдат до наступления вечера[4].

День ото дня близ лагеря появлялись индейцы-Вороны, и всякий раз из табуна Проткнутых Носов исчезали лошади. Белая Птица и Зеркало яростно ругались, но не решались ввязываться в драку с недавними друзьями, хорошо зная их боевую выучку. Одного из Ворон удалось захватить, и Проткнутые Носы подвергли его нещадному избиению плётками. Они не убили его, нет. Они лишь зло посмеялись над пленником и отпустили. Бедняга еле ковылял на раскоряченных ногах, брёл без оглядки, униженный, окровавленный.

Я испытал сильную обиду, глядя на побитого дикаря. Волна жалости захлестнула меня, я даже решился забрать одного коня из табуна и догнать хромающего индейца, чтобы вручить ему лошадь. Но, отправившись за ним, я встретил совершенно другого человека.

Из еловых зарослей на склоне холма ко мне выехал Юджин Сэмтон. Он сидел в седле и смотрел на меня, не подозревая, что бородатый всадник перед ним — Лэсли Грант. Сам он был привычно выбрит и одет весьма опрятно, несмотря на походный образ жизни.

— Приветствую вас, сэр! — крикнул он мне, спускаясь медленным шагом по склону. — Вы здешний траппер? Чёрт меня подери, если я не заплутался в этих горах. Я присоединился к гражданскому ополчению и участвую в погоне за мятежными краснокожими. Слышали про таких? То-то…

Я таращился на него и ощупывал ремень, на котором висел карабин за моей спиной. Весь мой надуманный героизм как ветром сдуло, пока я наблюдал за Сэмтоном. Он был ещё достаточно далеко от меня, но я уже чувствовал, что страх начал сковывать меня. Я вспомнил кулак Юджина, кислый привкус во рту после удара, безумные глаза моего недруга. У меня в горле что-то задёргалось.

— Не опасайтесь меня, сэр! — крикнул он, видя, что я взял в руки карабин. — Я еду вместе с отрядом волонтёров, но слишком вырвался вперёд. Нетерпение, знаете ли… страсть охотника… Здесь где-то совсем близко прошли краснокожие, наши скауты обнаружили их следы.

Он подъезжал всё ближе и ближе, и я чувствовал, как руки мои начали подрагивать. Мне, конечно, следовало выстрелить в тот момент, не выжидая, но я медлил. Я боялся. Я не умел убивать. Не та у меня закваска.

— Что скажете, мистер? — Юджин находился совсем близко. Я различал тиснение на широком кожаном ремне вокруг его талии, где был прилажен крупный «кольт». Вот уже видны стали брызги на его щеке.

И тут он остановился. Ствол моего карабина смотрел ему в грудь.

Он меня узнал. Ненавистное лицо узнаётся даже в гриме, а на мне было лишь одно непривычное украшение — борода. Зато две родинки над левым глазом, которые Юджин высмеял однажды, посещая Тэйлоров, и назвал женским украшением, сразу бросились ему в глаза. Юджин побледнел, внезапно поняв, кто держал его на мушке. В другой ситуации он нашпиговал бы меня свинцом без колебаний, но в данном случае жерло ствола, направленное на третью сверху пуговицу его кожаной куртки, оказалось сильнее его вспыльчивости.

— Я всё равно разделаюсь с тобой, Лэсли Грант. Если ты не хочешь, чтобы я перегрыз однажды твою глотку зубами, пристрели меня сейчас же, — прошептал он побелевшими губами. — Я отыщу тебя, и наша следующая встреча станет похожа на ад. Ты проклянёшь свою слабость тысячу раз, прежде чем подохнешь…

— Поезжай обратно, — ответил я и удивился твёрдости моего голоса.

Он помедлил, испепеляя меня взглядом сквозь сузившиеся щелочки хищных глаз, и повернул коня. Жеребец с неохотой начал карабкаться вверх, осыпая каменья.

Я уже ругал себя за мягкотелость, нерешительность, но момент был упущен. Я не выстрелил сразу и подавно не мог нажать на спусковой крючок теперь, когда Юджин ехал спиной ко мне.

Я повернул лошадь и поскакал в сторону индейской деревни, моля Бога, чтобы Сэмтон не обернулся и не увидел моего позорного бегства. Из-за шума падающих камней он не сразу заметил, что я пустился наутёк. Зато я легко могу представить его гримасу, когда он оглянулся.

Вскоре возле моего уха прожужжала пуля. Мне даже почудилось, что она обожгла меня. Я не стал рассуждать по этому поводу и растрачиваться на гневные взгляды, а пустил лошадь во весь опор.

Юджину предстояло сперва спуститься по крутому склону, и это давало мне значительное преимущество в скачке, я мог порядочно удалиться от этого безумца. Ещё пара пуль ударилась в землю слева от меня.

Спустя несколько мгновений на опушке, вылетев из-за мокрых деревьев, появился всадник, в котором я не сразу узнал Лопнувшую Тетиву, и помчался мне навстречу. Он стремительно приблизился ко мне, осадил мустанга, поднял руку и велел мне остановиться. Он проворно подхватил свою дорожную сумку, сунул в неё руку и протянул мне горсть патронов. В первую секунду я не понял его, но затем меня осенило. Индеец не мог поверить, что я струсил и бежал от врага. Он был уверен, что у меня по какой-то причине не было боеприпасов. Он считал меня верным другом Проткнутых Носов, поскольку я добровольно присоединился к ним в самый тяжёлые дни. Он видел во мне одного из соплеменников и бросился на выручку.

Увидев рядом настоящего бойца, я немного приободрился, взял протянутые мне патроны и сделал вид, что заряжаю карабин. Лопнувшая Тетива тем временем спокойно поднял ружьё к плечу и прицелился. Проткнутые Носы, как я успел заметить за время жизни с ними, стреляли наверняка.

Грянул выстрел. Юджин откинулся в седле, но не упал. Винтовка выскользнула из его рук на землю, я видел поднявшиеся в луже брызги от удара приклада. Юджин придержал коня, качнулся, вцепившись одной рукой в нижнюю часть груди, и тяжело сполз на землю, чтобы подобрать оружие. Внимательно наблюдая за ним, Лопнувшая Тетива ударил мустанга пятками и поскакал к врагу. Юджин медленно нагнулся, притянул винтовку, решительно повернулся в нашу сторону и прицелился, стоя на одном колене. Лопнувшая Тетива издал гортанный выкрик, вскинул над косматой головой руку с ружьём и заплясал на месте. Послышался хлопок, над Сэмтоном распустилось пороховое облако, громыхнуло ещё раз, и мой индейский друг дёрнул головой. Он на мгновение остановил коня, прильнул к его шее, будто охваченный порывом нежности, и тут же направил его на Сэмтона.

Я сделал усилие над невидимым властителем внутри меня и поднял карабин к плечу. Мушка совместилась с неподвижной фигурой Юджина, который стоял уже на двух коленях и опирался всем корпусом на винтовку. Я рванул спусковой крючок. Юджин плавно откинулся на спину, вывернув ноги, и тело его приобрело

до отвращения нелепый вид.

Лопнувшая Тетива подскакал ко мне, втянув голову в плечи. По его лицу бежала кровь. Похоже, пуля пробила голову над глазом. Он остановился и едва слышно обратился ко мне.

— Отвези меня к моим людям, брат.

Я протянул руку, но не успел удержать его. Он рухнул вниз.

В деревню я вернулся мрачнее тучи. Передав индейцам на руки тело Лопнувшей Тетивы, я протолкнулся между ними и сел на корточки. На меня напало равнодушие. Действительность застлало ватной серостью.

Последующие дни проплыли, окутанные каким-то душным безмолвием. В памяти почти не отпечаталась переправа через Миссури, где Проткнутые Носы напали и разграбили военный склад на Коровьем Острове. Смутно припоминаю атаку на какой-то обоз, горящие фургоны, падающих солдат…

К реальности я вернулся на берегу Змеиного Ручья. Было пронзительно холодное тёмное утро. Воздух сотрясался от грохота копыт. Отовсюду на нашу деревню неслись потоки кавалеристов. Звуки выстрелов тонули в конском топоте.

Я почувствовал оглушительный стук сердца и жар во всём теле. Руки сами собой схватились за карабин. Вертя головой, я побежал к залёгшим индейцам. Когда до линии обороны оставалось не более сотни ярдов, воины открыли огонь. Кавалеристы смешались, повалились на землю, многие потеряли лошадей и притаились за камнями. Наездники вываливались из сёдел, как переспелые плоды с сотрясаемых ветвей. Мне показалось, что наш огонь поразил добрую треть наступавших солдат. Заметьте — я говорю «наш огонь», потому что я тоже стрелял. Во мне всё клокотало, глаза застилал кровавый туман, как если бы мои мозги текли из моего лба на лицо. Я нажимал на спусковой крючок с яростью, ранее мне не известной. Я кричал во всё горло, не произнося никаких слов. Я превратился в сгусток невыразимых чувств. И я знал, что не мог не стрелять.

С точки зрения закона я стал настоящим преступником, подняв оружие на правительственные войска. Но мне было не до рассуждений. Я включился в войну, в эту нелепую по своей природе игру ожесточённых душ, и ничто не могло меня сдержать.

Индейцы терпеливо ждали, когда солдаты двинутся вперёд, и вскоре кавалеристы, обнадёжившись молчанием в наших рядах, поднялись на ноги и побежали к нам, низко пригнувшись.

Встретивший их огонь был таким шквальным, что наступающие сразу отхлынули. Очередная атака была смята. Несколько раз синие фигуры поднимались и пытались продвинуться вперёд, но Проткнутые Носы вели столь точный прицельный огонь, что наступление в пешем строю оказалось просто погибельным. Солдаты отползли назад.

По земле струился ледяной ветер с прожилками первого снега, слишком раннего и чересчур злого. Последний день сентября напоминал настоящую зиму и вгрызался в кожу лица и рук ядовитыми иголками. Время шло. В прояснившемся воздухе фигурки синих солдат стали видны отчётливее. Они охватывали кольцом всю деревню.

Проткнутые Носы, хоть и сумели встретить солдат, всё же были растеряны. Многим не удалось поймать своих лошадей в суете. Теперь индейцы поднялись и побежали к табуну. Оглянувшись, я увидел новую колонну кавалеристов, заходивших к нам сзади, чтобы отрезать нашу группу от основного лагеря. Все побежали. Возникла суматоха. Некоторые повскакивали на лошадей. Табун забурлил, двинувшись в сторону деревни.

Я ничего не мог понять. Откуда-то сбоку возник Жозеф. Он вертел головой, раскинув руки, в которых не было ни ружья, ни ножа, и, похоже, не знал, что предпринять. Отовсюду загремели выстрелы. Жозеф бросился прямо на солдат. Я мчался следом за ним. Не знаю, каким чудом нам удалось добежать до палаток, прорвавшись сквозь синие ряды. Мне казалось, что весь мир летел кувырком. Я выпустил две последние пули и больше не стрелял.

Я увидел, как Жозеф что-то закричал дочери и стоявшим возле неё юношам. Они немедленно прыгнули на коней и помчались прочь. В дальнем конце нашего лагеря тёмной струйкой тянулась куда-то целая вереница Проткнутых Носов. Решив, что это был манёвр, я тоже залез на лошадь и последовал за ними. Стрельба не прекращалась.

Солдаты подступили вплотную и кое-где уже забежали в деревню, прячась в индейских жилищах. Я проскакал мимо них и вырвался за пределы стойбища, но от верховых индейцев отстал.

Въехав на косогор, я остановился и понял, что я один. Я подумал, что нужно было возвращаться, и окинул взглядом деревню. Театр смерти и отчаяния развернул передо мной своё буйное полотно. Гремели выстрелы. Над рекой тянулся густой пороховой дым. На окраине деревни различались между палатками

пешие фигурки, сгрудившиеся в рукопашной схватке. Я вдруг ясно понял, что на этот раз положение племени было безвыходным. Армия обложила деревню плотным кольцом. Почти весь табун остался вне досягаемости индейцев, а без лошадей ни о каком бегстве думать не приходилось.

К ночи стихло. Издали можно было различить, как индейцы рыли руками небольшие траншеи. Костров в деревне горело два-три, не больше[5].

Меня начала бить дрожь. Не могу объяснить, каким образом мне удалось продержаться до утра без огня. Голод не сильно терзал меня, потому что я привык мало есть в последние дни. Но холод истязал.

Утром начался отвратительный дождь, в считанные минуты превративший меня в жалкую мокрую куклу с бесполезным карабином в руках.

Чувствуя себя отрезанным от мира людей, я, превращённый в бородатого грязного пса, не выдержал и поехал вперёд, решив довериться судьбе. Меня могли застрелить с любой стороны, могли взять в плен, могли сделать всё, что угодно. Солдаты, их индейские скауты и сами Проткнутые Носы могли угостить меня свинцом, не справляясь о моём желании. Всё теперь зависело от случая, удачного или несчастного. Впрочем, каким мог быть счастливый исход в моём случае, я не представлял.

Случай не заставил долго ждать. Он явился в образе трёх длинноволосых всадников в синих мундирах. Из-под полей мокрых шляп на плечи ниспадали косы с вплетёнными в них бусами. Индейцы не были Проткнутыми Носами. Они что-то сказали мне, вырвали из моих рук карабин, взяли под уздцы мою клячу и повели за собой рысью.

Вскоре я был в лагере солдат.

Я назвался и не стал скрывать, что прошёл с Жозефом от Стивенсвиля до Змеиного Ручья. Мне было совершенно безразлично в тот момент, расстреляют меня или просто высекут ремнём, как провинившегося ребёнка. Я смертельно устал и желал только одного — уснуть и забыть обо всём. Полковник Майлс и другие окружавшие меня офицеры взирали на меня с жалостью. Очевидно, мой облик и моё душевное состояние не позволяли им увидеть во мне предателя. Я был просто жалок, не более. И я был белым. Вероятно, они решили, что дикари держали меня заложником во время своего похода. Впрочем, не знаю…

В тот же день я провалился в черноту. Выстрелы и топот копыт я различал смутно, затем мой слух отключился совсем. Передо мной клубились в дыму глазастые морды людей с козлиными бородками и птичьим пухом вместо волос на голове. Эти физиономии разбухали и превращались в скалистые кряжи, с которых лавиной сыпались срубленные кем-то деревья. Брёвна разбивались об острые камни внизу и становились чёрным порошком золы над обгорелыми палатками, а вокруг них корчились в грязи и крови маленькие голые человечки…

Когда я пришёл в себя, я лежал в крытом фургоне. Он гремел и сотрясался, бросая меня с боку на бок. Надо мной в брезентовом покрытии различалось несколько рваных дырок и маслянистых пятен. Задрав голову, я увидел спину возницы и военную шляпу на его голове. На его плечах покоилось расшитое индейское одеяло.

На одной из стоянок я узнал, что Жозеф после нескольких дней переговоров сложил оружие. Его сердце не могло больше выносить вида страдавших людей. Слишком много слёз было в глазах женщин и детей, слишком много мужей и отцов потеряли они за сто восемь дней великого перехода. Обговорив условия капитуляции, Жозеф получил от Майлса заверения, что его люди будут отправлены обратно в долину Лапуай. Но я знал, что никто никогда не позволит ему жить в родном краю после стольких боёв, в которых он избил профессиональных армейских вояк в кровь. Зачем властям выполнять обещание, данное военному пленному?

Жозеф остался один. Его брат Оллокот погиб в последнем бою вместе с многими другими вождями и славными воинами. Белая Птица сумел ускользнуть из-под носа солдат и направился в Канаду, надеясь на гостеприимство Сидящего Быка, который скрывался там от армии Соединённых Штатов. Люди Сидящего Быка оказали радушный приём беглецам, и Проткнутые Носы оставались среди Сю до весны. До них дошли слухи, что их родному племени разрешили вернуться на родину, но слухи, разумеется, оказались ложными.

Пленных индейцев отправили сперва в форт Кио, где Майлс собирался продержать их до весны и оправить в резервацию Лапуай. Но почти сразу он получил уведомление, что Проткнутые Носы будут переселены в другое место. Пленников разделили на группы и спустили вниз по реке Жёлтый Камень к форту Бафорт, затем — в форт Линкольн, куда они добрались 16 ноября, покрыв восемьсот миль. Но это оказалось не окончательным пунктом

назначения. Военное командование успело изменить своё решение, и теперь несчастным дикарям предстояло ехать в форт Ливенворт, чтобы поселиться на так называемой Индейской Территории и погибнуть там в жутких условиях. Я слышал, что некоторые чиновники высказывались против высылки Проткнутых Носов на Индейскую Территорию, так как опыт уже доказал неразумность высылки северных индейцев в южные регионы. Тем не менее делались все приготовления для дальнейшей отправки пленных через четыре дня.

Таким образом, триста семьдесят Проткнутых Носов попали в резервацию Оклахомы. Показатель смертности среди них был ненормально высоким. Практически все родившиеся на той земле малыши умерли. Множество детей, переживших военный поход, скончались на территории резервации.

Отчаявшись, Жозеф стал пробиваться к президенту страны, но его переговоры не принесли никаких результатов. То и дело с ним встречались газетчики, публика жаждала услышать новые и новые подробности из уст самого Жозефа, считая его настоящим героем. В одном из его интервью я прочитал: «Я слышал только разговоры, но ничего не делалось. Хорошие слова не живут долго, если они не вырастают в конкретные дела. Слова не могут заплатить за смерть моих людей. Ими нельзя расплатиться за мою землю, которую теперь топчут Бледнолицые. Словами не сохранить могил наших отцов. Хорошие слова не вернут моих детей. Хорошие слова не сделают реальностью обещания, данные мне военным вождём Майлсом. Хорошие слова не подарят моим людям здоровья и не остановят смерть. Хорошие слова не обеспечат моих людей домом, где можно жить спокойно. Я устал от разговоров и не могу понять, почему такое множество разных белых вождей может говорить такие разные вещи и обещать так много различного».

Но что приносили его слова? Ничего. Сытые граждане сочувственно покачивали головами, но всё оставалось на своих местах.

Я тоже вернулся в спокойствие уютного родительского дома. Мне бесконечно одиноко, бесконечно грустно, когда я вспоминаю о тех событиях. Мне до сих пор кажется невероятным, что клинки и копья не превратили моё тело в окровавленную груду мяса, что я волен свободно дышать и передвигаться, а люди, которые могли уничтожить меня, но по неведомой мне причине сохранившие мою ничем не примечательную жизнь, все почти сгинули.

Мои друзья (друзья ли это?) настоятельно советуют мне забыть о том, что я видел и испытал. Но сделай я так, меня всю жизнь преследовал бы невыносимый стыд, ибо моя жизнь приобрела настоящую окраску только после безрадостного завершения жуткого похода. Всё, что я не умел ценить по-настоящему до того — солнце, луну, смену времён года, нежную утреннюю росу, молчание одинокой спальни — проявилось во всей красе лишь теперь. Я возношу благодарения Богу за дарованную мне жизнь.

И всё же мне одиноко и грустно. Передо мной на столе стоят белые тарелки, на них лежит бифштекс, от него валит ароматный пар. Обильный гарнир. Соусы. Вино в высоких бутылках. Такая тихая, безмятежная жизнь. Я оглядываюсь вокруг и не могу понять, какого счастья мне ждать ещё, как мне поделиться им с другими?

Апрель — май 1993
Москва

Мёртвая Кровь

[1] По своей природе вождь Жозеф был больше дипломатом, нежели военным. Он всегда спорил и уразумлял своих противников с позиции справедливости и силы. Что касалось договора о продаже земли, он говорил: «Если мы когда-либо владели этой землей, то мы и теперь владеем ею. Комиссионеры настаивают, что наша земля продана правительству. Но представьте, что приходит белый человек ко мне и заявляет, мол, мне нравятся твои лошади, Жозеф, я хочу купить их. Я ему отвечаю, что мне самому нужны мои лошади. Тогда он направляется к моему соседу и объясняет ему, что хотел бы приобрести моих лошадей, но я не продаю их. Сосед говорит ему: давай мне деньги, и я продам тебе лошадей Жозефа. Тогда белый человек возвращается ко мне и объявляет, что купил моих лошадей и что я должен теперь отдать их ему. Если правительство когда-то и приобрело наши земли, то именно таким способом». (Здесь и далее прим. автора)

[2] Примерно в три тридцать пополуночи, когда забрезжили первые проблески света, стрелковая цепь направилась к индейским жилищам. Они находились почти в ста ярдах от ближайших палаток, когда полог одной из них откинулся и появился одинокий индеец. Он сел на свою лошадку и неторопливо поехал от лагеря, заехав прямо в ряды притаившихся в траве солдат. Лейтенант Вудраф писал позже: «Он низко склонился, чтобы разглядеть, что это было перед ним в сумраке». Жёлтый Волк сказал, что всадником был Наталекин, подслеповатый старик, слишком дряхлый, чтобы воевать. Мощный ружейный залп свалил его с лошади.

[3] Полковник Гиббон, проводивший операцию, писал так: «Индейцам здорово досталось в первую атаку. Многие были застрелены в своих палатках. Сбежавшие дикари, однако, вскоре оправились и, поскольку нашим солдатам негде было укрыться, индейцы сумели обойти нас с флангов и спрятались на берегу в ивняке и на лесистых склонах гор в нашем тылу. Оттуда они открыли свой сокрушающий огонь по нашим людям, которые не знали, куда им скрыться. Были приняты самые различные попытки очистить от дикарей берег. Но едва мы отбивались от тех, кто перед нами, другие тут же объявлялись у нас сзади».

[4] Прибывший на место сражения генерал Ховард вспоминал: «Место было ужасным — полынь, грязь и узенький ручеёк с мутной

водой, и этой воды было так мало! Мёртвые лошади валялись повсюду вместе с другими свидетельствами сражения. Несколько раненых и убитых тоже находились там. В дополнение ко всему над землёй дико метался пронзительный ледяной ветер, от которого негде было укрыться. Если что-то может заставить человека ненавидеть войну, то представшее предо мной зрелище относилось к этой категории».

[5] Вот что рассказывал Жёлтый Волк о начале очередного сражения: «Наступило утро, и бой возобновился. Пули жужжали повсюду. Большая пушка била по нам снарядами. Из траншей наши воины отвечали выстрелом на каждый выстрел. Погода окончательно испортилась, ледяной ветер был полон густого снега. Воздух пропитался пороховым дымом, сквозь который не прекращали бегать сполохи выстрелов. Солнце продолжало подниматься за тучами, но ярость сражения не стихала. С едой у нас было туго, да и костры не из чего уже было разводить. Сухой помёт мы сожгли в первую ночь, а хворост собирать вдоль берега под пулями слишком опасно… Молодой раненый воин лежал на бизоньей шкуре и умирал, ни на что не жалуясь. Детишки рыдали от нестерпимого холода. И никакой возможности развести костер… Всю ночь мы провели в земляных ямах. Холод становился жёстче. Снег валил и валил. Мы, мужчины, не могли позволить себе уснуть, несмотря на усталость, потому что ждали броска солдат каждую минуту. Ночь казалась бесконечной… Я чувствовал, что приближалась развязка».

Мёрзлая кровь

«Цель войны — убийство. Орудия войны — шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями».

Лев Толстой

— Это и есть знаменитый форт Ларами?

Девушка с любопытством огляделась. Ей было лет двадцать, не больше. Копна светлых волос, слегка выбившаяся из-под заколки на затылке, придавала ей чарующее изящество и подчёркивала мягкий рисунок лица. Её звали Нэнси и её нежное имя вполне соответствовало её облику.

Она обернулась к сидевшей рядом женщине и спросила:

— А где же громадные крепостные стены, мадам? Где могучие бастионы?

— Не знаю, милочка, — пожала в ответ плечами Кэтрин Трублад (ибо таково было её имя) и поправила шляпку. — Какое сегодня жгучее солнце.

Два месяца назад Нэнси Смоллет нанялась в прислуги к миссис Трублад, муж которой, лейтенант Генри Трублад, был приписан к экспедиции полковника Кэррингтона. Дело было, конечно, не в желании девушки отправиться с военной колонной, чтобы познакомиться с неизведанными краями Дикого Запада. Причина таилась в том, что с этой экспедицией уезжал и Тим Хэнкс, который последние шесть месяцев считался женихом Нэнси.

— Похоже на то, что у нас будет непродолжительная остановка, — сказала Кэтрин. Она была лишь на пару лет старше Нэнси, но являла собой полную её противоположность: чёрные жёсткие волосы, острый нос, узкие губы, строгий взгляд. С Нэнси она разговаривала без высокомерия, но никогда не забывала держать дистанцию.

Спустившись из коляски на землю, Кэтрин отряхнула зажатой в руке перчаткой пыль с подола синего платья, сшитого в тон армейской униформе. На плечиках у неё красовалась вышивка, напоминавшая лейтенантские погоны. Нэнси вышла из коляски

следом.

— О, Марго, дорогая моя! — воскликнула Кэтрин, завидев неподалёку жену полковника Кэррингтона. — Как вам это зрелище? — не то спросила, не то пожаловалась миссис Трублад.

— Грандиозно! — откликнулась Маргарита Кэррингтон. — Посмотрите, какое скопление народу. Потрясающе. Никогда не представляла, что нам удастся увидеть столько дикарей сразу. Я слышала, что здесь будет вся нация Лакотов… И всё же столько дикарей сразу…

Фургоны военного обоза, в котором только что прикатили собеседницы, начинали выстраиваться по квадрату. Повсюду появились часовые, устало щурившиеся под солнцем.

— Капитан, объявите всем, что всякая торговля с индейцами строго запрещена! — услышала миссис Кэррингтон голос мужа и оглянулась.

Полковник сидел на серой лошади и отдавал распоряжения трём конным офицерам. Они козырнули, повернули своих лоснящихся скакунов и умчались.

— Дорогой, — заворковала Маргарита, беря под локоть миссис Трублад, и вместе с ней подошла к полковнику, — не пора ли нам отобедать? Мы изрядно утомились.

— Мадам, — заговорила Нэнси из-за плеча миссис Трублад, — вы позволите мне пройтись вокруг после того, как завершится обед?

— Гуляй себе на здоровье, только не забывай, что вокруг нас настоящие дикари.

— Не беспокойтесь, мадам, я буду крайне осторожна. Да и защитник у меня есть хороший, — улыбнулась Нэнси и откинула со лба золотистую чёлку.

— Знаю, знаю, — Кэтрин строго свела чёрные брови, — но не забывай, что твой жених тут вовсе не на летнем курорте. У него служба, милочка, так что не отвлекай его без нужды, не позволяй ему расслабляться.

— Разумеется, мадам.

— Сэр!

Перед полковником остановился молодой лейтенант.

— Что случилось? — повернулся к нему Кэррингтон.

— Я только что выяснил в форте, что выделенные для нашей экспедиции сто тысяч патронов никак нам не подходят! — проговорил лейтенант, смахивая пот с лица.

— То есть?

— Калибр не тот. Это какая-то чертовщина!

— Ох уж мне эти тыловые крысы, — проворчал полковник, — всегда что-нибудь напутают.

Лёгкой рысью подъехал, вальяжно откинувшись в скрипучем седле, пожилой человек. Замшевая одежда его пропылилась насквозь, швы и складки давно засалились и выглядели абсолютно чёрными. Из-под повязанного на голове выцветшего платка выбивались пряди седых волос. По тёмному от загара лицу были рассыпаны серебристые искры щетины. Нэнси хорошо знала этого человека в лицо. Это был известный по всему пограничью следопыт по имени Джим Бриджер.

— Ты тоже хочешь повеселить меня новостями, Джим? — Кэррингтон посмотрел на Бриджера.

— Я видел у нескольких индейцев бочонки с порохом, — проговорил Джим, щурясь. — Это армейский порох, полковник. Не знаю, кто продал его, но кто-то это сделал. Можете быть уверены…

— Чёрт подери этих свиней! — Кэррингтон обернулся к женщинам и покачал головой. — Простите мне эту мою несдержанность, но иногда я просто сгораю от злости… Поехали, Джим. Надо разобраться во всём этом бардаке…

Повсюду сновали индейцы. Одни были одеты, другие полуголые, на третьих же не было ничего, кроме набедренной повязки. Маленькие дети бродили вокруг своих родителей совершенно голые, некоторые сосали леденцы, то ли купленные, то ли украденные в лавке. Молодые индеанки мило улыбались солдатам и просили дать им кружку риса, сахара, кофе, муки. Они быстро рассыпали поданное им по сумкам и принимались просить опять. Мужчины не обращали внимания на поведение своих жён. Они считали такое попрошайничество вполне нормальным.

— *Ва́ште, ва́ште,* — слышалось отовсюду.

— Это обычные цыгане, — разочарованно проговорила миссис Трублад, наклоняясь к уху Маргариты Кэррингтон, — они грязны, и от них дурно пахнет. Где же их сказочная гордость, о которой написано столько книг?

Иногда перед женщинами останавливался какой-нибудь коричневый от солнца воин и быстрыми жестами что-то объяснял, не произнося ни слова.

— Чего им надо? — недоумевала Кэтрин.

— Понятия не имею, — отвечала Кэррингтон и, выразительно

пожимая плечами, показывала дикарям, что их жесты ровным счётом ничего не значили для белых женщин, поэтому объясняться таким образом не имело смысла.

— Какими глупыми они кажутся, — проговорила Кэтрин, оглядывая индейцев, которые, похоже, посмеивались над непонятливостью белых женщин. — А как от них пахнет, Марго, почти воняет!

— Ещё бы, дорогая моя. Взгляните на их волосы, на них намазано столько медвежьего жира, что косы весят целый пуд.

— Зачем они так мажутся? На этот жир страшно налипает пыль.

— Должно быть, это считается у них своего рода шиком. Впрочем, я не знаю. Надо спросить у Джима.

— Этот Бриджер кажется мне ничуть не умнее краснокожих… Ой, а это что ещё за особы? — Кэтрин кивком головы указала на двух белых женщин, которые неторопливо подошли к солдатам, покачивая бёдрами.

— Похоже, это проститутки, — предположила Маргарита.

— Неужели в форте есть проститутки? — не удержалась и воскликнула Нэнси из-за плеча хозяйки.

— От них пахнет псиной, — Кэтрин Трублад скривила лицо, — не человеком, не женщиной, а псиной.

— Будьте снисходительной, дорогая, — ответила Марго. — Эти жалкие существа — тоже женщины и тоже хотят любви.

— Эти… они не люди, — решительно проговорила Кэтрин. — Их невозможно любить человеческой любовью. Собаку тоже можно любить, ласкать её, играть с нею, кормить заботиться. Но не как человека любить, а как собаку.

Кэтрин Трублад тряхнула головой, как бы ставя окончательную точку.

— Нэнси, — Маргарита повернулась к девушке, — Кэтрин сказала мне, что ты ведёшь дневник?

— Да, мадам.

— Ты непременно должна занести туда впечатления о сегодняшней нашей остановке, о дикарях и даже об этих несчастных женщинах, вынужденных торговать своим телом в этих диких местах.

***

«Воскресенье, 17 июня, 1866. Покинули форт Ларами и остановились на берегу реки Платт возле ранчо, которое носит

название Девятая Миля. На расстоянии примерно шестидесяти миль отсюда возвышался пик Ларами. Я слышала от Джима Бриджера, что форт Ларами — излюбленное место многих торговцев и фермеров, женатых на индеанках. Здесь постоянно находится множество индейцев. Джим рассказал, что обычно форт Ларами очень приветлив, но этого, к сожалению, нельзя сказать о тех днях, которые мы провели возле форта. Индейцы очень недовольны тем, что Кэррингтон ведёт экспедицию в самое сердце их страны. Это, оказывается, противоречит всем заключённым с туземцами соглашениям.

Меня очень удивляет, что взрослые люди не могут договориться. Быть может, ни одна из сторон просто не желает прийти к нерушимому союзу? Всего этого я понять не могу, из-за чего на душе лежит лёгкая тень беспокойства. Но эта тень не способна заглушить яркие впечатления от нашего путешествия.

Наш обоз состоит из двухсот двадцати шести фургонов, запряжённых мулами. Помимо них, имеются также медицинские повозки. И ещё оркестр из тридцати человек. Можно легко представить, что думают о нашем походе дикари. Они наверняка полагают, что мы отправляемся навеки обосноваться на их земле.

Эта страна удивительно красива. Пусть индейцы нас и не приветствуют, но природа не противится нашему вторжению: пахнет цветами, отовсюду льётся пение птиц, шныряют лисицы и койоты, то и дело на глаза попадаются величавые олени и стада могучих бизонов. Природа будто бы похваляется своими богатствами. Здесь просто рай земной. Иногда меня охватывает чувство блаженства!

18 июня. Сегодня утром долго разговаривала с Тимом. Мне кажется, что я перестаю понимать его. Он чем-то сильно раздражён, но я не могу разобраться, чем именно. Не могу занести его слова в мой дневник, ибо никакой внятной мысли я от Тима не услышала. Сегодня он совсем не похож на того Тима, которому я отдала моё девичье сердце.

В три часа дня просигналил горн, и мы выдвинулись из Девятой Мили. Проехали мимо сухого притока Тёплого Ключа, мимо Ручья Горького Тополя и через шестнадцать миль остановились на Малом Горьком Тополе. Здесь полным-полно тенистых деревьев, воды и травы. Трава очень высокая и шумная на ветру. Глядя на эти заросли, я невольно погружаюсь в детство: тогда всё казалось громадным и сказочным. Здесь, на берегу Горького Тополя, меня

окутал дух давно забытой сказки.

19 июня. После восемнадцати миль пути остановились близ прекрасного ущелья, по которому река Платт течёт из Скалистых Гор.

Старый Джим Бриджер ведёт себя настороженно, постоянно осматривается и указывает нам на горы, мол, там наверняка притаились злые дикари. Все посмеиваются над этим пропахшим дымом человеком. Все вокруг думают, что он специально преувеличивает опасность, желая тем самым повысить собственную значимость. Мне тоже кажется, что он сгущает краски: индейцы ведь не проявляют никакой враждебности, несмотря на высказанные ими в форте Ларами угрозы. Старый Джим иногда напоминает мне ворчливого гнома из детских рассказов про Эльфов, хмурится седыми бровями, грозит пальцем и пугает несмышлёных детишек.

20 июня. Добрались до паромной переправы, которой владеет некий мистер Милс. Владелец парома сообщил, что за день до нашего прибытия поутру нагрянули индейцы и угнали с его пастбища десять голов рогатого скота. С Милсом живёт жена, она из Лакотов; помимо этой индеанки, при Милсе живёт ещё один дикарь по имени Кривой Корень, который помогает ему вести хозяйство. Кривой Корень тоже из Лакотов. Он отправился по следам угонщиков и сумел незаметно увести у них обратно семь коров из десяти угнанных. Он утверждает, что угонщики были Оглалы из группы вождя по имени Красное Облако. Эту группировку воинственного племени Лакотов называют Плохими Лицами.

В этом месте громоздятся причудливые горы красно-бурого цвета; они похожи на аккуратно сложенные глиняные плиты — бесчисленные эти плиты сдавили своим весом друг друга, потрескались, размылись дождевыми потоками и вдруг окаменели в таком исковерканном виде. Потрясающее зрелище! Смотришь на здешние утёсы и видишь перед собой одну из застывших форм времени. Растрескавшиеся скалы и гигантские ели.

Моё сердце готово растаять от восторга.

22 июня. Вечером в лощине между холмами я видела оперённых всадников. Со мной рядом был Тим, но его присутствие не успокоило меня. Мне показалось, что от тех индейцев исходил какой-то устрашающий дух. Они подъехали настолько близко, что я разглядела раскраску на их лицах. Белая глина покрывала их лица

и плечи густым слоем. Чёрные точки глаз выглядели ужасно и пугали. На одном из всадников была пушистая шапка с бизоньими рогами. Индейцы покружили на месте, не доехав до нас, и скрылись в лесу.

Джим Бриджер усмехнулся, услышав мой рассказ про встречу с индейцами. Теперь мне кажется, что он прав, говоря о подстерегающей нас опасности. Покуда я видела индейцев только в форте, они казались мне просто примитивными людьми. Но теперь я увидела их в раскраске, и они напугали меня. При них были топоры, дубины и луки со стрелами.

Неужели мы все (наши предки) тоже были такими же дикими варварами? Неужели и мои прапрадеды бродили по лесам и горам, вымазавшись глиной, и дрались друг с другом тяжеленными дубинами? Не верю я в это, хотя и понимаю, что не всегда мы принадлежали к цивилизованному миру.

И вдруг подумалось: а не точно ли такая же я примитивная дикарка, когда вхожу на центральную улицу моего родного города, ярко накрасив губы и глаза и повесив в уши серьги? Для чего мне браслеты и прочие побрякушки? Для чего мне всевозможные бантики и ленты на платьях? Разве это не те же орлиные перья в волосах и не та же белая глина на голых телах индейцев?

23 июня. Прошли шестнадцать миль. Остановились возле ручья, который наши проводники назвали Полынной Речкой.

24 июня. Остановились возле сарая с вывеской «Магазин». Заправляет этим магазином Луи Газон. Луи и его жена-индеанка открыли торговлю на дороге к будущему форту. Форта ещё нет, а торговля уже идёт. Торговая лавка забита фруктовыми консервами, спиртными напитками, ножевыми изделиями, табаком, бусами, печениями, сыром. Луи очень похвалялся тем, что он был первый торговец на пути в страну золота и дичи. Он говорит о себе так: «Луи Газон имеет хорошую голову! Без хорошей головы в наше время ни купить, ни продать нельзя ничего. Ха-ха! Если бы Луи не поспешил сюда, то его обскакали бы другие купцы. А я не люблю, когда меня обскакивает кто бы то ни было. Зато теперь я обеспечил себе хорошую жизнь. Моя скво[1] очень довольна, что её соплеменницы смотрят на неё с завистью. Они хотели бы получить всё, что у нас есть в лавке. Да, они нам завидуют». Жена доктора Хортона купила у Луи Газона маленькую антилопу.

Странный человек, этот Луи: кто может завидовать ему, кто может желать такого же прозябания в безвестном уголке? Впрочем,

ему, похоже, нравится его существование. Выглядит он забавно, весь растрёпанный, одет не то под городского купца, не то под индейца. А жена у него красивая, статная, темнокожая и улыбчивая. Я бы хотела, чтобы у меня были такие же красивые крупные зубы.

25 июня. Прошли пятнадцать миль. Остановились возле южного притока реки Шайен. Повсюду лежит сухой бизоний помёт, его используют в качестве топлива, чтобы не тратить время на сбор дров. Однако воды мало, она в эту жаркую погоду ушла из реки. Мужчинам пришлось копать песчаное русло, чтобы добраться до живительной влаги. Отсюда прекрасно виден пик Ларами, острым углом возвышающийся над скалами, которые громоздятся каменными пирамидами одна над другой. Чарующий вид!

Я чувствую, что в моём сердце всё больше и больше растёт благодарность судьбе за предоставленную возможность отправиться в эти края. Во всём виновата моя любовь к Тиму. Не повстречай я его, сидела бы сейчас в унылом родительском доме и изнывала бы от тоски».

***

— А этот Бриджер на самом деле так хорош, как о нём говорят? — полюбопытствовал молоденький солдатик, спрыгнув с лошади и разминая ноги.

— Говорят, он пасётся в прерии уже больше сорока лет, — отозвался Тим. — За такой срок вольно или невольно научишься распознавать следы в траве.

— А ты давно мотаешься по пустыне? — встрял Патрик Шэнон.

— Мне было восемнадцать, когда Юг поднял мятеж. Я сразу пошёл добровольцем на войну и стоптал не одну пару сапог. — Тим опустился на землю и потянулся. — Теперь я проклинаю себя за моё желание служить родине. Пришлось глотнуть и пота и слёз. Впрочем, я многое повидал, наступая и отступая. Я даже видел, как генерал Ли пописывал бумагу о капитуляции.

— Значит, ты пропахал через всю гражданскую войну?

— От начала до конца. И вот что я скажу тебе, приятель: война — это самая вонючая помойная яма из всех, в которых мне приходилось побывать. Я рад бы похвастать, но нечем. Я поймал два куска свинца в левую руку и один свинец в правую лодыжку. Кроме того, меня угораздило попасть под копыта одной строптивой лошадёнки, и она едва не проломила мне череп. Одним словом, я проглотил столько дерьма, что и говорить об этом не следует.

— Стало быть, ты не остался доволен службой?

— А ты полагаешь, что перечисленные мною подарки судьбы настраивают на благодушное настроение?

— Тогда почему же ты не уволился, Тим?

— Как же не уволился? Я ушёл из армии сразу после окончания боевых действий, будь они четырежды прокляты. Но дома у меня что-то не заладилось. Семья большая, а хозяйства никакого. Да все мои домашние успели изрядно отвыкнуть от меня. Меньше года промыкался и вот опять подрядился носить это синее тряпьё.

— Опять в помойную яму?

— Мне двадцать три отстегнуло, но что делать? Если так пойдёт и дальше, то придётся остаться в армии навсегда. А ведь у меня невеста. Она из-за меня нанялась прислуживать в семью лейтенанта Трублада. А жена у него, скажу я тебе, просто крыса. Жаль мне мою Нэнси.

— Значит, ты человек бывалый. А вот про золото в Чёрных Холмах приходилось слышать? — спросил, жуя табак, Патрик Шэнон.

— Нет.

— А вот до меня дошёл слушок, — встрял Альберт Уолтер, — что Бриджеру посчастливилось однажды найти в Скалистых Горах потрясающий алмаз. Искал золото, а наткнулся на алмаз. Так вот, при свете этого камня он проехал добрых тридцать миль во время ночной бури — алмаз освещал дорогу.

— Чушь, — недоверчиво хмыкнул Тим.

— Мне рассказывал об этом человек, который провёл с Бриджером целый год в горах, — заверил Уолтер.

— Алмазы не сверкают, — неуверенно парировал Тим.

— Не знаю, что там насчёт алмазов, но мне доподлинно известно, что Джим Бриджер любит приврать, — вновь заговорил Патрик Шэнон. — Когда мы проезжали мимо форта Ларами, я собственными ушами слышал, как он рассказывал жене полковника, будто в дни его молодости на месте форта торчала высоченная скала. На вопрос, куда же она делась, он заржал, как старая лошадь, и ответил, что скала эта была разбита ударом молнии и превратилась в песок. Разумеется, миссис Кэррингтон ему не поверила. Она сказала, что такого быть не может. Она даже попыталась пристыдить Джима. А он себе похмыкивает. Миссис Кэррингтон вроде даже обиделась на него. Тогда он и пояснил ей, что привык подшучивать и даже обманывать путешественников,

ведь они, мол, обычно даже «спасибо» не говорят ему за его работу.

Солдаты любили посудачить о Джиме Бриджере и Джеке Стиде, характеры и жизнь которых оставались для них неразрешимыми загадками. Что заставило этих людей покинуть оживлённый мир и уйти в глухие пространства прерий и гор? Неужели вдали от людской толпы они ощущали себя гораздо увереннее и спокойнее, несмотря на поджидавшие их на каждом шагу опасности?

— Если ваши солдаты, лошади или кто-либо вообще будет оставаться без присмотра, — сказал Бриджер, подъехав к Кэррингтону, — у них будут неприятности. В этом я не сомневаюсь.

— Мы двигаемся в самое логово этого дикарства, — мотнул головой Джек Стид, подскакав к полковнику через секунду.

— Да, там вас никто не поприветствует рукопожатием, — поддержал его Бриджер. — Лакоты не хотят мира с белыми, которые приходят на эту землю без приглашения.

— Быть может, эти племена не знают о переговорах в Ларами? — предположил лейтенант, стоявший рядом с Кэррингтоном.

— Знают, — Бриджер уверенно покачал головой, обвязанной платком. — Помните Кривого Корня?

— Это кто такой?

— Индеец, который помогает хозяину парома.

— Да, вспомнил его.

— Тогда вспомните и то, что он угнал обратно украденный с фермы скот. Помимо коров, он пригнал обратно и лошадь, нагруженную подарками, которые выдавались индейцам в форте Ларами. Так что дикари прекрасно знают обо всём. Знают они и о том, что Красное Облако отказался заключить мирное соглашение с правительством США. Так что желающие присоединиться к Красному Облаку чувствуют себя более чем свободными от каких-либо обязательств. Красное Облако — один из самых весомых людей среди Оглалов.

***

«27 июня. Пройдена двадцать одна миля до Сухого Притока Пыльной Реки. Рано утром удалось впервые взглянуть на великолепные горы, известные как Большой Рог.

— Большой Рог. Так индейцы называют горных баранов, — пояснил Бриджер. — В этих горах большерогих баранов просто тьма,

поэтому горы и называются Большой Рог. А вон там сияет на солнце Облачная Макушка.

— Она и впрямь похожа на облачную. Вокруг тёмные скалы, а этот пик искрится снегом, будто невесомый, воздушный.

— Там нет снега, мэм, — улыбнулся мне Бриджер, очень довольный произведённым на девушку впечатлением.

— Как так? Макушка вся светится!

— Попросите бинокль у кого-нибудь из офицеров, и вы сможете убедиться, что там нет снега.

После долгих обсуждений, передавая из рук в руки бинокли, мы так и не смогли прийти к твёрдому убеждению, покрыта ли Облачная Макушка снегом или же это песок отражает солнечные лучи.

— А справа что за горы?

— Чёрные Холмы, мэм.

28 июня прошли так называемые Бизоньи Ключи и спустились по сухому притоку Пыльной Реки. Всего шестнадцать миль. С самого утра шли по руслу реки, покрытому водой лишь на несколько сантиметров. Травы мало, но множество тополей повсюду.

— Вот мы и на Пыльной Реке. Это самое сердце Абсароки, — сказал мне Джим Бриджер

— Что такое Абсарока?

Бриджер неторопливо и широко обвёл рукой:

— Весь здешний край, всё вокруг — это Абсарока. Этим словом себя называют индейцы Вороньего Племени. Раньше вся эта территория была под их контролем, но их вытеснили Лакоты и Шайены. Теперь только старожилы, к которым отношусь и я, продолжают называть эти места Абсарокой.

— Абсарока. Красивое название. Но пугающее. В нём угадывается дикость.

— Здесь повсюду дикость, мэм. — Джим посмотрел на меня очень ласково. Я давно не встречала такого взгляда, должно быть, с далёкого детства. — Здесь не может не быть дикости. Дикие звери, дикие люди, дикие реки… Но для меня всё это — норма, а не дикость. Я не понимаю, зачем вы сюда приехали, мэм…

Я и сама не понимаю. Неужели мною двигает только любовь к Тиму? Неужели я решила бросить всё только ради того, чтобы не разлучаться никогда с моим милым Тимом и испытать на себе те же тяготы пограничной жизни, что выпадут на его долю?

Наверное, это было глупо с моей стороны — решиться на это. Ведь с Тимом я знакома совсем недолго. Не могу понять, чем он очаровал меня. Неужели только тем, что был моим первым мужчиной? Или я увидела в нём настоящего героя? Ведь он немало рассказал мне про войну, хотя и не выпячивал себя. Не знаю. Не понимаю себя. И не слышу в моём сердце ничего по поводу этой экспедиции. Что меня ожидает впереди? Что ожидает нас всех?

29 июня. Природа вокруг изменилась сегодня. Кактусы, столь беспокоившие лошадей и сильно мешавшие пешим путникам прежде, стали встречаться гораздо реже. Повсюду разливается дурманящий запах полыни. Дикие тюльпаны, душистый горох и многочисленные вьюнки радуют глаз. Люди то и дело останавливаются, собирая индейский картофель и дикий лук.

30 июня. Джим Бриджер не умеет читать, но ему нравится, когда кто-то читает ему. Он с удовольствием слушал, как я читала ему вслух Шекспира. Забавный старик. Ему нравится Шекспир, но он сильно сомневается в правдивости Библии.

— Не могло быть в жизни всей этой чепухи, которую рассказали про Самсона, — качает он головой. — Как это Самсон смог схватить триста лисиц и связать им хвосты в узел? Не может такого быть! Это не человек, а чёрт какой-то. Нет, мэм, такого не могло быть, хоть об этом и написано. Надо же придумать: связать лисицам хвосты узлами, воткнуть в эти узлы по факелу и направить этих зверей на поля врагов, чтобы сжечь их. Даже краснокожие не додумались бы до такого… Нет, мэм, вы уж лучше почитайте мне Шекспира. Этот парень здорово рассказывает, слово к слову ложится. И голова у него варит. Но должен сказать вам, что сердце у этого Шекспира недоброе. Сколько подлостей он держит в голове, сколько обиды у него, сколько гадостей он рассказывает про людей…»

***

Индеец был старым. Морщины испещрили его лоб до такой степени, что кожа сделалась похожей на спёкшуюся картошку, а не на человеческую плоть. Но он легко, без малейшего труда слез с пегой лошади. Джим Бриджер подошёл к нему и протянул руку для пожатия.

— Он утверждает, — сказал Бриджер после нескольких минут разговора с дикарём, — что приехал посмотреть на солдат. Он никогда не сталкивался с белокожими военными людьми. В его

племени поговаривают о войне, вот он и приехал посмотреть на людей, которые считаются его врагами.

Полковник Кэррингтон вышел вперёд и предложил индейцу сесть возле костра.

— Спроси у него, Джим, думает ли он, что мы опасны для его племени.

— Нет. Он так не думает. Но так думает племя. Сам же он считает, что Синие Куртки слабы и бестолковы. Он посмеивается над огромным числом фургонов, которые прикатили сюда. Он удивляется: неужели без всех этих вещей солдаты не смогут прожить?

Индеец поправил красное одеяло, обёрнутое вокруг бёдер, обвёл глазами собравшихся вокруг него белых людей и покачал головой. Его седые волосы были сплетены в тугие косы и перевязаны полосками из медвежьей шкуры.

— Он говорит, что не понимает, зачем сюда пришли Синие Куртки, — продолжил Бриджер переводить слова дикаря. — Он полагает, что мы опасны именно тем, что в нас много непонятного…

Индеец поднялся, будто собираясь уйти, и потёр колени. Его коричневые пальцы были одного цвета с засаленными ноговицами.

Внезапно он застыл и спросил что-то.

— Он хочет знать, кто эта девушка.

— Которая девушка? — уточнил Кэррингтон, и стоявшие вокруг него офицеры расступились.

Индеец выпрямился и вытянул руку по направлению к Нэнси.

— Чем-то ты привлекла его, дочка, — проговорил Джим и поскрёб ногтями свою бороду.

— Что ему надо от неё? — шагнул вперёд Тим Хэнкс. — Какого дьявола он тычет в неё пальцем? Может быть, он хочет напугать её?

Бриджер подошёл поближе к индейцу и перебросился с ним несколькими фразами. Прошла минута, другая, третья. Индеец что-то говорил тихим голосом, затем посмотрел на Тима Хэнкса.

— Дочка, — Джим поманил Нэнси к себе, — индеец просит тебя приблизиться.

Девушка сделала несколько шагов вперёд.

— А вы, джентльмены, — сказал Бриджер, оглядывая столпившихся офицеров, — отступите в сторонку. Тут не о военных делах идёт речь. Эти слова не для посторонних ушей.

— Мне тоже отойти? — удивился Кэррингтон.

— Да, сэр, — кивнул старый проводник, почёсывая шею.

— Чего он хочет, Джим? — Нэнси настороженно поглядывала на темнокожего дикаря. Её глаза внимательно оглядели худощавые старческие руки и задержались на его груди, рассечённой глубокими вертикальными шрамами. Глаза индейца то опускались, упираясь взором в угли костра, то поднимались и начинали ощупывать лицо белой девушки.

— Он говорит, что твой облик знаком ему, — перевёл Бриджер слова индейца. — Он видел тебя.

— Этого не может быть, — Нэнси отрицательно покачала головой, в её глазах мелькнул испуг. — Я не бывала здесь раньше.

Она оглянулась и увидела позади напряжённую фигуру Тима. Солдат пытался распознать, о чём шла речь, но не мог.

— Я здесь впервые, — повторила Нэнси.

— Этот индеец, — сказал Бриджер, — ни разу в жизни не встречал белых женщин. Он говорит о своём сне. Он видел белокожую девушку во сне и считает, что это была ты, Нэнси.

— Я? Это странно… И что я делала?

— Он говорит, что ты остановила пули, которые предназначались его сыну, — продолжал переводить Бриджер. — Его сын очень уважаем в племени. Его сына зовут Человек-Упавший-С-Бизона. Это очень смелый воин. Но в его сне Человек-Упавший-С-Бизона попал под дождь, это был дождь из пуль, и вокруг танцевали синие тени. Старик думает, что это были тени Синих Курток, то есть наших солдат. Поэтому он и приехал посмотреть на нас. И вот он увидел тебя и узнал.

— Джим, — Нэнси почувствовала мелкую дрожь во всём теле, — что это может означать? Я боюсь. Я ничего не понимаю.

— Ещё он говорит, — продолжал Бриджер, внимательно вслушиваясь в слова индейца и следя за быстрыми жестами загорелых рук, — что тебя привело сюда не то, о чём ты думаешь. Есть какой-то человек, которого ты считаешь своим… Этого я не понимаю, дочка, возможно, речь о твоём женихе… Но человек этот расстанется с тобой. Он говорит, что видит в сердце того человека два огня. Один огонь маленький, и его искры направлены к тебе. Другой огонь большой, и его искры летят в противоположную сторону от тебя и от синих теней…

Индеец улыбнулся беззубым ртом и подался немного вперёд, вытянув жилистую руку, запястье которой было украшено ниткой с крупными белыми бусинами.

— Я ничего не понимаю, Джим. Зачем приехал этот дикарь? Зачем? Что ему надо? — Девушка впилась пальцами в локоть Бриджера.

— Не бойся, дочка, — отозвался следопыт, — у этого краснокожего нет дурных намерений.

Индеец коснулся узловатыми пальцами плеча Нэнси и тихонько рассмеялся.

— Он доволен, что повидал тебя, — перевёл Джим, когда индеец вновь заговорил. — Теперь он уверен, что сон поведал ему правду…

Дикарь поднялся и накинул соскользнувшее одеяло на свои худые плечи. Не произнеся больше ни слова, он взобрался на свою пегую лошадку и неторопливо поехал прочь.

***

«8 июля. Вчерашний визит индейца произвёл на меня сильное впечатление. Старик сказал, что видел меня во сне. Как он мог видеть меня, если мы никогда не встречались? И сказал, что я каким-то образом спасла его сына от пуль. Слава Богу, что это лишь его сон. Но в любом случае осадок у меня на сердце остался тяжкий. Любое предупреждение — пусть самое нелепое — о будущем вселяет тревогу. А вдруг?.. Возможно, мы начинаем строить наше будущее на самых беспочвенных предсказаниях и эта беспочвенность делается настоящим фундаментом? Если так, то это ужасно. Мы вселяем силу в то, что не имеет силы.

9 июля. Прошли двадцать шесть миль до развилки Безумной Женщины. Вода в Ручье Безумной Женщины очень грязная. Только ближе к ночи стоянка была оборудована для нормального ночлега. Ручей Безумной Женщины делает сильный поворот прямо возле переправы и разветвляется на два рукава. Провели разведку, нарубили деревьев.

10 июля. Поутру внезапно было обнаружено, что добрая половина наших фургонов находится в очень плохом состоянии, несмотря на то что солдаты проверяют повозки ежедневно. Вот что такое халатность.

Офицеры грубо ругаются. Возницы пожимаю плечами и отмахиваются. Наскоро соорудили кузницу и приступили к починке фургонов.

А вокруг нас — красота неописуемая. Равнина, убегающая от леса вдаль, выглядит жёлтым ковром, трава выгорела на солнце и кажется жёсткой. Зелень деревьев очень выразительна на фоне

степи. А небо! Какая густая синева, какие головокружительные кручи облаков!

12 июля. Утром одна рота выступила со штабом на поиски подходящего места для строительства форта. Здесь полным-полно земляники, крыжовника, смородины, диких слив. Иногда кажется, что можно рухнуть в заросли, лежать на одном месте, и, просто вытягивая руки, и срывать ягоды, срывать до тех пор, покуда не объешься».

***

Огромный палаточный лагерь раскинулся на месте будущего форта. Со всех сторон вздымались сосны, громоздились лысые утёсы. Ежеминутно можно было видеть мелькавшие среди зелени спины баранов, иногда появлялись медведи, по ночам протяжно и устрашающе выли волки. Старые трапперы умели различать голоса настоящих волков от индейских «волчьих» криков. Иногда индейцы стреляли из ночной тьмы по палаткам. Ночью также слышался громкий храп людей и негромкая перебранка дозорных. Выставленные пикеты сменялись каждые два часа и обязательно меняли своё местоположение.

Нэнси сидела на раскладном стуле перед костерком. Тим Хэнкс подошёл к ней сзади.

— Здравствуй, дорогая, — прошептал он.

— Я не видела тебя три дня, Тим. — Она посмотрела на него через плечо, и взгляд её влажных глаз пробудил в Тиме внезапное желание.

— Нэнси, позволь мне…

Он склонился над спиной девушки и обнял её, нащупывая ладонями женские груди.

— Я очень соскучился… И чертовски устал…

— Милый, нас могут увидеть. Здесь слишком светло.

— Давай отойдём от костра. Я так давно не ласкал тебя.

— У нас не было возможности остаться наедине. — Девушка провела рукой по его щеке и улыбнулась, ощутив прикосновение жёсткой щетины.

— Поднимись. Прошу тебя, давай отойдём в сторону.

Она послушно встала и увидела перед собой его осунувшееся лицо.

— Ты устал, милый. — Она нежно поцеловала его в губы.

— Боже, как я истосковался по твоему телу. Если бы ты знала, как

мне хочется прикоснуться к твоей коже, потеребить губами сосок, раздвинуть твои ноги…

— Вы очень непоэтичны, мистер Тим Хэнкс. — Нэнси грустно улыбнулась.

— Отойдём подальше от огня. Я хочу, чтобы ты раскрылась для меня. Я хочу войти в тебя.

— Тим, ты ведёшь себя так, будто я уличная девка. — Она не отстранилась от него, однако взгляд её стал жёстче.

— Ты не права, дорогая. Вымя коровы тоже не поэтично. Но оно основательно, оно наполнено молоком. И его основательностью вполне можно восхищаться, её даже можно назвать поэтичностью. А я… Да что я? Откуда мне уметь складывать стихи, Нэнси? Я солдат. Но вот что я тебе скажу. Не думай обо мне плохо. Я вовсе не кобель приставучий. Я вот касаюсь твоей мягкой ручки, и сердце у меня сжимается. Что уж тому причиной, ты сама знаешь. Мне хочется смотреть на тебя всё время и ласкать тебя, хочется зацеловать тебя с ног до головы. Что в этом дурного? И ещё мне хочется переколошматить всю эту офицерскую братию, когда я вижу, как они помыкают тобой и заставляют вертеться, как пчёлку.

— Они и тебя заставляют вертеться, Тим.

— Я солдат. Мне к такому обращению не привыкать. Я на войне привык к этому. Такова моя служба.

— А я прислуга. Я тоже обязана уметь поспевать всюду.

— Ты достойна другой жизни, Нэнси. Мы оба заслуживаем другой жизни. — Он поглаживал её спину и бёдра.

— О чём ты?

— Послушай, — он перешёл на шёпот, не прерывая движений своих рук, — я слышал от трапперов, что в этих краях можно хорошо разжиться золотом. Надо лишь знать, где искать его.

— Золотом? Откуда тут золото?

— Нэнси, я найду золото. Я твёрдо решил бросить службу. — Тим устремил взгляд в темноту. — Хватит горбатиться на этих чистоплюев в погонах.

— Подашь рапорт?

— Какой там рапорт! Я могу только сбежать. — Он крепко взял девушку за кисть руки и повлёк за собой. Удалившись от палаток шагов на десять, где царил почти полный мрак, Тим заставил Нэнси опуститься на землю.

— Сбежать? Ты хочешь дезертировать? — Она не поверила своим ушам.

— Да, но это обернётся тюремной решёткой, если меня выловят. — Он толчком руки опрокинул девушку на спину и припал ртом к её шее.

— Милый мой, — прошептала она, — ты понимаешь, что ты задумал?

— Как чудесно пахнет твоя кожа…

— Тим…

Он не откликнулся, навалившись на неё всем телом, и молча принялся поднимать юбку.

— Тим, подожди…

— Я не могу без тебя… Скорее… Ну же…

Нэнси прикусила губу, чтобы не вскрикнуть от его напора.

В следующую секунду поблизости зашуршала листва. Тим Хэнкс застыл, резко вскинув голову.

— Что это? — прошептала Нэнси.

— Кто-то крадётся…

Он осторожно сполз с оголённого живота и прислушался, медленно подтягивая спущенные панталоны. Шорох прекратился, но через минуту возобновился. Совсем близко от любовной парочки завыл волк.

— Индейцы, — одними губами произнесла Нэнси в самое ухо Тима. Он ответил кивком.

Мгновение спустя над самыми их головами грянул выстрел, за ним другой. Вспышки вырвали из зарослей кустарника очертания двух дикарей. Нэнси громко закричала и кинулась, оправляя на бегу юбку, в сторону лагеря. Тим последовал за ней, спотыкаясь в приспущенных штанах.

***

«14 июля. В пять утра полковник Кэррингтон, адъютант Фистерер, капитан Эйк, проводник Брэннан и переводчик Джек Стид отправились на разведку в сопровождении конного отряда. Дежурным офицером остался капитан Эдар. В девять утра стало известно, что несколько человек дезертировали. Я побежала к солдатам и узнала, что среди сбежавших есть Тим.

Почти сразу был организован отряд для поимки беглецов.

Погоня вернулась ещё до полудня, не поймав никого из дезертиров. Офицер сообщил, что их остановили индейцы и строго наказали передать главному белому вождю, чтобы он немедленно увёл своих солдат из этих краёв. В противном случае

дикари грозились начать настоящую войну.

Вечером появился молодой человек, работавший у Луи Газона возницей. Он был до смерти напуган, тараторил беспрестанно, выпучив глаза. Он сообщил, что его повозку остановили дикари и велели ему передать офицеру, чтобы солдаты уходили прочь.

— Вам надо решать немедленно: война будет или мир! — почти кричал паренёк. — Вы не представляете, что за люди эти индейцы! Какие ужасные лица! Глаза! Послушайте, они грозятся уничтожить всех нас, если начнётся строительство нового форта! Они готовы были отрезать мне голову! Они свалили меня на землю, придавили мою шею ногой и приложили к шее здоровенный нож! Если бы вам, братцы, довелось испытать такое, вы бы сейчас не улыбались! Клянусь матерью, у меня нет больше желания оставаться тут. Слава Всевышнему, что я уже не состою на службе и волен ехать, куда захочу.

— Из какого они племени? — спросил у него капитан Эдар.

— Это люди Красного Облака! Оглалы, — уверенно сказал парень. — Луи Газон многих из них знает в лицо. Они покупают у него. Кстати, он выторговал у них много шкур и собирается приехать сюда продавать их вам.

Вот так поворачиваются наши дела. А рядом со мной больше нет моего дорогого Тима. Я не могу поверить в то, что он решился дезертировать и бросить меня. Хорошо, что у меня много дел, иначе я просто сошла бы с ума от отчаянья! Какое предательство! Какая подлость!

Сегодня ясное небо, воздух буквально сияет, мне весь свет не мил. Зачем мне красота мира, если она соткана из обмана? Неужели весь мир пронизан иллюзией? Прелесть цветов — только для приманки пчёл, очарование рек — лишь для приманки купальщиков… И повсюду обман. Тебя соблазняют сладкими словами, убаюкивают, укладывают на брачное ложе, а затем отшвыривают, как использованную куклу.

Жизнь капнула на меня чёрной краской. Или же я просто была слепа прежде? Верно, чернила эти давно вокруг меня, но я не замечала их? Как же такое может быть? Как можно не замечать мрачные тени!»

***

Тим Хэнкс лежал в кустах неподвижно, боясь громко вздохнуть. В каких-нибудь десяти метрах от него стояли кавалеристы в синих

мундирах, окружённые множеством индейских всадников. Если бы кто-то попросил его в тот момент описать его чувства, то он бы сказал одно — сердце в пятках. Он ощущал своё сердце именно в пятках. Оно колотилось внизу, а не в груди, но стук его отдавался сильнейшими вибрациями по всему телу. Тиму казалось даже, что от ударов сердца должна была слететь фуражка с его головы.

Он не различал никаких слов в общем гуле голосов, но по жестам дикарей понял: они требовали, чтобы солдаты не смели ехать дальше и немедленно убирались обратно. Индейцы были сильно раскрашены, в волосах большинства из них торчало по несколько перьев. На голове вожака лежала маска антилопы, рога которой были выкрашены в белый цвет.

Наконец, кавалеристы развернулись и поспешно ускакали.

В следующий миг Тим ощутил крепкую хватку на своих плечах. Кто-то оторвал его от земли мощным рывком и выдернул из рук винтовку. Он перекувыркнулся и отлетел к широкому стволу дерева, ударившись о него спиной. Уже в полёте он успел увидеть двух крепких индейцев, так ловко обезоруживших его. Ещё через минуту вокруг него собрались все те, которые только что заставили уехать кавалеристов.

— Э, как вас там… Не трогайте меня, чёрт возьми… Я не с ними, я убежал от них!.. — Тим торопливо размахивал руками, стараясь жестами объяснить дикарям, что отныне он не желал иметь ничего общего с американской армией. Он поднялся на ноги, поспешно сбросил с себя армейскую куртку и для пущей убедительности начал топтать её ногами.

Кто-то из индейцев оттолкнул его в сторону, поднял куртку из пыли, осмотрел её бегло и взял себе, сказав что-то соплеменникам. Те засмеялись. К Тиму подошёл другой воин и сорвал с его головы фуражку. Показав её всему отряду, он бросил её под ноги Тиму и сделал знак рукой, чтобы солдат потоптал теперь и фуражку. Тим с готовностью наступил на неё, но индеец не дал ему испортить её сапогами и сразу оттолкнул солдата. После этого он с улыбкой поднял фуражку, отряхнул её и надел на себя, произнеся какую-то фразу, которая вызвала у всего отряда взрыв хохота.

— Должно быть, вы думаете, что я идиот, — покачал головой Хэнкс. — Но это вы идиоты, раз не понимаете меня.

Индеец в фуражке развернул Тима лицом к армейскому лагерю и подтолкнул в спину.

— Нет, нет, я туда не пойду. Я туда не пойду! — Он отчаянно замотал головой и повернулся лицом в другую сторону. — Отведите меня куда-нибудь подальше отсюда, чтобы меня не сцапали мои бывшие дружки. Понимаете меня? Топ-топ отсюда… Туда, туда, в ту сторону…

Ближайшие к нему индейцы переглянулись, обменялись несколькими короткими фразами, и один из всадников протянул Тиму руку, приглашая солдата на свою лошадь.

— Сзади сесть? — уточнил Хэнкс. — Отлично. Это хорошее начало. Хотелось бы надеяться, что вы не такие скверные парни, как про вас рассказывают…

Прошло около часа, и Тим увидел впереди индейское стойбище. Никогда раньше не приходилось ему видеть такого лагеря. Здесь всё казалось не таким, как в индейской деревне возле форта Ларами. Там всё выглядело пёстро и театрально, индейцы были просто попрошайками. Здесь же отовсюду исходил дух воинственности. Лишь сейчас Тиму Хэнксу стало по-настоящему страшно. Когда он смотрел на отряд раскрашенных всадников со стороны, лёжа в кустах, ему хотелось исчезнуть, раствориться, смешаться с зелёной листвой, но никакого испуга он не успел испытать. Когда индейцы отобрали у него винтовку, он почти ничего не соображал; в голове пульсировала одна мысль — объяснить, что он уже не солдат. Теперь же, увидев снующих повсюду голых людей, конуса жилищ, торчавшие из дымоходов жерди, развешенные на треногах щиты и колчаны со стрелами, он словно прозрел после какого-то забытья. Он очутился в самом сердце враждебной страны, абсолютно незащищённый, доступный любому недружелюбному взору. Да и откуда могло взяться тут дружелюбие к человеку, пришедшему из стана солдат?

Хэнксу велели спуститься на землю и усадили его перед входом в большую палатку. Откуда-то вкусно тянуло жареным мясом. Слева от Тима торчали из земли несколько высоких тонких палок, на их верхушках покачивались маленькие обручи из тонких прутиков, на каждом из которых была растянуты куски кожи, с которой свисали волосы. Хэнкс с ужасом понял, что это были скальпы. Он поспешно повернулся к жутким трофеям спиной и почувствовал, как вдоль позвоночника потекли струйки пота. Успокоившись немного, Тим принялся разглядывать стойбище. К своему немалому удивлению, он заметил, что женщин в лагере было мало, в основном на глаза попадались мужчины, и всё больше молодые.

Послышались выкрики, раздался топот копыт. Хэнкс опасливо посмотрел через плечо и увидел группу всадников. Первый из них (и как показалось Тиму — главный) принадлежал явно не к индейской расе: лицо его было обрамлено густой рыжей бородой.

— Белый человек! — радостно воскликнул Тим и бросился к бородачу. — Как здорово, что я встретил здесь белого человека!

Бородач спрыгнул с коня и остановился перед Хэнксом, глядя на него почти с удивлением.

— Разве я белый? — Он вытянул вперёд обе руки, одна из которых сжимала кнут. — Разве я белый? Моя кожа ничуть не светлее, чем у других здешних людей. — Бородач обвёл взглядом собравшихся вокруг индейцев и что-то сказал им. Все дружно засмеялись, показывая белые зубы. Бородач вновь посмотрел на Хэнкса и злобно усмехнулся. — Ты видишь, моих воинов очень развеселила твоя шутка.

— Какая шутка? — не понял Тим.

— Я объяснил им, что ты назвал меня белым.

— Наверное, я не совсем точно выразился, сэр, — смутился Тим. — Вы, конечно, отменно прокоптились на солнце, ваша кожа гораздо темнее моей. Я не спорю. Я просто хотел сказать, что рад видеть здесь белого… то есть человека… *неиндейца*, одним словом…

Бородач шагнул к Тиму и внезапно схватил его сильной рукой за горло.

— Бледнолицые знают меня под кличкой Северный Джек. Лакоты называют меня Пума. Здесь, — бородач обвёл свободной рукой лагерь, — десять типи[2], это моё племя, и я являюсь вождём этой общины. Я пришёл сюда по зову Красного Облака, чтобы драться против Бледнолицых… А ты называешь меня белым человеком. Моим воинам смешно слышать такие слова, ведь им хорошо известно, сколько скальпов я срезал с голов белых людей[3]. Так что не называй меня белым. И я не переношу слова «сэр»… А теперь скажи мне, что ты тут делаешь? Зачем ты здесь?

— Я сбежал из форта, — проговорил Тим, когда стальная хватка бородача ослабла.

— Дезертир?

— Да. Больше не могу служить, устал от бесконечных понуканий.

Рыжебородый Пума отдал повод своего коня подошедшему мальчугану.

— Устал от понуканий? — усмехнулся Пума. — Да, тяжела доля

раба. Все белые люди — рабы. Они порабощают одних, будучи рабами других. Без этого они не могут существовать… Я вижу, ты боишься. Ты не можешь понять, что у тебя тут за положение. Но не бойся за свою жизнь, дезертир. Я известен как непримиримый враг Бледнолицых, но в моём лагере не принято убивать пленников.

— Стало быть, я пленник?

— Зачем ты здесь? Зачем ты появился в этой стране? Зачем ты пошёл служить Синим Курткам, если тебе не нравится быть рабом? Ты появился в нашей стране, не будучи готов к здешней жизни. Ты сбежал от Синих Курток, но куда? Куда ты направишься? Ты ничего не знаешь тут. Ты не умеешь тут жить. — Пума замолчал и глаза его зловеще сощурились. — Ты не индеец. Я отвезу тебя из лагеря и оставлю тебе нож. Живи, если сумеешь выжить.

— Но ты и сам не индеец, — возразил было Тим.

— Не проверяй моего терпения, дезертир, — оборвал его Пума, — или же все твои тревоги закончатся сейчас же… Я вывезу тебя подальше. У тебя будет возможность разобраться в самом себе. У тебя будет возможность доказать себе, стоишь ты чего-нибудь или нет.

— Это жестоко. Ты обрекаешь меня на гибель.

— Дезертир, ты должен был погибнуть там, где тебя схватили мои воины, — мрачно заявил бородач, тряхнув рыжими космами. — Они решили, что ты надумал присоединиться к нам. Но я вижу, что у тебя нет этого в мыслях.

— Может быть, я ещё подумаю…

— До утра… Но если ты останешься со мной, то тебе придётся стрелять в тех, кто сейчас строит форт. Иначе тебе нечего делать в моём племени…

***

«15 июля 1866. Несмотря на воскресный день, утром начали разметку будущего форта. Палатки поставлены так, как в будущем должны будут расположены вдоль улицы деревянные строения. К двенадцати дня вид лагеря был уже такой, будто строительство кипело тут уже не меньше двух недель.

Вечером я слышала, как солдаты ворчали между собой, мол, офицерьё развлекается, пудинги наворачивает, ананасы консервированные. Конечно, это так. Мой Тим тоже ни разу даже не пробовал ананаса. Чем он питается сейчас, да и жив ли он?

Впрочем, какое мне до него дело. Он меня бросил, повёл себя как самый ничтожный предатель.

Сара Мэтьюс (одна из служанок) выносит иногда солдатам остатки с офицерского стола после ужина и продаёт недоеденные пироги, торты и ананасы. Деньги, разумеется, оставляет себе. Сегодня она призналась мне, что за кусок выпечки берёт с людей по пятьдесят центов! Если так пойдёт дальше, то она вернётся весной домой настоящей богачкой. Конечно, дурно брать с рядовых солдат такие деньги, но раз они хотят платить, то пусть платят. Они знали, в чём заключается служба. А если не знали, то поступили глупо, нацепив на себя мундир.

16 июля. В полдень, появилось несколько индейцев на горе. Показали белый флаг и, дождавшись приглашения спуститься, медленно поехали вниз. Их оказалось в общей сложности около сорока человек, все Шайены. В спешном порядке ставились гостевые палатки. Стол был накрыт американским флагом, вдоль стола рядком поставили стулья. Все наши торопливо кинулись наряжаться в торжественные наряды, как женщины, так и мужчины. Оркестр грянул приветственный марш.

Шайены ехали при полном параде. На руках и на груди — украшения. Один очень высокий воин, прикрытый только набедренной повязкой, держал в руке раскрытый зонтик серого цвета. Некоторые были раздеты до пояса, другие обнажили только руки. На шее одних красовались ожерелья из медвежьих когтей, у вторых висели раковины, у третьих — всевозможные колечки. На ногах — разукрашенные бусами мокасины, ноговицы. На поясных ремнях — табачные кисеты, священные мешочки. Всё очень пёстро, впечатляюще.

Вожди назвали свои имена, Джек Стид перевёл: Чёрный Конь, Красная Рука, Маленькая Луна, Красивый Медведь, Прыгающий Кролик, Лежащий Волк, Человек-Одиноко-Стоящий-На-Земле, Тупой Нож.

Меня поразил облик старика, приехавшего с вождями. Возможно, он тоже был вождь, я этого не знаю. Он был неимоверно стар и был похож на величественную скалу. Лицо его, подобно обрывистому берегу, готово было осыпаться рыхлыми комьями. Кожа растрескалась, наморщилась. Казалось, что сквозь её коричневую твердь готов был пробиться мох…

Перед штабной палаткой успели натянуть брезент, под этим навесом собрались женщины. Индейцы пустили по кругу трубку,

вырезанную из красного песчаника. Лица у всех серьёзные и настороженные, глаза пронзительные, как острия стрел.

Перед индейцами сидел Джим Бриджер, устроившись на низеньком стуле с подлокотниками. Сорок четыре года, проведённые на границе, научили его быть настолько же недоверчивым к индейцам, насколько индеец мог быть недоверчив к кому-либо. Рядом с Бриджером стоял Джек Стид. Он черноволосый и черноглазый, как индеец; его жена — Шайенка. Он прекрасный переводчик, но любит похлестать виски.

Шайены сказали, что многие Лакоты готовы начать войну. Шайены подробно пересказали Кэррингтону весь проделанный маршрут нашей экспедиции, и полковник убедился, что индейцам был известен каждый шаг белых людей.

После полудня индейцы уехали. На душе беспокойно. Дикий облик этих варваров вселяет страх в сердце, как бы дружелюбно индейцы ни улыбались, как бы усердно ни пожимали руки нашим офицерам.

17 июля в пять вечера индейцы напали на табун майора Хэймонда. Майор и его адъютант бросились в погоню. Постепенно собрался и весь отряд. Но индейцы окружили наших людей. От них примчался гонец (плечо в крови, волосы пыльные, глаза мутные). Полковник выслал им на помощь две роты пехоты и пятьдесят кавалеристов.

Вскоре пришло сообщение, что погиб Луи Газон со своими людьми — всего шесть человек. Среди погибших — Генри Эррисон из Сент-Луиса. Все обнаруженные на месте происшествия трупы сильно изуродованы. Это случилось в нескольких милях от Палаточного Следа. Осталась в живых только его жена (она из Лакотов) и её дети. Индеанка сказала, что они успели спрятаться, едва услышали приближающийся отряд дикарей. Эта женщина очень красива. Я рада, что она не пострадала.

Она поведала, что вчера Чёрный Конь, возвращаясь от нас, встретился с несколькими вождями Лакотов. Они приехали с Языковой Реки и долго разговаривали с Шайенами. Затем Лакоты обвинили Шайенов в предательстве и поколотили их кнутами и луками. Чёрный Конь порекомендовал Газону быстрее ехать в крепость, но Луи отмахнулся, не оценил всей серьёзности ситуации. И вот нынче утром его убили.

23 июля. Атакован обоз Луиса Шинея. Один человек погиб, дикари забрали лошадей, скот и много личных вещей.

24 июля. Сегодня утром примчался курьер с Чистого Ручья от капитана Барроуса с сообщением, что собралось уже очень много Лакотов, к ним постоянно прибывают новые отряды. Обозы фактически не имеют возможности продвигаться без военного сопровождения.

В обед мы выезжали за ягодами. С нами было десять солдат. Лейтенант Дэниэлс, красивый молодой человек с ясными глазами выехал вперёд. Внезапно появилось не меньше пятидесяти индейцев и окружили Дэниэлса. Я не видела, чем его убили, но это и не существенно. Я видела труп. Дикари оскальпировали и изуродовали его. Покуда мы находились далеко, один из индейцев нарядился в форму лейтенанта и стал плясать над трупом. Это было ужасно. Я смотрела на того дикаря и не могла понять, что было ужаснее — сама смерть лейтенанта Дэниэлса или же то, что туземец раздел его и облачился в его китель.

На помощь прибыл лейтенант Киртлэнд. Забрали тело лейтенанта Дэниэлса. Я подошла посмотреть на него. Ужас. Каждый глаз — сосуд. И в каждый сосуд капает чёрное. Оно расплывается, затем вдруг исчезает. Голова — сосуд. В голове два сосуда — окровавленные глаза. И в каждом расплывается чёрное, переливаясь из сосуда в сосуд. Туча и пролитая кровь. Мрачная туча, похожая на чудовище.

29 июля. Сегодня пришло известие, что возле Коричневых Ключей атакован гражданский обоз. Восемь человек убиты. Два ранено, один из них скончался от потери крови. Джеймс Тоджер рассказал, что все белые были прекрасно вооружены, но Лакоты взяли их обманом. Индейцы приблизились к обозу, демонстрируя мирные намерения. Один из дикарей протянул руку для пожатия, второй уже начал принимать подарки. И тут оба индейца выстрелили. После перестрелки дикари исчезли. Их было не больше десяти человек.

Мне страшно. Воздух начинает пахнуть не цветами и душистой хвоей, а кровью. Я отчётливо ощущаю этот запах.

Люди — это двери. Через них постоянно что-то проходит, входит, выходит, посещает нас и покидает нас. Один человек проникает в другого: лезвием ножа или теплотой своего любящего тела. То и другое очень интимно. Рождаются новые люди, новые мысли, новые смерти.

Что является более личным: любовь двух существ, которой стараются заниматься подальше от посторонних глаз, или смерть,

которую выставляют на показ в гробу?

1 августа. Филипп Кирни командовал кавалеристами во время американо-мексиканской войны. У него была ампутирована одна рука, и во время боя он держал поводья зубами. В его честь и назван наш форт. Пришло время дать его описание.

Если стоять спиной к Малому Сосновому Ручью (над ним возвышается Гора Лоцман), то справа тянется Большой Сосновый Ручей, а слева от форта поднимается Крепостная Гора. Крепостная Гора получила своё название из-за остатков индейского укрепления, обнаруженного на вершине утёса, куда ведёт узкая тропинка. Укрепление представляет собой площадку в тридцать квадратных футов, обложенную по периметру большими камнями, в некоторых местах лежат плотно пригнанные друг к другу сосновые брёвна. Посреди площадки хорошо виднеются следы совсем недавних костров. Я была там на экскурсии. Не так уж много у нас мест, куда можно поехать и повидать что-то любопытное.

Большой Сосновый бежит стремительно. Между Большим и Малым Сосновыми Ручьями возвышаются пологие Салливановы Горы. Слева от гор тянется дорога в сторону соснового бора, по которой всегда ездят заготовительные обозы. С самой высокой точки Салливановых Гор открывается чудесный вид на Языковую Реку, которая изгибается далеко на севере.

Большой Сосновый Ручей тянется между Салливановыми Горами и длинным хребтом, который называется Палаточный След, затем сворачивает влево, огибая Салливановы Горы. Немного дальше на Большом Сосновом лежит Сосновый Остров, к которому и ездят заготовительные обозы (огибая, правда, горы не справа, а слева). Женщины любят совершать конные прогулки по склонам Салливановых Гор. Особенно часто отправляется на такие прогулки миссис Вэндс.

Гора Лоцмана находится всего в нескольких сотнях метров от форта. Непосредственно напротив форта горный склон изрезан несколькими оврагами.

Площадь самого форта — примерно шестьсот футов на восемьсот футов. Форт расположен на естественном плато. Частокол построен из тяжёлых сосновых брёвен высотой в 11 футов. Главные ворота смотрят на Большой Сосновый Ручей. Правая сторона крепости подходит вплотную к Малому Сосновому, и там оборудованы ворота специально для того, чтобы выезжать непосредственно к воде. В задней части крепости оборудованы

конюшни вдоль двух крепостных стен, возле третьей стены поставлены торговые лавки и помещения для различной техники. Сеновал устроен посреди двора. В правой же половине форта отведено место для кавалерийского двора, всевозможных контор, казарм для офицеров и рядового состава и центральная площадь. В левой стене также сделаны ворота. Блокгаузы стоят в двух углах по диагонали.

Центральная площадь поделена на четыре части, посреди установлен флагшток. Одна из четвертей отведена под склад боеприпасов. На второй четверти стоят орудия. Третья и четвёртые части — плац.

Воскресенье у нас — выходной день. Странно, что здесь могут быть выходные дни. Выходить-то особенно некуда».

***

Ближе к полудню миссис Уэтли собралась на прогулку верхом.

— Мистер Рэйд, — выбежала из дома Нэнси, увидев, что одетый в тёплую куртку мужчина готовился подняться в фургон, — похоже, вы намерены сопровождать миссис Уэтли. Не так ли?

— Да.

— Не возьмёте ли вы меня с собой? Я хочу собрать ягод.

— Ягод? — Он поправил шляпу на голове и поднял воротник. — Какие теперь ягоды? Сегодня, хоть солнце и яркое, ветер всё-таки холодный.

— Мистер Рэйд, — взмолилась Нэнси, — я прошу вас. Вы же всё одно выезжаете за ворота. Мне трудно просить, чтобы кто-то специально ради меня выезжал наружу.

— Ладно, мисс Смоллет, только поспешите, а то миссис Уэтли не любит ждать.

Нэнси быстро вернулась с плетёной сумкой и вскарабкалась в фургон, опираясь на протянутую руку.

Колёса скрипнули и загромыхали по земле.

— Далеко мы не поедем, — проговорил Рэйд, поёживаясь, — как-то слишком неспокойно у меня на душе нынче.

— Вам нездоровится? — посмотрела на него Нэнси. — Похоже, вас продуло.

— Похоже, — согласился мужчина и достал из кармана кисет. — Вы не будете возражать?

— Нисколько. Я успела привыкнуть к табаку с начала экспедиции.

Скакавшая неподалёку миссис Уэтли повернула коня и поехала вверх по склону.

— Куда её несёт? — заворчал Рэйд, скручивая сигарету.

Хлопнул выстрел со стороны форта.

— Что за… простите, Нэнси, но почему стреляют? — забеспокоился Рэйд, высовываясь из фургона.

— Должно быть, предупреждают, чтобы мы далеко не отъезжали.

— Должно быть…

Миссис Уэтли остановила коня. Метрах в ста от неё из-за кустов выехали индейцы. Все они были в длинных рубашках, с луками за спиной, без раскраски на лицах.

— Краснокожие! — закричал Рэйд, поднимаясь на козлах во весь рост и цепляясь шляпой за брезентовое покрытие фургона. Он потоптался, гремя сапогами, снова сел, схватил винтовку и потряс ею перед собой, угрожая индейцам.

Миссис Уэтли быстро развернулась и поскакала обратно, но дикари не думали догонять её.

— Похоже, стрельбы не будет, — облегчённо проговорил Рэйд. — Но всё же надо возвратиться поближе к воротам.

— Из-за этих проклятых туземцев нельзя нормально прогуляться, — послышались слова промчавшейся мимо миссис Уэтли.

Индейские всадники неторопливо проехали шагом вдоль лесной кромки и скрылись между деревьями, проявляя подчёркнутое равнодушие к прогуливающимся белым людям.

— Мистер Рэйд, — Нэнси взяла мужчину за руку, — остановитесь возле вон тех кустов на берегу.

— Напротив главных ворот?

— Да.

— Зачем?

— Там я обычно ягоды беру.

— Может, не следует сейчас заниматься этим? Вон ведь кто тут пасётся поблизости. — Он кивнул через плечо в сторону скрывшихся всадников.

— Мистер Рэйд, здесь я совсем рядом буду. Может, вы подождёте меня, раз уж миссис Уэтли вернулась в крепость и вам не надо больше охранять её…

Рэйд с неохотой подкатил к указанному месту, настороженно оглядываясь. Спрыгнув на землю, он помог Нэнси спуститься.

— Валяйте, занимайтесь вашими ягодами…

Она лёгкими шажками подбежала к кустарнику, но не успела приступить к намеченному делу, как вновь треснули выстрелы с крепостной стены.

— Опять? — вздрогнул Рэйд и бросился к фургону.

Нэнси осталась на месте, пытаясь осознать, откуда могла грозить опасность, и в следующее мгновение увидела скакавшего вдоль частокола индейца на рыжем коне. За ним мчались на верёвке три кобылки, уведённые, во всей видимости, из армейского табуна на выпасе. Со стены на конокрада сыпался град пуль. Индеец пролетел мимо Нэнси, обдав её терпким запахом и ветром. Но тут ему наперерез выехал отряд кавалеристов, возвращавшийся с рекогносцировки. Заметив перед собой индейца с украденными лошадьми, солдаты тут же открыли огонь.

Всадник заметался, остановился, отпустил верёвку с кобылками и пустился в обратном направлении, сильно свесившись со своего рыжего скакуна. Нэнси стояла, словно охваченная оцепенением, и не могла сделать ни шага, несмотря на призывные крики мистера Рэйда. Рыжий конь, виляя, приближался к ней. Она уже видела выведенные тонкие белые полоски, изображавшие молнии, на его мелькавших ногах и несколько отпечатков ладоней на его шее. Косматая грива прыгала на ветру. Тёмный хвост был завязан узлом на кончике.

Когда наездник приблизился, девушка зажмурилась, уверенная в том, что конь сметёт её на всём скаку, но этого не произошло. Индеец быстро нагнулся к Нэнси. Его глаза на лице, покрытом вертикальными чёрными полосами, сверкнули. Длинные волосы тяжело колыхнулись вперёд и ударили Нэнси по плечу. Индеец ловко подхватил девушку под мышками и одним движением усадил её перед собой.

Всё случилось настолько стремительно, что она не успела даже ничего понять. В памяти остались только жгучие глаза дикаря и длинные, тяжёлые, жирные, иссиня-чёрные волосы.

Дикарь крепко прижимал девушку рукой к своей обнажённой груди. Конь резво скакал из стороны в сторону, готовый пуститься в бешеную скачку. Индеец выкрикивал над самым ухом Нэнси что-то, обращаясь к солдатам и почти оглушая голосом свою пленницу. Выстрелы со стороны форта и приближавшегося отряда кавалеристов постепенно прекратились: солдаты боялись попасть в девушку.

Нэнси не могла понять, сколько продолжалась эта сцена. Мир

для неё был заполнен сияющим солнцем, к которому был обращён её застывший взор, и дикой тряской. Она не столько сидела на рыжем коне, сколько висела, придавленная мускулами индейца. Он то и дело подтягивал её вверх, но она оползала по скользкой гриве скакуна вниз, не в силах удержаться. Всё её тело обмякло, стало абсолютно неузнаваемым — не то отяжелело, не то потеряло свой вес и растаяло.

Вдруг индеец развернул коня и направил его в реку. Пространство перед девушкой перевернулось, лес исчез, пропал крепостной частокол. Вода вскипела под копытами, зашумела, холодные брызги окатили напряжённое лицо девушки, как внезапный проливной дождь.

Конь поплыл. Нэнси видела его вытянувшуюся шею, разбухшую в воде тёмную гриву, навострившиеся уши. Громкий храп затопил уши Нэнси.

У самого берега индеец отпустил Нэнси, и она скользнула в воду и осталась на её поверхности лицом вверх, покачиваясь и едва заметно шевеля кисть правой руки. Над ней медленно и беззвучно плыли облака. В ушах шумела вода.

— Мисс Смоллет!

Чья-то голова закрыла собой синее небо и белые клубы облаков. Голова приблизилась, крепкие руки подхватили Нэнси под спину.

— Мисс Смоллет! Нэнси! Как вы?

— Спасибо, Вильям, — девушка узнала сержанта Моргана, — спасибо. Я в полном порядке. Просто у меня… нет сил… Дикарь по-настоящему напугал меня.

— Теперь всё позади…

— Я хотела лишь ягод набрать…

— Давайте я помогу вам…

***

— Если бы не эти дикари, тут был бы просто рай. Какие места, вы только посмотрите, господа! — сказала миссис Трублад, помешивая ложечкой в чашке. — Здесь так чудесно. Только и делать что пикники устраивать.

— Милые дамы, вы лишь дважды выбирались в горы, — откликнулся полковник Кэррингтон, — но теперь-то уж нельзя. Поначалу всё как-то спокойнее было, а сейчас чересчур часто кровь стала проливаться.

— Да, сэр, — поддакнул лейтенант Трублад, — полилась.

— Да, женщинам тут тяжко.

— Не то слово.

— Давайте устроим сегодня пир. Откушаем консервированных лобстеров и устриц. Забудемся ненадолго! — воскликнула Кэтрин Трублад, обращаясь к Маргарите Кэррингтон.

— Устриц на складе не осталось, но есть лосось, — подал голос со своего места лейтенант Бенсон. — Кстати, очень приличные консервы. Рекомендую. А вот сладкой кукурузы и ананасов в собственном соку пока вполне достаточно. Так что можем сделать заказ.

— А помидоры есть?

— Есть. Можно заказать повару пудинг и какой-нибудь кекс, скажем, со сливовым джемом.

— Было бы чудесно… Кэтрин, а где ваша Нэнси? — поинтересовался лейтенант Эдар. — Бедняжка натерпелась сегодня изрядно. Надо бы пригласить её к нашему столу. Мне кажется, это очень славная девушка…

— Жаль, что жених её оказался негодяем, — отозвалась жена лейтенанта Трублада.

— Что такое?

— Он же сбежал. Помните тех дезертиров, которых не удалось поймать? Её жених был один из них.

— М-да…

— Между прочим, Нэнси поступила к нам только из-за него… чтобы быть рядом с ним, понимаете? А он удрал…

***

«8 сентября. В шесть часов вечера индейцы угнали двадцать мулов из табуна гражданских служащих форта Кирни во время сильной бури. Это произошло всего в миле от форта. Ещё два таких же случая в этот же день. Полковник Кэррингтон и лейтенант Эдар организовали погоню, она затянулась на всю ночь.

10 сентября. Десять пастухов были атакованы в миле к югу от форта, потеряли тридцать три лошади и семьдесят восемь мулов. Преследование дикарей не дало никаких результатов.

13 сентября. В полночь пришёл призыв о помощи со стороны Гусиного Ручья, где заготавливается сено. Один человек убит. Сложенное на сенокосилках сено сожжено. Двести девять голов крупного рогатого скота уведено дикарями. Для этого они пустили небольшое стадо бизонов на коров, те испугались и помчались

прочь с пастбища. Лейтенант Эдар немедленно пустился в погоню, но обнаружил, что индейцев было слишком много. В тот же день индейцы угнали табун лошадей, ранив двух пастухов. Капитан Эйк и лейтенант Вэндс вели преследование индейцев до темноты. Рядовой Донован вернулся в крепость со стрелой в бедре.

14 сентября. Убит рядовой Гилхрист.

16 сентября. Питер Джонсон сегодня был отрезан индейцами от своего отряда. Поиски ничего не дали, тело так и не найдено.

Каждый день приносит смерть. Я засыпаю с трудом, прислушиваюсь ко всем звукам за стеной. В темноте ко мне со всех сторон начинают подкрадываться страшные и противные, как насекомые, мысли. Они прогрызают во мне крохотные отверстия, и я начинаю чувствовать приближение страшной моей кончины. Меня уже не радует окружающая природа. Я хочу уехать отсюда, чтобы не мерещился за каждым кустом притаившийся дикарь в ужасающей раскраске. Я хочу уехать в город. Я принадлежу городской среде, там мне всё понятно, там я могу всё объяснить. Во всяком случае мне сейчас так кажется. Возможно, всё ещё образуется?

23 сентября. Индейцы напали и увели двадцать четыре коровы из стада. За ними поехал Браун и отряд из двадцати трёх человек (солдаты и гражданские). После недолгого боя коров удалось отбить. Около тринадцати индейцев убито.

Браун сказал по этому поводу:

— Наконец-то одна толковая схватка с этими мерзавцами! В конце концов мы устроили их хорошую трёпку. Но надо бы не останавливаться на этом.

— Вы не боитесь попасться в руки краснокожим, Фред? — спросил у него полковник Кэррингтон.

— У меня всегда лежит один патрон лично для меня. На всякий случай.

— Стало быть, вы не настолько уверены в постоянстве вашей удачи.

Мне странно слышать такие разговоры. Особенно странно узнавать, что кто-то держит один патрон, чтобы покончить с собой. Неужели люди идут в армию, чтобы помирать? Неужели люди направляются открывать новые земли, чтобы погибнуть там?

27 сентября. Рядовой Патрик Смит оскальпирован на Сосновом Ручье, но нашёл в себе силы проползти полмили до блокгауза, где его подобрали наши. Он был добрым приятелем моего Тима. Я

просила, чтобы доктор разрешил мне приглядывать за Патриком, но мне отказали — слишком тяжёлое у него было состояние.

28 сентября. Патрик скончался сегодня к обеду.

Привезли тела двух дровосеков. Индейцы оскальпировали их на глазах у товарищей. Индейцев было около сотни. Никто не мог ничего поделать.

Индейцы обещали войну. Вот война и пришла. Должно быть, наши офицеры не готовы к такой войне. Они, судя по всему, предполагали, что будут кавалерийские атаки в чистом поле, а тут сплошные засады, стрельба из зарослей.

Я начинаю привыкать к виду мертвецов. Меня перестают страшить кровавые раны. Или мои чувства просто притупляются? Интересно, можно ли очерстветь настолько, чтобы не реагировать ни на что?

Нет! Я так не хочу! Я должна радоваться жизни, должна собирать букеты цветов, наслаждаться их запахом, любоваться собой в зеркале. Мне хочется полноценных, глубоких впечатлений. Я же сейчас похожа на музыканта, день ото дня теряющего слух».

***

— Говорят, вы вчера попали в западню? — полюбопытствовала Нэнси, присаживаясь напротив лейтенанта Трублада.

Он медленно, с наслаждением цедил виски из пузатенького стаканчика.

— Дикари были совсем рядом, но всё обошлось. Я вообще везучий. Ни разу не был ранен, — улыбнулся лейтенант.

— Благодарение Иисусу.

— При чём тут Иисус? — Генри Трублад с некоторым недоумением покачал головой. — За что вы благодарите его? Иисус принёс людям больше горя, чем счастья. Впрочем, и Магомет принёс не меньше бед.

— Что вы… — прошептала Нэнси.

— А что?

В голосе офицера прозвучало столь неподдельное удивление, что девушка содрогнулась всем телом.

— Разве вы не понимаете, что обрекаете себя на вечные мучения, произнося такие страшные слова? — Нэнси впилась глазами в лицо офицера.

— Страшные слова? Я вас не понимаю… Впрочем, конечно, вы имеете в виду… Но поймите же, что Европа столетиями утопала

в крови из-за религиозных распрей. Если Иисус был по-настоящему мудр, то он устроил бы всё иначе и не оставил бы после себя кучку жалких учеников, которые принялись переиначивать его слова каждый на свой лад. Ну а ученики этих учеников схватились за ножи. И особенно досталось «неверным». Вы только посмотрите, что оставила после себя инквизиция. Сколько переломанных костей! Реки крови! И всё ради утверждения учения Христа.

— Вам будет стыдно за ваши слова.

— Не будет. Мне не стыдно сейчас и не будет стыдно позже. Я честен. Честным людям не бывает стыдно.

— Но почему вы такой? Разве вы не католик? — Нэнси сжала тонкой рукой локоть лейтенанта Генри.

— Католик? Меня крестили в младенчестве, как это происходит с большинством детей. Но это не заставило меня пойти ни по католическому, ни по лютеранскому, ни по какому-либо другому христианскому пути. Я верю в Бога, но разве это обязывает меня поклоняться Христу? А почему тогда не Магомету? Он ведь тоже нёс людям слово Создателя…

— Ну… Магомет это совсем другое, — возразила девушка, неопределённо пожимая плечами. — Вы же не арабских кровей, вы принадлежите к европейской расе.

— И что это доказывает? — Лейтенант подался вперёд, и глаза его зажглись. Похоже, он нащупал любимую тему. — Христианство пришло к нам с Ближнего Востока. Нам незаметно навязали его. Неужели вы никогда не задумывались над этим?

— Вы намекаете на то, что эта религия вовсе не наша? — сжалась Нэнси.

— Я не намекаю. Я говорю об этом прямо. Мы давным-давно служим чужой идее.

— Вы кощунствуете, сэр.

— Вовсе нет. — Он плеснул в стаканчик очередную порцию виски. — Я не поднимаю голос против Бога. Я лишь утверждаю, что мы многое перепутали и что нас приучили молиться не Богу, не Творцу, а пророкам. А это, согласитесь, далеко не одно и то же. Пророки у каждого народа свои, но Бог един. Даже у здешних краснокожих бестий тот же самый Бог, просто называют они его иначе. Да разве может быть по-другому? Индейцы живут не так, как мы, они не желают ровно укатанных дорог, паровозов и прочих прелестей нашей цивилизации. И за это мы называем их дикарями, за это мы уничтожаем их. Заметьте: уничтожаем их, прикрываясь

именем Христа. И никому из нас, цивилизованных людей, не стыдно. Не ужасно ли это?

— Мне не по себе от ваших слов, сэр. — Нэнси хотела было подняться, но лейтенант остановил её.

— Вы чудесная девушка, Нэнси. Я свыкся с вами и часто забываю, что вы являетесь прислугой в нашей семье. С вами можно легко побеседовать, вы умеете слушать.

— Разве миссис Трублад не любит разговаривать с вами?

— Не любит? Нет, не в этом дело. Она просто не умеет разговаривать. Она прерывает любую беседу, коли ей что-то не по душе… А мне надо иногда выговориться.

— Сейчас тоже?

— Знаете, Нэнси, в нашем офицерском кругу не принято обсуждать некоторые вопросы. Например, меня не радует мысль, что мы пытаемся навязать дикарям наш образ жизни и нашу веру. Кто сказал, что этот образ жизни правильный? Мы думаем так лишь потому, что не умеем жить иначе. А меня ведь не только никто не поддержит в этих моих мыслях, но и вообще станут косо смотреть. Ведь я солдат и должен уметь воевать, какова бы ни была цель этой войны.

— Разве вы плохо выполняете долг?

— Я хорошо служу. Ко мне нет нареканий. Однако этого мало. На военной службе нужно также уметь держать язык за зубами, чтобы тебя ненароком не занесли в список неблагонадёжных. А получить такое клеймо, к сожалению, очень легко, ведь неблагонадёжность — понятие расплывчатое. Так что не со всяким поговоришь откровенно, иначе можно потерять службу… Уходить из армии мне не хочется, мне нравится моя работа.

— Вы называете это работой? — удивилась Нэнси.

— Да. Это работа. Каждый выполняет свою работу. Некоторые называют военную службу долгом, но я так не считаю. Если долг, то перед кем? Только перед теми, кто выплачивает жалование. Это моя точка зрения.

— Я не понимаю вас, господин лейтенант. Как вам может нравиться военная служба, если вы полагаете, что правда в этой войне не на нашей стороне?

— У каждой из сторон есть своя правда. Индейцы отстаивают свой образ жизни, а мы — наш. Они умеют хорошо драться, и мы не можем уступить им. Это своего рода игра.

— Игра? Вы называете войну игрой? — содрогнулась девушка.

— Вся наша жизнь представляет собой запутанную игру. И если не понять этого, то можно сойти с ума от постоянно наваливающихся бед, несчастий, обид… Я думаю, надо уметь воспринимать всё как игру.

— Полагаю, редкий человек умеет это делать, — покачала головой Нэнси.

— Редкий. Поэтому редкий человек проживает жизнь счастливым.

***

«6 декабря. Утром был атакован обоз дровосеков, примерно в двух милях от форта. Феттермэн с 52 кавалеристами бросились на помощь. Полковник Кэррингтон и 25 конников помчались по другой дороге, надеясь отрезать дикарям путь к отступлению. Индейцы нахлынули волной. Солдаты были в панике. Десять человек умчались назад, ослушавшись приказа. Лейтенант Бингам и лейтенант Груммонд вместе с сержантом Боуэрсом и ещё двумя солдатами пустились преследовать какого-то индейца-одиночку и нарвались на засаду. Бингам и сержант погибли. Лейтенант Груммонд чудом спасся. Сейчас он пребывает в самом подавленном состоянии, какое только можно представить: молчит и пьёт виски.

9 декабря. Похоронили лейтенанта Бингама и сержанта Боуэрса. Они попали в засаду.

Я слышала, как Браун разговаривал на повышенных тонах с Кэррингтоном. Он почти ругался. Говорил, что в форт немедленно надо вызвать подкрепление.

— Добейтесь, чтобы нам прислали сюда пополнение, — стучал он кулаком по столу, — тогда я отправлюсь на Языковую Реку и задам краснокожим трёпку.

— Перестаньте молоть чепуху, Фред. Индейцы растопчут вас. Они собрали серьёзные силы.

— Пусть растопчут, сэр, но зато я успею собственными руками убить десяток-другой.

Полковник не желает вступать в открытый бой с дикарями. Я не могу понять, что это — профессиональная твёрдость или слабохарактерность. Иногда он кажется мне тряпкой, иногда — тупицей».

***

Утро 21 декабря выдалось ясным и радовало глаз. Несмотря

на лежавший повсюду глубокий снег и на явные признаки дальнейшего похолодания, многие мужчины, выйдя на работу, даже не стали надевать тулупы поверх шерстяных кофт.

Нэнси стояла на крыльце, с улыбкой наблюдая за сборами заготовительного отряда, который отправлялся к Большому Сосновому Ручью.

— Что-то наши бравые парни нынче припозднились, — послышался за её спиной голос Кэтрин Трублад. — Обычно выезжают раньше.

— Погода расслабляет, мадам, — отозвалась Нэнси, поправляя платок на плечах. — Взгляните, какое дивное сегодня небо, какое солнце! Вот бы так всю зиму.

— Тогда мы могли бы однажды совершить экскурсию к озеру Де Смет и устроить там катание на коньках, — сказала Кэтрин, затем подумала и добавила: — Если, конечно, уладится всё с индейцами. Ах, как мне надоело это постоянное напряжение, ожидание новых выстрелов, боязнь за жизнь моего мужа… Да и вообще за всех нас.

— Сегодня с обозом едет сильная охрана, — заметила Нэнси.

— К сожалению, меня это не радует. Мой Генри отправляется с этим сопровождением. А я всякий раз, как он отправляется туда, просто схожу с ума.

— Я знаю, мадам.

— Пойду-ка я к миссис Уэтли, — проговорила Кэтрин Трублад, погрузившись в свои беспокойные мысли.

Нэнси кивнула и сказала:

— У меня сегодня стирка.

Прошло не больше часа, когда послышался крик со стены:

— Индейцы!

— Где они? — прокричал офицер снизу.

— Пикеты на Лоцмане подают сигнал «много индейцев».

— С Горы Лоцмана сигналят? Стало быть, дикари атаковали дровосеков. Горнист! Труби сбор!

— Майор Пауэл! — позвал Кэррингтон. — Собирайте людей немедленно!

Пространство на плацу мгновенно ожило, люди побежали из казармы в конюшню, захрапели лошади, пуская густой пар из ноздрей. Капитан Феттермэн большими шагами ходил туда-сюда, постукивая рукой по кобуре и поглядывая на строившихся кавалеристов. Вскоре из дома офицеров вышел Кэррингтон. Феттермэн быстрыми шагами подошёл к полковнику:

— Сэр, позвольте мне! Я готов выступить.

— Я вижу, — Кэррингтон отвёл глаза.

— Вы не желаете, чтобы я ехал?

— Я не желаю, чтобы вы устраивали погоню за краснокожими. Мне дорог каждый человек, а вы легко теряете голову, Вильям. Поймите меня.

— Разрешите мне возглавить отряд, сэр. Я должен расправиться с этими тварями!

— Вы ничего не должны, Вильям, — полковник отвернулся от капитана и покачал головой, будто споря с кем-то.

— Сэр!

— Ладно, Вильям, раз вы настаиваете… — Кэррингтон подозвал Пауэла и медленно проговорил. — Майор, вы останетесь здесь. Отрядом будет командовать капитан Феттермэн… Только, Вильям, никакого лихачества. Вы слышите меня?

Подбежал лейтенант Груммонд:

— Сэр, я распорядился, чтобы выступила также часть роты Второй Кавалерии. Всего насчитывается семьдесят восемь человек, сэр.

— Надеюсь, вам этого хватит. Помните, что здесь остаётся мало людей. Не задерживайтесь.

— Так точно, сэр, — козырнул Феттермэн.

Кэррингтон остановился перед выстроившимся отрядом и поднял руку, призывая всех к вниманию:

— Ваша задача: быстрым маршем пройти вперёд и освободить обоз. Господа, — он строго посмотрел на офицеров, — ни при каких обстоятельствах не переходите за утёс. Это приказ! Вы понимаете меня — приказ! Хватит! Если решите преследовать их, то не далее переправы! И вообще, тысяча чертей, не надо преследований. Отбейте тех, кто перекрыл дорогу обозу и всё! Всё! Слышите меня?

— Капитан, — к Феттермэну приблизился нахмурившийся Пауэл, — не забывайте о том, что я рассказал два дня назад. Индейцы едва не заманили меня в ловушку. Они дьявольски хитры. Их крохотные отряды представляют собой такой соблазн, что удержаться просто нет сил. Но вы должны подавить ваши эмоции, капитан. Иначе вы погибнете.

— Я не ребёнок, майор, но всё же спасибо вам за напоминание.

Лейтенант Вэндс ещё раз громко повторил приказ полковника и подошёл к Груммонду.

— Джордж, будь осторожен, — сказал он негромко. — Ты человек

семейный. Из всех, кто уходит с отрядом, только ты женат. Сделай так, чтобы она меньше волновалась. Не заходи в дебри, возвращайся побыстрее.

— Смею тебя заверить, что неосторожностью я сыт по самое горло. Я никогда не забуду эту кричащую свору дикарей и то, как они разделались с Бигнамом и Боуэрсом, — Груммонд нагнулся к Вэндсу. — Я сильно виноват в их гибели.

— Это меня и беспокоит, дружище. — Вэндс взял Груммонда за руку. — Не вздумай никому мстить сейчас, Джордж. Оценивай обстановку трезво.

Солнце внезапно скрылось, и территория форта сразу сделалась сумрачной.

Стоя с группой офицерских жён, Нэнси вдруг заметила, что её начал бить мелкий озноб.

— Ты дрожишь? — обратила на неё внимание жена полковника. — Оденься потеплее.

— Да, сейчас только затряслась. Нервно как-то, — отозвалась Нэнси.

— Мне тоже не по себе, — проговорила Кэтрин Трублад, услышав её.

Когда отряд выходил из ворот крепости, кто-то указал на Палаточный След. На хребте ясно виднелись очертания нескольких всадников. Индейцы наблюдали за фортом.

— Хотела бы я знать, о чём они сейчас думают, — прошептала Маргарита Кэррингтон. — Я пойду поднимусь на стену.

— И мы, — откликнулись другие женщины.

Едва ворота закрылись со скрипом, на дороге перед крепостью появилось с десяток индейских наездников, потоптались на месте и сразу поскакали прочь, издавая пронзительные выкрики. Их голоса эхом разносились по безмолвному заснеженному пространству, смешиваясь с яростным ржанием лошадей.

Залп гаубицы поднял столб снега и чёрной земли. Из-за еловых зарослей сразу высыпали ещё человек двадцать верховых Лакотов. Один из них сорвался с лошади, но быстро поднялся и вспрыгнул в седло. Другой всадник остановил своего коня и повернулся лицом к солдатам. Он что-то кричал, размахивая над головой красным одеялом, будто похваляясь своей удалью.

— Вот тебе-то я в первую очередь отрежу яйца, тварь дикая! — выдохнул Феттермэн, обгоняя свой отряд и заметно выезжая вперёд.

— Вильям! — послышался предостерегающий голос сзади.

— Я так и думал, что они устроили западню, — прошептал полковник, глядя с крепостной стены на выехавших из-за кустов индейцев. — Хорошо, что их мало.

— Сэр, боюсь, что это ещё не западня, — смотря на вырвавшегося вперёд Феттермэна, прохрипел майор Пауэл.

— Думаете, это наживка?

— Да. Они просто заманивают наших. Надеюсь, что Вильям не пойдёт у них на поводу.

Внезапно лейтенант Вэндс шлёпнул себя ладонью по лбу и почти скатился вниз по лестнице со смотровой площадки, сгребая снег пятками со ступеней.

— Какой же я болван! — восклицал он.

— Что случилось, лейтенант? — окликнул его Кэррингтон.

— Я забыл снарядить с ними врача!

— Срочно пошлите его следом за ними, пока они не ушли далеко!

Через пару минут хирург Хайнс в сопровождении ассистента выехал рысью из ворот. Отряд Феттермэна уже скрылся за ближайшими возвышенностями Салливановых Гор.

— Погода совсем испортилась, — заметил кто-то.

— А какое утро было, дьявол меня дери. И тишина стояла удивительная. Теперь ни солнца, ни тишины…

— Чёртовы нервы…

— Господа, перестаньте зудить! — крикнула на них Кэтрин Трублад. — Вернётся Феттермэн, тогда и поговорите про нервы за стаканчиком.

— И то верно.

— Кто-то возвращается, сэр! — крикнул дозорный.

— Кто? Что там случилось, тысяча чертей? — Пауэл побежал к воротам. — Открывайте! Кто-то едет!

— Это доктор Хайнс и его помощник, сэр.

Два всадника быстро въехали в крепость.

— Что случилось, доктор? — Полковник Кэррингтон торопливо спустился со стены.

— Там всё забито дикарями! Я не могу проехать! — крикнул врач, слезая с коня и тяжело дыша. — Ох, всю глотку сжёг на этом морозе… Индейцы заполонили всё пространство между Салливановыми Горами и Большим Сосновым Ручьём.

— Их очень много?

— Тьма, сэр, — доктор Хайнс понизил голос и подошёл к полковнику, — я думаю, что Феттермэн не пробьётся к лесорубам. И ещё одно, сэр.

— Что ещё?

— Феттермэн переправился через Большой Сосновый и поднялся на хребет. Он последовал за индейцами вверх по склону.

— Идиот! — Кэррингтон тихо выругался себе под нос и застыл на несколько секунд, прикрыв лицо замёрзшей ладонью. — Что за свинский характер! Что за дурацкая жажда славы! Это не солдат, а болван какой-то безмозглый! Чёрт меня дёрнул послать именно его…

Прошло ещё минут десять, и донеслись звуки активной стрельбы. В морозном воздухе слышался каждый выстрел. Ни у кого не было сомнений в том, что люди Феттермэна пытались остановить натиск дикарей и что оказываемое сопротивление было отчаянным.

— Капитан Эйк! Лейтенант Мэтсон! — позвал Кэррингтон. — Срочно собирайте людей и выдвигайтесь в том направлении. Похоже, капитан проглотил наживку дикарей и они заманили его в западню… Так… Капитан Арнольд, велите горнисту трубить общий сбор. И вот ещё что… Если кто-то на гауптвахте сидит, то выпустите всех без исключения. Нам сейчас может потребоваться каждый солдат…

В воздухе заметно потемнело, посыпались крупные хлопья снега.

— Всё будет хорошо. Успокойся, милый, — шептала Маргарита, стискивая руку мужа.

— Какое уж там «хорошо»! — хмурился он, подёргивая нижней губой.

— С ними поехал Груммонд. Ты же знаешь, что он хороший офицер, он умеет воевать.

— Там целая орда Лакотов и Шайенов… Груммонд или не Груммонд, какая теперь разница? Доктор Хайн не смог проскакать туда… Индейцев слишком много… Если Феттермэна окружили, то это конец. Ты только послушай… Там, наверное, уже половина наших полегла… Если Эйк и Мэтсон не поспеют… Ты ступай к женщинам, попытайся успокоить всех. Сейчас нам нельзя запаниковать…

Он отвернулся от жены и обеими руками вцепился в брёвна крепостной стены. Его пальцы посинели от напряжения. Всё тело

его подалось вперёд, будто надеясь, что взор сумеет каким-то образом преодолеть Палаточный След и увидеть происходившую на противоположной стороне хребта схватку.

Прошло не более двадцати минут, и отряд Эйка покинул форт Фил-Кирни. С отрядом поехали доктор Хайнс и доктор Оулд в медицинской повозке. Колёса оглушительно грохотали по мёрзлой земле. Фургоны для раненых и фургоны с боеприпасами подскакивали на ледяных глыбах, с хрустом раздавливая их.

Беспорядочная стрельба за хребтом стала интенсивнее, сделавшись похожей на звук громкой трещотки. Затем наступила секундная пауза, после которой последовал дружный залп, ещё один, и наступила тишина.

— Посмотрите-ка, капитан, — проговорил медленно Кэррингтон, указывая стоявшему возле него капитану Арнольду на Палаточный След. — Только что там стояли два всадника, надо полагать, индейцы. Как только Эйк выехал за ворота, один индеец исчез. Думаю, он сообщит сейчас своим, что мы выслали второй отряд. Вон и второй уезжает. Видите? Возможно, дикари всё же отступят… Отправьте курьера на лесозаготовку. Пусть немедленно возвращаются.

Из-за Палаточного Следа донеслись три одиночных выстрела.

— Кто-то ещё жив, — прошептала Маргарита вялыми губами, обернувшись к бледной жене лейтенанта Груммонда.

— Могут стрелять дикари. Наверное, подбирают наши винтовки, — тихо ответила несчастная женщина, не отрывая глаз от гористой линии горизонта. — Господи, что же это творится? За что?.. Я не могу больше ждать…

Разведчик, въехавший по тропинке на Салливановы Горы, развёл руками, показывая, что не мог разглядеть ни индейцев, ни отряда Эйка. И тут по стенам крепости пробежал ропот. Все увидели солдат Эйка, взобравшихся на хребет Палаточный След. Какой-то всадник отделился от отряда и помчался обратно во всю прыть.

— Гонец! Хоть какие-то новости! — воскликнул кто-то.

— Нэнси, — позвала Кэтрин Трублад, — свари кофе… Мне совсем худо, сердце сейчас просто остановится. Что же там происходит? Где сейчас мой Генри? Боже, не дай случиться самому страшному!

Нэнси поспешила на кухню, оглядываясь на ворота, которые начали приоткрываться. В мутном снежном воздухе промелькнул всадник.

— Полным-полно индейцев, сэр! — доложил посланник

капитана Эйка, не слезая с коня. Его рот был обвязан шарфом, чтобы не обморозилось горло от учащённого дыхания. — Вся долина за Палаточным Следом просто наводнена дикарями. Это настоящий муравейник, сэр.

— Где Феттермэн? Что с ним?

— Не видно, сэр. Никого из наших не видно.

— А краснокожие?

— Они вызывают нас на бой. Они готовы продолжить сражение.

— Надеюсь, у Эйка хватит ума не ввязываться в это дело, — проговорил Кэррингтон.

Сумерки опускались быстро. Фигуры людей, стоявших на стене возле бойниц, вскоре сделались похожими на бесформенные пятна.

— Сколько времени прошло?

— Не знаю. Вечность…

— Едут!

— Кто? Кто едет?

Послышался скрип колёс.

— Ну что?

— Они везут убитых.

Вкатившие в крепость повозки остановились на плацу.

— Здесь сорок девять тел, сэр, — доложил Эйк полковнику, спрыгнув с коня.

— Остальные?

— Погибли.

— Капитан, вы уверены?

— Да. Там нет живых. Но мы не могли уже продолжать поиски тел. Слишком темно. Слишком рискованно занятие, сэр.

— Да, капитан, вы правы, — Кэррингтон опустил голову. — Ступайте отогреваться.

— Ещё одно, сэр.

— Что такое?

— Мы не сумели найти тело лейтенанта Груммонда. Надо как-то сообщить его жене…

— Может быть, он жив? Спрятался где-нибудь? Или раненый лежит, без сознания?

Капитан Эйк промолчал, но выразительно взглянул на фургоны, заполненные застывшими трупами, и добавил:

— Не позволяйте женщинам заглядывать в повозки.

— Неужели всё настолько ужасно? — Кэррингтон растерянно оглянулся.

— Тела изуродованы до невозможного. Некоторых из моих людей стошнило раза по три, покуда мы подбирали обрубки рук и ног…

— Едут! — опять возвестил дозорный.

— Кто?

— Лесорубы, обоз с дровами.

Услышав о возвращении обоза заготовителей, Кэтрин Трублад бросилась на улицу.

— Генри! Генри! — кричала она, заливаясь слезами.

Лейтенант Трублад соскочил с лошади, оглядываясь. Повозки, гремя колёсами, вкатывались на плац. Промёрзшие солдаты поспешно спрыгивали на землю, разминая ноги.

— Что у вас стряслось? — начали расспрашивать офицеры из отряда сопровождения лесорубов, увидев мрачные лица вокруг. — Опять кого-то убили? Кого?

— Вон, — кивнул Вэндс приехавшим, — два фургона набиты покойниками.

— Мой Бог…

— Ещё столько же осталось в горах.

— Что стряслось?

— Милый мой, — плакала на плече Трублада жена, — это какой-то кошмар! Это ужас! Я так больше не могу…

— С возвращением, — подошёл майор Пауэл. — Похоже вам здорово повезло.

— Значит, поблизости был сильный бой? — спросил Трублад.

— Неужели вы ничего не слышали? — удивился Пауэл.

— Нас атаковали вскоре после отъезда отсюда, — начал рассказывать кто-то из лесорубов, кутаясь в шарф, — но краснокожие вскоре отступили. Мы поехали дальше, без помех выполнили всю работу и покатили обратно.

— Мы вообще не слышали звуков боя, — добавил сержант, спрыгивая с первой повозки. — Мы поехали привычным путём, как только напавшие на нас Лакоты отступили. Чёрт возьми, я даже понятия не имел, что там были ещё какие-то краснокожие.

— Господи, можно только представить, сколько было бы ещё убитых, если бы индейцы вернулись к вам.

— Их разве настолько много было? — хмуро спросил сержант.

— Тьма. Хотелось бы надеяться, что они не надумают напасть на нас ночью.

***

Утром поисковый отряд во главе с полковником Кэррингтоном добрался до места сражения. Капитан Эйк, лейтенант Трублад и доктор Уолд ехали бок о бок с полковником. Под копытами коней мёрзлая кровь ломалась на куски. Мутный воздух бесшумно дышал на всадников колючим морозом, едва заметно покачивая тяжёлые ветви сосен, росших по всему склону.

Кавалеристы ехали медленно, вглядываясь в каждое дерево, в каждый сугроб. Через некоторое время отряд добрался до места, где вчера Эйк и Мэтсон подобрали часть погибших. Повсюду краснели заледеневшие кровавые лужи.

— Сэр, кажется, я вижу что-то впереди, — Генри Трублад вытянул руку.

— Да, это они.

— Господи, в каком они состоянии, — прошептал Генри.

— Я уже видел это вчера, — проговорил Эйк. — Мы подбирали разбросанные повсюду кишки и заталкивали их в первое попавшееся тело. Понять, что кому принадлежит, просто невозможно.

— Слышать о краснокожих приходилось всякое, но увидеть такое… — Кэррингтон оглянулся и дал солдатам знак обследовать всю округу. — Только сильно не рассеиваться!

Гражданские проводники Витли и Фишер были найдены около нагромождения скал. Пространство вокруг них было усыпано гильзами.

— Похоже эти двое решили сдержать первый натиск дикарей, — Эйк указал на гильзы, вмёрзшие в кровавую лужу. — Должно быть, Феттермэн поначалу попытался отвести людей назад, а Фишер и Витли сразу поняли, чем всё кончится, и не стали лишний раз поворачиваться к индейцам спиной.

— Бедняги приняли геройскую смерть…

К полковнику подъехал сержант.

— Сэр, я насчитал шестьдесят пять кровавых луж.

— И что?

— Это шестьдесят пять убитых или тяжело раненных краснокожих. Вам может потребоваться для рапорта, сэр. И десять мёртвых индейских лошадок. В других местах, как видите, нет ни следов индейской крови, ни застреленных пони. Только в этом месте было настоящее сопротивление. А там, — сержант махнул рукой на расщелину, вдоль которой лежали синеватые трупы, — там

никто не сопротивлялся. Они пытались отступить и были просто смяты.

— А вот, кажется, и Феттермэн, сэр, — послышался другой голос.

— Это Браун рядом с ним?

Генри Трублад спрыгнул с коня.

— Они оба застрелились. У каждого пулевое отверстие в виске и пороховой ожог. Видно, что сами стрелялись.

— Браун не раз повторял, что никогда не отдастся живым в руки краснокожих, — сказал капитан Эйк. — В последние дни он не расставался с двумя револьверами. Даже на ночь клал их с собой. И ещё он мечтал увезти отсюда хотя бы один скальп на Восток.

— Между прочим, это он подначивал Феттермэна, всё время подначивал. Возможно, он и убедил Вильяма преследовать индейцев. Они оба слишком легкомысленно относились к индейцам.

— Сэр, — капитан Эйк тронул Кэррингтона за рукав, — а вы знали, что Феттермэн с Брауном намечали провести экспедицию к Языковой Реке?

— Какую экспедицию?

— Что-то вроде карательной. Взять с собой человек девяносто, пострелять индейцев, расчистить от них эту территорию.

— Да, Фредерик просил, чтобы я дал ему это поручение… Постреляли…

— Сэр, — к Кэррингтону подъехал сержант, — я нашёл тело лейтенанта Груммонда. Рядом с ним погиб и сержант Ланг.

— Где они?

— Там, в самом удалённом от форта месте, достаточно далеко от остальных солдат, сэр. Похоже, Груммонд и Ланг погибли первыми… — Сержант замолчал, ожидая, видимо, распоряжений полковника.

— Что вы все таращитесь на меня! — вдруг закричал Кэррингтон. — Грузите тела! Грузите! Я вам не нянька, чтобы объяснять вам каждый шаг!… Извините… Нервы ни к чёрту… Ещё раз приношу мои извинения, сержант. — Кэррингтон повернулся к сопровождавшим его офицерам. — Господа, нам нельзя задерживаться здесь. Давайте поторапливаться… Трублад, возьмите на себя статистику, ну, сколько у кого ран, какие они и прочее… Надо для рапорта, чёрт его подери…

— Я уже сейчас могу сказать, господин полковник, что из всех погибших лишь шестеро пали от пуль. Двое из них — Феттермэн

и Браун. Значит, у индейцев практически нет огнестрельного оружия.

— Тем лучше для нас…

***

«22 декабря. Едва стемнело, поисковая команда вернулась в форт. Тела убитых сложили в двух медицинских палатках. Холод ужасный. Страшно думать о том, как тела наших солдат лежали там, в горах. Их, конечно, мороз уже не пугал, но всё-таки.

23 декабря. Утром покойников нарядили в парадную одежду. Сосновые гробы. Похоронный отряд отправился копать могилы, но мороз чересчур силён. Похороны приходится откладывать.

25 декабря. Метель намела столько снега, что западная стена крепости засыпана почти до самого верха. По этому снегу вполне можно подняться и просто перешагнуть через частокол. Все наши пребывают в ужасном состоянии. Нервы напряжены. Каждую минуту мы ждём индейской атаки. В каждой казарме дежурит офицер, огонь не гасят нигде.

Мне повсюду мерещатся подозрительные тени. Уши выхватывают малейший скрип, из-за чего я просто схожу с ума. Снова и снова задаю себе вопрос: зачем я здесь?

Я хочу срочно уехать отсюда. Я хочу всё забыть, всё вычеркнуть, начать всё заново.

Заново… Что означает это *заново*? Опять совершать уже совершённые ошибки? Опять повстречать какого-нибудь Тима и отправиться за ним на край света?

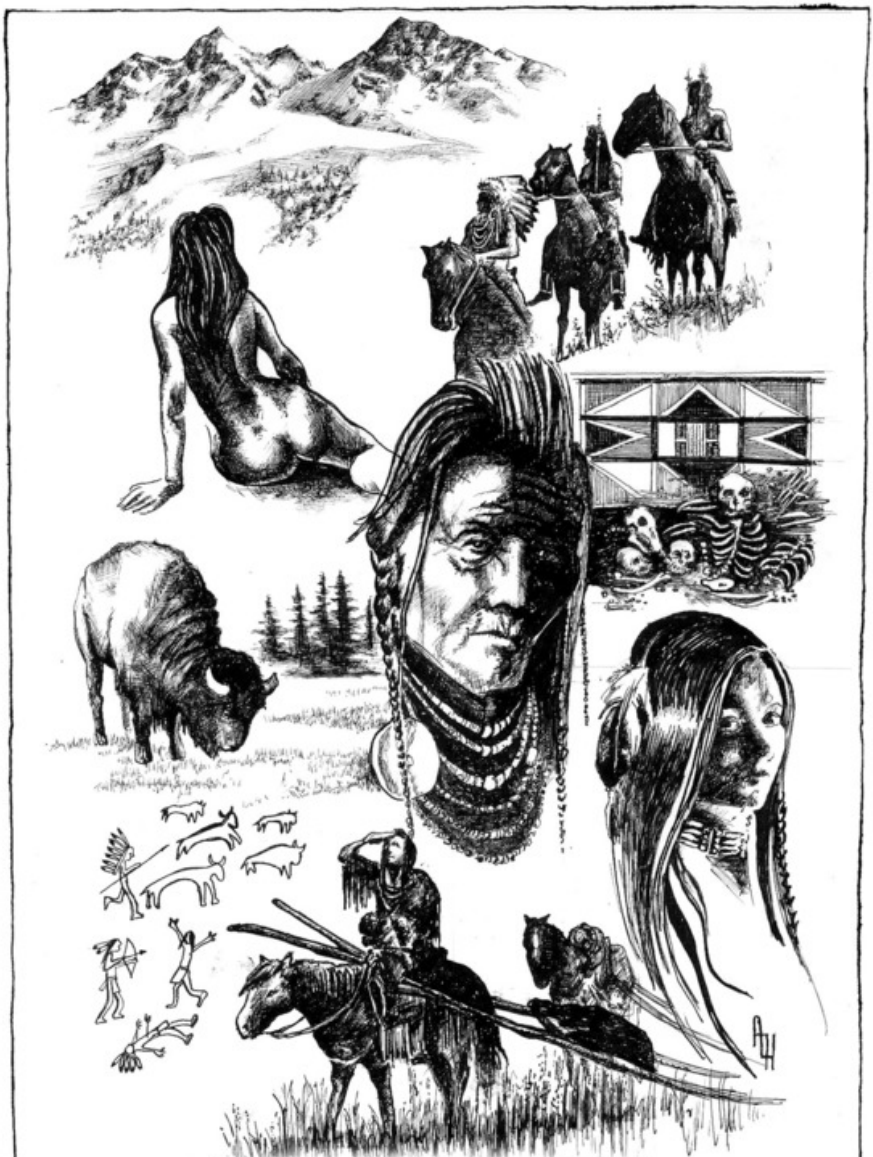
Не хочу! Не желаю! Не желаю играть эту унизительную роль.

Стоп! Играть… Вот в чём штука. Вот о чём говорил тогда лейтенант Трублад. Игра. Если не понять, что вся наша жизнь это лишь игра, то можно сойти с ума. Надо играть, наслаждаясь игрой, а не сбрасывать свои карты только ради того, чтобы поскорее совершить ход. Надо играть со вкусом!

Но как же мне понять, что за игра сейчас идёт и кем я являюсь в этой игре? Чего мне не следует делать сейчас и что я должна сделать в первую очередь?

Думай, сердце моё, думай.»…

Октябрь 2000
Москва


Лесное Лекарство

[1] С к в о — женщина.
[2] *Т и п и* — на лакотском языке так называлось любое жилище, в данном случае имеется в виду конусовидная индейская палатка.
[3] Маргарита Кэррингтон в своих мемуарах рассказала, что к концу сентября «Красное облако и Человек-Боящийся-Своих-Лошадей находились на берегу Языкововй Реки; на Пыльной Реке стояли общины Бизоньего Языка; Большебрюхие, Плохие Стрелы, Носящие-Кость-В-Носу и Кладущие-Мясо-В-Тарелку располагались близ Реки Большого Рога; к военным отрядам Лакотов примкнул Большой Шаман Арапахов и Северный Боб — белый человек, у которого не хватало одного большого пальца и который возглавлял общину из двадцати пяти палаток». О таинственном белом человеке, который объявил себя непримиримым врагом американских солдат и поднялся до положения вождя среди Лакотов, упоминает в письме и рядовой Хью Доран: «О нём ничего толком никто не знает. Говорят, что он беглый преступник, прижившийся много лет назад у индейцев. Он пользуется большой властью и водит против американской армии отряды дикарей».

Лесное Лекарство

«Божественная смерть!
Вождь надо всем и всеми,
Прими нас в лоно звёзд,
спаси детей от зла!»

Леконт де Лиль

Его звали Марсель Дюпон, но среди канадских звероловов он стал известен под кличкой Молчун. Никто никогда не называл его Марселем. Возможно, никто даже не представлял, какое имя дали ему родители.

Он был не из болтливых. Все сходились на том, что он разговаривал редко, но за словом в карман не лазил. Если случалось какому-нибудь новичку-остряку забрести в кабак, где на шатких стульях развалились охотники в распахнутых меховых куртках, и начать подтрунивать над неповоротливым на вид Молчуном, то минут через десять такому задире приходилось с позором бежать за дверь, как если бы его сильно поколотили. Да и своими увесистыми кулаками Молчун умел воспользоваться, если была нужда.

Редкий человек мог рассказать что-либо о Молчуне. Ни канадские французы, ни американские трапперы не знали наверняка, откуда пришёл Марсель Дюпон. Одни видели его в Монреале, другие утверждали, что встречали его в Сент-Луисе. Были и такие, кто утверждал, будто знавал его ещё во времена так называемой «пешей торговли», когда трапперы плыли по реке на каноэ, а затем переносили на спине неподъёмные тюки с товарами куда-то. Он был одним из первых, кто сумел проникнуть в сердце страны, принадлежавшей Птичьему Племени.

Эта территория простиралась по обе стороны Лосиной Реки от Скалистых Гор почти до устья Пыльной Реки. Все, кому когда-либо довелось побывать на земле Птичьего Племени, единодушно признавали, что этот край был самым богатым дичью. В любое время года там бродили несметные стада бизонов. Многочисленные лоси и олени собирались на берегах рек по несколько сотен голов одновременно, что вызывало у первых европейских пришельцев чувство благоговейного восторга. Иногда казалось, что не было

в той стране места, где бы не слышался громкий топот быстроногих антилоп. Реки и ручьи буквально кишели рыбой и бобрами.

Марсель-Молчун любил Скалистые Горы, несмотря на все опасности, подстерегавшие путника. Большинство индейцев из Птичьего Племени хорошо знали его и относились к нему весьма дружелюбно, хотя он никогда не позволял себе расслабляться в их обществе, зная их страсть к воровству. Канадцы и американцы нарекли их Вороньим Племенем, но сами дикари называли себя *Абсарока*. Никто толком не мог объяснить значение этого слова. Кто-то уверял, что оно указывает на принадлежность к птицам с большими клювами, некоторые настаивали, что оно обозначает ястреба, да и сами дикари, похоже, успели забыть, откуда произошло название их племени.

— Когда я спросил их, что такое Абсарока, они показали на пролетавшую над нами ворону, — рассказывал изборождённый столетними морщинами Жан Менард по кличке Хромой, — но чуть позже они указали пальцами на кружившего в небе стервятника. Я думаю, что это слово они могут прилепить ко всякой летающей твари. Абсарока — Птичий Народ…

Молчун мог бы с лёгкостью сколотить себе состояние, если бы пожелал обустроиться в уютном домике и осесть там навсегда, но он предпочитал бродяжничать. Ему нравились просторы прерий и снежные кручи гор. Разумеется, он никогда не отказывал себе в удовольствии посидеть в кабаке или понежиться в постели какой-нибудь проститутки, когда предоставлялся случай. Но ничто не могло удержать его в городе больше месяца — ни женский шёпот, ни страстные объятия, ни жаркий огонь камина.

Жозефина по прозвищу Синеглазка была самой дорогой женщиной в трактире «Снежная Шапка». Она никогда не отказывала Молчуну в ласках, даже в последний день его пребывания в Монреале, когда в кармане траппера не оставалось и двух мелких монет. Она привыкла считать его лучшим из всех и, любя лучшее, убедила себя в мысли, что он принадлежал только ей. Но Молчун так не думал. Он был вольным мужчиной и не подчинялся никому и ничему, даже обстоятельствам, всегда заставляя их повернуться в нужную сторону. Случилось так, что в день отъезда из города Молчун бросил в лицо Синеглазке, чтобы она прекратила расставлять ему сети и не надеялась на совместную будущую жизнь.

— Я лучше возьму в жёны Лохматую Лауру, чем тебя. Она, по крайней мере, не разевает рот по всякому случаю и не пытается

надеть на меня узду! Да и гренки она не ленится подать мне в постель! — закричал он, внезапно потеряв терпение. — А что касается женской письки, то такого добра и в индейских хижинах хватает.

— Тогда я прокляну тебя, чёрт безродный! — заломила Жозефина руки. — Я заставлю тебя вспомнить эту минуту, и ты захочешь прожить её ещё раз, чтобы не сказать то, что ты произнёс только что! Я наложу на тебя проклятие, и ты пройдёшь через такие мучения, с какими не сталкивался никогда прежде!

Молчун напялил шапку и ушёл, унеся на сердце неприятную горечь. Он не раз слышал, что Жозефина-Синеглазка умела насылать порчу, но никогда не придавал этому значения. Теперь же в душе его ощущалось заметное неудобство, будто он чувствовал, как по его следам бежала безмолвная стая голодных волков. А через несколько дней, уже в пути, на него накинулись дурные сны, не оставлявшие его в покое до тех пор, пока он не добрался до своего низенького домика в горах.

Крохотная, но весьма уютная избушка, которую Молчун-Марсель срубил лет пять назад, чтобы иметь базу, служила ему надёжным укрытием в непогоду, такую частую в заснеженных горах, и при нападении враждебно настроенных дикарей. В те годы любое деревянное сооружение на территории индейцев называлось фортом и называлось именем того, кто его основал. Молчун назвал свою избушку Форт Марсель.

Через неделю после прибытия Молчуна в форт произошло нечто совершенно необъяснимое. Выйдя из двери, он направился к сложенным возле карликовой сосны ящикам с провизией и внезапно услышал прямо над своей головой громкий шум. Едва успев поднять лицо, он сразу же зажмурился, чтобы спасти свои глаза: на него, выставив когтистые лапы, камнем летел огромный горный орёл.

— Проклятье! — успел прокричать траппер и сорвался в ущелье.

Каким-то чудом ему удалось зацепился за что-то после нескольких секунд головокружительного падения.

— Ведьма! Чёртова Синеглазка! Проклятая Жозефина! — шипел он, подтягиваясь на руках по отвесной скале. — Всё из-за тебя пошло кувырком… Ассинибойны напали на реке и отобрали половину товара… Каноэ оставил на дне реки и потерял ещё половину груза… Теперь и сам вот-вот сорвусь в пропасть…

С величайшей осторожностью Молчун продвигался вверх,

ухватываясь сильными длинными пальцами за всевозможные выступы. Его движения были медленными, почти неприметными для человеческого глаза, что позволяло человеку прочувствовать размеры своих сил и предусмотреть малейшую неожиданность, способную вдруг вырвать из скалы камень, за который Молчун цеплялся, и сбросить в мутную снежную бездну, только что едва не поглотившую его.

И вот его руки потихоньку появились над обледенелой поверхностью скалы. Молчун едва не засмеялся от радости, но в ту же секунду затаился, услышав внятное сотрясение собственного тела, от которого его слегка потянуло вниз. С невероятной силой он вонзился поломанными ногтями в лёд и всей грудью вжался в скалу. Ноги напряглись и превратились в камень. Марсель не шевелился и ждал, пока в тело не вернётся утерянное равновесие и спокойствие.

— Терпение, Молчун, — беззвучно пошевелил он губами.

Не раз ему приходилось выходить из тягчайших переделок, и он прекрасно знал, что легче всего оступиться в конце пути, когда бдительность в одно мгновение превращалась в полную расслабленность.

Лишь когда он всем корпусом опустился на вершину скалы, он позволил себе улыбнуться. Но тут же затаился, увидев перед собой рассыпанные коробки с продуктами. Кто-то успел здорово похозяйничать возле его форта. Прислушавшись, он уловил доносившиеся из-за бревенчатых стен голоса. Затем скрипнула дверь.

Молчун был неподвижен. В продолжение нескольких минут, разлившихся в вечность, он не шевельнул ни одним мускулом и всё прислушивался, не в его ли сторону направлялись шаги. Обсыпанный снегом, он лежал среди разбросанных картонок и тряпок, и сумел, сильно скосив глаза, увидеть фигуру индейца в длинной рубахе из выделанной добела оленьей кожи. На голове дикаря лежал головной убор, сделанный из верхней части морды антилопы с надёжно закреплёнными вертикальными рогами. Морда животного была выкрашена в чёрный цвет.

Молчун сразу узнал индейца. Все называли его Чёрным Быком, хотя полное его имя было Чёрный-Самец-В-Стаде-Антилоп. Свирепый воин-одиночка, он не признавал милосердия и пощады. Его рубаха со стороны спины была сплошь покрыта прядями человеческих волос, что делало индейца похожим на косматое

животное.

Молчун был безоружен и не мог решиться на схватку. Стоило Чёрному Быку заметить белого человека, как он зарубил бы его, не теряя ни минуты. Но до настоящего времени удача была на стороне Молчуна, если это можно было назвать удачей. Он продолжал лежать неподвижно и едва дышал.

Из двери появилась вторая фигура. Не позволяя себе шелохнуться, Марсель Дюпон по кличке Молчун боковым зрением сумел различить светлое пятно женского платья.

«Скво, — подумал он с облегчением, — значит, справиться будет легче, если дойдёт до драки…»

Тут до него донёсся запах гари. Из избушки повалил мутный дым, становясь с каждым мгновением гуще и безумнее. Молчун с отчаянием понял, что индеанка подпалила форт. Теперь все его труды превратятся в пепел, и горный ветер развеет прах по уступам скал. Не останется ни товаров, ни провизии, ни боеприпасов.

Молчун попробовал медленно, насколько мог, ощупать пальцами пространство вокруг себя, подыскивая подходящий камень, которым можно было бы воспользоваться для драки. В это время женщина разглядывала пёстрые одеяла, разворачивая их перед собой на вытянутых руках и скрывая ненадолго Молчуна из поля зрения Чёрного Быка. Охотник перевернулся на бок, не слишком опасаясь своего шороха, так как огонь уже гудел вовсю и заглушал негромкие посторонние звуки. Правая рука его наткнулась под ворохом опилок на холодное лезвие топора. Молчун потянул топор к себе.

Чёрный Бык обернулся в тот момент, когда Молчун поднялся во весь рост.

— Ах, — неопределенно протянул индеец и покачал торчащими рогами антилопы.

Молчун молниеносно бросил топор, и лезвие с тяжёлым хрустом вонзилось дикарю в голову. Женщина, стоявшая рядом с Чёрным Быком, распахнула руки и застыла. Затем она внезапно нагнулась и выдернула топор из головы мертвого индейца. В считанные секунды белый человек сфокусировал зрение и вдруг понял, что перед ним выпрямился второй мужчина, облаченный в женское платье, а вовсе не скво, как он думал поначалу.

Птичий Народ был широко известен пристрастием многих мужчин вести женский образ жизни. Это вовсе не означало, что юноши наряжались в юбки на каждом шагу, но среди других племён

людей с такими наклонностями было гораздо меньше. Впрочем, никто из соплеменников никогда не выказывал и тени осуждения в адрес таких людей: если кого-то привлекали гомосексуальные отношения, все считали, что за этим скрывались не блажь, а мистические причины. Мужчины-женщины нередко занимали место главной жены в семье, где были и другие жёны — молодые красивые девушки. При этом случалось, что мужчина, ступавший на женский путь, в недавнем прошлом мог быть отличным воином[1].

Похоже, что Чёрный Бык выбрал себе в качестве подруги и друга юношу именно такого нрава. Молчун увидел взметнувшееся над головой дикаря топор и пригнулся в ожидании броска.

В ту же секунду громыхнул взрыв — разлетелась на куски бочка с порохом, находившаяся в избе. Индеец женского обличья рухнул под ударом вылетевших на него брёвен и неподвижно распластался под горящими деревяшками. Тщательно расчёсанные длинные смоляные волосы вспыхнули, и огонь легко побежал вокруг лица юноши, отличавшегося на редкость тонкими, не по-индейски изящными чертами, в которых Молчун вдруг заметил удивительное сходство с чертами Жозефины-Синеглазки.

— Чёртова ведьма, — пробормотал Марсель, ощутив поднявшуюся в сердце холодящую волну страха. — Чёртова Синеглазка…

***

Когда случай впервые свёл Сидящего Волка с прекрасной девушкой по имени Лесное Лекарство, молодой охотник сразу почувствовал, что в его сердце зажёгся огонь, которого он прежде не знал. С удивлением наблюдая за собой, Сидящий Волк осознал, что не привычное чувство влечения к женщине поселилось в нём, но нечто совершенно новое. Он мучительно пытался определить необычный характер своего чувства, но не мог, и это всё чаще и чаще порождало в нём смутное беспокойство и напряжение.

Отец Лесного Лекарства слыл среди Абсароков могущественным колдуном. Его называли Ветви Дуба. Он всегда покидал стойбище без оружия, но обязательно возвращался в палатку с антилопой на плечах. В его жилище никогда не знали голода, и никто из соплеменников не представлял, что за силы помогали Ветвям Дуба добывать дичь. Ни для кого не было тайной, что он приобщал Лесное Лекарство к своим необыкновенным знаниям и готовил её

к служению Небесным Силам. Девушка, как всем казалось, избегала общества, поэтому все были крайне удивлены, увидев, что она легко сошлась с Сидящим Волком.

Ветви Дуба не стал препятствовать их взаимной привязанности, но перед свадьбой предупредил о чём-то дочь, что заметно опечалило её, хотя и не изменило решения девушки обзавестись собственным очагом.

Каждый день Сидящий Волк открывал в своей жене новые и новые стороны, поражаясь силам её души и ума. Будучи одним из самых ловких и сильных воинов племени, он вынужден был признать, что во многих отношениях уступал жене. Оставаясь свирепым бойцом в сражениях и ловким зверобоем на охотничьей тропе, Сидящий Волк, возвращаясь в свою палатку, отдавался влиянию Лесного Лекарства и вступал в сферу таинственных занятий, которым посвящала себя его жена. Нередко этот мощный мужчина, похожий на сваленные в кучу напружиненные мышцы, просиживал возле своей жены целый день, упиваясь звуком её голоса и следя за гипнотизирующими движениями её рук. Иногда его зачарованность вдруг перерастала в страх, и тогда Сидящий Волк бросался прочь из жилища, громко дыша, словно вырвавшись из удушающей тьмы. В такие часы он спешил удалиться от людей и, случалось, уезжал в горы на несколько суток. Приятели, видя его странное состояние, звали его в поход против соседнего племени, и он всегда соглашался.

Однажды он объявил на сходке своего воинского общества, что Лесное Лекарство забеременела.

— Надеюсь, она родит мне сына, — закончил свою короткую речь Сидящий Волк.

Но жена, встретив его дома, сказала:

— У нас будет дочь, — голос её прозвучал невесело.

— Дочь? — переспросил он.

— Да, — кивнула молодая женщина.

И он почему-то не удивился, что она столь уверена в том, какого пола будет ребёнок.

Лесное Лекарство не оставила своих занятий магией во время беременности, однако таинственность обстановки во время проводимых в палатке обрядов стала всё больше угнетать Сидящего Волка. Сильная дрожь начинала бить его, когда жена вдруг дотрагивалась до него холодными тонкими пальцами, и тошнота заливала всё его тело. Звук её грудного голоса, когда она исполняла

ритуальные песни, заставлял его голову кружиться. Лесное Лекарство видела состояние мужа, но ничего не могла поделать. Она таила в глубине своих знаний нечто такое, о чём ещё не поведала мужу. Сидящий Волк, в свою очередь, думал, что она считала его слабым, и такие мысли тяготили его невыносимо. Он темнел лицом с каждым днём, но боялся открыться кому-либо, потому что знал, что друзья подняли бы его на смех.

Возвращаясь из набегов на Черноногих или Ассинибойнов, Сидящий Волк гордо объезжал родной лагерь, потрясая над головой копьём с привязанными к древку скальпами. Его лицо всегда было вымазано кровью поверженных противников, а на шее болтались нанизанные на конский волос отрубленные пальцы врагов.

Но всё реже Лесное Лекарство выходила с другими женщинами встречать мужа. Слабее становилось её тело, и Сидящий Волк заметил однажды, что его жена совсем увяла. Она покрывала лицо тёмно-красной краской, но это не могло скрыть проступающей бледности её лица. Её щёки, недавно такие нежные, сделались похожи на вялую поверхность залежалой репы. Голубые вены резко выступили на поверхности лба.

— Почему ты не хочешь, чтобы я позвал лекаря? Почему не обратиться к твоему отцу? — не переставал спрашивать Сидящий Волк, ловя блестящий взгляд слабеющей жены. — Людей беспокоит твоё самочувствие, они всё время спрашивают о твоём здоровье.

— Мне никто не нужен. Я сама знаю, в чём дело.

— Тогда не медли. Я вижу, что тебе плохо. Сделай что-нибудь. Зачем тебе все твои таинственные знания, если ты не можешь ими воспользоваться?

— Мои знания не для того, чтобы спасать себя. Я не нуждаюсь в помощи. Я не погибаю, а просто ухожу. Так нужно. Я просто уступаю место.

— Кому?

— Другой женщине… Она будет сильнее меня…

Всякий раз как Лесное Лекарство произносила подобные слова спокойным тихим голосом, Сидящий Волк непременно чувствовал, как его охватывало волнение, похожее на то, которое он испытывал при первых встречах со своей будущей женой. Голова его начинала кружиться, будто он падал в глубокую пропасть. Глубоко внутри себя он слышал неопределённые звуки, в которых угадывалось нечто важное, значительное, но не поддающееся осознанию простого воина.

Покидая дом на несколько минут, он окунался в волнующее ощущение жизни, которое проявлялось в самом малом дуновении ветерка и пробуждало в мужском теле целый ураган желаний. Но едва он переступал порог своей палатки, как его охватывал мутный ночной холод. И Сидящий Волк с ужасом заметил, что в нём поселилось нетерпеливое ожидание смерти Лесного Лекарства. Такое же страстное нетерпение он испытывал, когда оставались последние минуты перед схваткой с врагом, готовым пронзить его грудь зубастым наконечником копья или кремнёвым жалом стрелы. Но с первыми же секундами боя ожидание улетучивалось, словно сброшенная ветром пыль. В палатке же время будто застыло. Томительная нервозность растянулась в нестерпимо долгие дни.

Каждый раз, возвращаясь в жилище, Сидящий Волк замечал, как сильно увеличивался живот его жены и как ужасно высыхало всё остальное тело. Но вот в один из мрачных зимних вечеров, когда чёрное небо трещало морозом, Лесное Лекарство позвала мужа к своему изголовью.

— Пришёл тот самый день, мой дорогой муж, — произнесла она. — Этот день был давно предназначен мне для смерти. Чудесный, тихий, морозный, неподвижный день. Ничто не помешает мне уйти, ничто не побеспокоит меня, когда я переступлю порог. Я хочу сказать тебе, Сидящий Волк, что я умираю в твоих глазах, как и в глазах большинства нашего народа. Но на самом деле я буду жить.

— Я не понимаю тебя.

— Ты боялся любить меня, не понимая мою силу. Ты давно сторонился меня, опасаясь, что во мне живёт злой демон. Но тот демон живёт в тебе, а не во мне. Тот демон — твоя неуверенность, породившая твой страх. Тот демон спеленал тебя надёжнее всякой вражеской верёвки. Ты был всегда уверен в силе своих мышц, но ты жил далеко от мира истинной силы. Я встретилась тебе для того, чтобы познакомить тебя с тем, чего боятся многие люди. Но я лишь напугала тебя. Отец предупреждал меня об этом, но я решила сделать по-своему… Я не выполнила того, что должна была, поэтому я ухожу. Но едва мой дух отойдёт, начнёт дышать мой ребёнок. В нём и останется моя жизнь, моё дело… Я буду жить, и ты узнаешь в нашей дочери мои черты. Ты назовёшь её моим именем. Ты будешь считать её мной, но не сможешь сойтись с ней, как с другой женщиной, потому что она — твоя дочь. И ты познаешь ужас любви, ужас привязанности, потому что ты не сумел пойти

вперёд… Теперь для тебя наступает самое трудное время…

Сидящий Волк сидел перед умирающей женщиной и ничего не мог произнести в ответ.

Вскоре она тяжело задышала и стала тужиться. На зов Сидящего Волка прибежали женщины из соседних палаток и приняли роды. Лесное Лекарство умерла, но, как она и предсказала, начала жить её дочь, в которую перетекли соки материнской мудрости, невидимые человеческому глазу.

В день похорон тесть подошёл вплотную к Сидящему Волку и несколько раз сказал ему:

— Поскорее возьми себе новую жену, найди кого-нибудь помоложе, — Ветви Дуба нахмурился и добавил: — И лучше возьми себе не одну жену…

Весной Ветви Дуба собрал стариков и объявил, что намерен умереть. Он просил, чтобы его не беспокоили никакими обрядами. Как-то вечером он покинул деревню, медленно шагая через глубокие сугробы, залитые розовым светом, и скрылся в еловых тенях леса. Никто не последовал за ним в тот день, но примерно через месяц небольшой отряд, возвращавшийся из набега на Черноногих, обнаружил человеческие останки, прислонённые к шершавому стволу сосны. Индейцы признали одежду Ветвей Дуба.

Когда дочке, которую тоже звали Лесное Лекарство, исполнился один год, Сидящий Волк привёл в палатку новую жену. Её звали Язык Лисицы.

Лесное Лекарство росла очень быстро. Казалось, что у неё внутри время бежало по совершенно иным законам. Кто бы ни увидел её, всегда готов был поклясться, что она развивалась вдвое быстрее обычного. Удивительное сходство с матерью проявилось уже на десятый год её жизни. Во всех качествах своего ума она невероятным образом повторяла усопшую. Девочка была действительным воплощением Лесного Лекарства, своей матери.

В свои десять лет она выглядела на все шестнадцать. В это время Сидящий Волк достиг тридцати шести зим и, подобно всем мужчинам в этом возрасте, считался в самом соку.

Взволнованно наблюдая за развитием Лесного Лекарства, он замечал, как его начинали одолевать страшные мысли. Ничего ужасного нет, когда в собственной дочери отец замечает зрелые силы женщины. Но Сидящий Волк видел перед собой не просто молодую женщину, в глазах которой горела страсть и блистала мудрость, но видел перед собой собственную жену, не протянуть

к которой руку стоило ему огромных сил. Улыбка его дочери была улыбкой его жены. Движения его дочери были движениями его жены. Они *две* стали для Сидящего Волка *одним целым*. Лесное Лекарство смотрела на отца с той же напряжённостью мысли, которой были некогда зачарованы глаза его жены. В словах дочери он слышал голос и мысли жены, и это приводило его в безумие.

— Великий Дух, чего ты хочешь от меня? — вопрошал Сидящий Волк, удаляясь из родной деревни, чтобы скрыться в каменной пещере и провести в одиночестве несколько дней. — Что за испытание послал ты мне? Я не могу понять этого. Происходящее со мной приводит меня в трепет. Я вижу, как ничтожно малы все мои знания. Я пугаюсь непонятного, которое Ты, Великий Дух, поселил во мне. Я пугаюсь его сегодня гораздо больше, чем пугался при жизни моей жены — Лесного Лекарства. Она сотворила колдовство, с которым я не в силах справиться…

Регулярно постясь, Сидящий Волк пытался получить какой-нибудь знак свыше, но невидимый мир духов оставался нем к его мольбам. Одинокие дни в горной пещере не облегчали душевных страданий мужчины. Ему удавалось лишь на короткое время удалиться от Лесного Лекарства, но не освободиться от её чар.

***

Марсель-Молчун едва передвигал ногами, когда Сидящий Волк обнаружил его на берегу Медвежьего Ручья у подножия горы со странным названием Упавший Хорьковый Хвост. Индеец прекрасно знал белого человека и уже много лет относился к нему, как к родному брату, пройдя с ним бок о бок не через одно сражение.

— У тебя странный вид, мой друг, — произнёс воин, склонившись над заснеженной фигурой Молчуна. — Я не видел тебя две зимы, но не думал, что долгие странствия сделают тебя таким бедным и измученным. Хорошо, что я не принял тебя за проклятого Черноногого или за грязного Отрезателя Голов. Ты помнишь нашу первую встречу? Ха! Теперь мы поменялись местами, мой друг.

В голосе индейца угадывались насмешливые нотки.

— Мои путешествия тут ни при чём. Всё дело в Чёрном Быке, чтоб ему неладно было!

— Неужели ты схватился с Чёрным Быком? — взмахнул руками удивлённый дикарь.

— Он разграбил мой дом! Я убил его самого и его мужчину-жену.

— Великий Дух помогал тебе, — ещё больше выкатил глаза Сидящий Волк. — Я не встречал никого, кто мог бы потягаться с Чёрным Быком, да и Два Лица, который сделался его женой прошлой весной, прежде совершил много славных подвигов. Да, Стоящий-Над-Нами покровительствует тебе, Большое Крыло.

Среди Птичьего Племени Молчун давно был известен под именем Большого Крыла, которое получил за то, что перемещался через всю страну и исчезал без следа в чужой земле, а затем привозил оттуда множество удивительных вещей. Он казался индейцам похожим на могучую птицу, улетавшую из гнезда в неизвестность и возвращавшуюся каждый раз с пищей для своих птенцов. Пищей были товары из торговых постов: цветастые шерстяные одеяла, ножи и топоры, порох, огнестрельное оружие, зеркала, бусы и прочая мелочь.

Тёмным мутным утром, проведя ночь в небольшом шалаше, Молчун вместе с Сидящим Волком отправился в стойбище индейцев, расположенное в двух часах пути. Марсель сидел позади своего друга и мысленно проходил через все обрушившиеся на него за последнее время невзгоды.

Над деревней Абсароков висела убаюкивающая тишина, лишь кое-где лаяли огромные собаки, рыскавшие по хрустящему снегу, пригнув головы и вынюхивая что-нибудь на завтрак. Большие конусные жилища индейцев стояли покрытые слоем снега, на верхушках шестов, служивших каркасом палаток, покачивались длинные связки конских волос и цветные матерчатые ленточки. Между шестами тянулись вверх почти неподвижные струйки голубого дыма. С десяток лохматых грязных псов выскользнули из-под входных пологов жилищ и бросились навстречу приехавшим, показывая большие жёлтые клыки. Сидящий Волк отмахнулся от них, подняв над головой плётку с рукоятью из распиленного оленьего рога.

Не успел он остановить коня перед своей палаткой, как кожаный покров входа откинулся, и снаружи показалась женщина, очень юная и очень красивая.

— Здравствуй, отец, — голос её прозвучал строго, и Молчуну показалось, что её лицо было покрыто невидимой мрачной тенью.

Он соскользнул на землю и похлопал индейца, всё ещё сидевшего на лошади, по колену:

— Какое чудесное лицо у твоей дочери!

Сидящий Волк метнул на приятеля страшный взгляд, но тот

продолжал смотреть на Лесное Лекарство. Он не видел дочь Сидящего Волка два года и теперь был просто потрясён стремительным превращением маленькой девочки в полнокровную молодую женщину неописуемой красоты. Более того, он ощутил, как невидимая цепкая рука ударила его в грудь, проникла внутрь и безжалостно стиснула его сердце. Молчун вздрогнул и поспешил отвести глаза от девушки.

Он был простым человеком, и глубокие сложные чувства никогда не беспокоили его. Теперь же кровь вскипела в нём и всколыхнула со дна души нечто неопределённое, мечущееся, обволакивающее, что распространяло по всему существу нежность, страсть и жажду поклонения одновременно.

Войдя в палатку, Сидящий Волк устроился напротив входа и привычным жестом показал светлокожему гостю на ворох мягких шкур слева от себя. Молчун опустился рядом и уставился на горевший посреди помещения костёр. Долгое время он не проронил ни звука.

— Где моя жена? — спросил индеец, мельком посмотрев на дочь.

— Язык Лисицы ушла рано утром к знахарю. Похоже, на неё напала хворь.

— Почему ты не взялась исцелить её?

— Ты же знаешь, отец, что нельзя лечить тех, с кем живёшь под одним кровом.

— Твоя мать так не считала. Она не знала запретов.

— Я тоже, — голос Лесного Лекарства прозвенел, словно ударившая тугая тетива, — но Язык Лисицы не отличается от обычных женщин. Она ходит лишь по проторенной тропе.

— Не понимаю тебя, — буркнул Сидящий волк.

Он взял длинную сумку, расшитую раскрашенными иглами дикобраза, где хранилась курительная трубка, но внезапно остановился и повернулся к Лесному Лекарству.

— Сними, — глухим голосом произнёс индеец, указывая дочери на пару стоптанных мокасин, подвешенных на шесте для просушки. Абсароки считали дурным знаком курить, если обувь, имевшаяся в доме, не касалась земли. Лесное Лекарство безропотно выполнила указание отца.

В течение целого дня Язык Лисицы не возвращалась в палатку, и в конце концов Сидящий Волк отправил дочь проведать, в чём дело. Воспользовавшись отсутствием девушки, Молчун едва сдержал себя, чтобы не броситься на Сидящего Волка. Нетерпение

жгло его, в глазах пульсировали красные и белые пятна.

— Отдай мне твою дочь! — воскликнул он, и глаза его засверкали. — Волк, ты меня знаешь, я не позволю никому обижать её, она будет в надёжных руках. Отдай мне Лесное Лекарство в жёны! Я ничего не пожалею!

Индеец отставил плошку с дымящейся похлёбкой и медленно повернул голову к Молчуну, будто его уши услышали что-то жуткое. Глаза дикаря сузились и вонзились в белого человека двумя острыми шипами.

— Ты беден, мой друг, — холодно сказал он. — За такую женщину я потребую большой выкуп. У тебя же нет ничего. Чёрный Бык спалил твой дом со всем содержимым. У тебя даже коня нет.

— Это не беда, Волк, через несколько месяцев я вернусь с такими дарами, о которых ты даже мечтать не можешь! — Марсель чувствовал, что его начало качать, голова побежала, руки задрожали. Что-то необъяснимое и страшное происходило с ним.

— Я вижу, что ты заметно устал, Большое Крыло, — медленно произнёс индеец, кивнув на трясущиеся пальцы гостя, — тебе надо хорошенько подкрепиться и отдохнуть.

Он замолчал, и Молчун вдруг осознал с невероятной ясностью, что дикарь просто не желал разговаривать о дочери. И дело было не в обрушившейся на Молчуна бедности. Он жадно ощупывал индейца изумлёнными глазами, но не мог проникнуть в его тайные мысли. Лицо Сидящего Волка оставалось подчёркнуто равнодушным. Не было никакого сомнения, что индейца одолевало желание оскорбить белого человека, но он сдерживал себя, памятуя, что разговаривал с давним своим другом. Молчун судорожно искал ответа, в чём крылась причина холодности краснокожего, но не находил ответа.

— Я услышал тебя, — проговорил Марсель Большое Крыло, внезапно охваченный бессилием и равнодушием. Сидящий Волк удовлетворённо кивнул головой.

Вскоре послышался скрип снега и в палатку вошли Лесное Лекарство и Язык Лисицы. Они шагнули на левую половину жилища, традиционно считавшуюся женской, и устроились на бизоньих шкурах, не проронив ни слова. Молчун пристально вгляделся в лица обеих женщин. Язык Лисицы, жена Сидящего Волка, выглядела очень миловидной, но в чертах её мягкого округлого лица отсутствовала та выразительная притягательность, которая насыщала каждую клеточку Лесного Лекарства.

Странным существом была дочь Сидящего Волка. Казалось, что весь её облик был соткан из невидимой глазу паутины, где мгновенно увязал всякий, кто осмеливался задержать на девушке взгляд. Её тело будто испускало дурманившие голову лучи, и лучи эти разлагали мужчину на мелкие частицы, которые Лесное Лекарство неторопливо всасывала через свою кожу. Да, Марсель-Молчун ясно ощущал, как неведомая сила буквально втягивала его внутрь девичьего облика. Всматриваясь в дочь Сидящего Волка, Марсель начал снова впадать в необъяснимое состояние, грозившее опять вывести его из равновесия.

Он поспешно поднялся и вышел наружу.

Со всех сторон к нему с лаем бросились разномастные лохматые собаки, похожие на волков. Он привычно выбрал дубину поувесистее из кучи хвороста возле входа в палатку и со всего маху саданул двух наиболее наглых псов по голове, оторвав одному из них ухо. Проходившие мимо несколько женщин с удовольствием принялись хлестать ремнями других собак, и очень скоро вся стая рассеялась, но долго ещё отовсюду слышался неугомонный лай.

Вечером в дальнем конце деревни застучал барабан, раздалось протяжное мужское пение, в которое изредка вклинивались визгливые женские голоса. Молчун провёл в веселившейся толпе почти час, затем вернулся в дом Сидящего Волка и устроился спать на выделенном ему месте.

Глубокой ночью его разбудило чьё-то мягкое прикосновение. Как всякий житель тех диких краёв, Марсель-Молчун по прозвищу Большое Крыло чутко реагировал на малейшие звуки, когда его организм был насторожен, а в ту ночь белый гость чувствовал в себе особое напряжение. Он открыл глаза, оставаясь неподвижным, и увидел над собой женскую фигуру, подсвеченную со спины красноватым сиянием углей.

— Следуй за мной, Большое Крыло, — услышал он голос Лесного Лекарства.

Марсель обвёл глазами палатку.

— Не беспокойся, отец крепко спит, — спокойно произнесла девушка, и он увидел, как в её глазах зажёгся и потух огонь.

Девушка беззвучно отступила назад и выскользнула из палатки в густую морозную синеву. Марсель осторожно выбрался из-под тяжёлой бизоньей шкуры и последовал за индеанкой. Она очень медленно двигалась спиной вперёд, повернувшись лицом к белому человеку и маня его рукой. В ночной тьме Молчуну казалось, что

девушка не касалась земли, а парила в воздухе.

— Подойди ко мне, — сказала она, остановившись, и сбросила в снег длинную пушистую накидку из сшитых лисьих шкур. — Послушай меня, Большое Крыло. Отец никогда не согласится отдать меня кому-либо. Твоя сегодняшняя бедность тут ни при чём. Я скажу тебе в чём дело, потому что я знаю то, что не ведают простые люди. Мой отец считает меня своей женой. В его сердце сидит заноза, от которой он не в силах избавиться. Я — точная копия моей матери и ношу её имя. Это совершенно спутало его рассудок. Он не может и никогда не сможет освободиться от мысли, что я — его умершая жена. Но что-то внутри всё же удерживает его и не позволяет укрыться со мной общим покрывалом и познать моё тело. Что-то подсказывает ему, что это приведёт его к гибели. Он никогда не называет меня дочерью, потому что верит, что я его дочь, а не жена. Он ни за какие дары не разлучится со мной. Меня можно только украсть. Или же его придётся убить…

Лесное Лекарство прижалась к Молчуну, тесно обхватив руками его талию, и мужчина почувствовал, как по нему стал разливаться огонь. Стоявший вокруг трескучий мороз отступил, будто рассеявшись от пылающих языков костра. Сам воздух, казалось, стал заметно светлее.

Девушка выскользнула из рук Молчуна, опустилась на колени и подняла шуршащий кожаный подол платья. Напряжённые мышцы ног рельефно прорисовались в мутном свете, лоснившаяся бронзовая кожа словно резанула по глазам, ослепительно выступив из глубины пространства. Та влекущая неведомая сила, скрывавшаяся внутри Лесного Лекарства всего несколько минут назад, теперь вырвалась из её существа и ударила в Молчуна, поразив по всему телу бесконечным множеством острых лезвий. Он упал на лисий мех и притянул сильными руками обнажённые ляжки индеанки. Она послушно открылась ему, и женское естество приняло могучую мужскую плоть. Молчун погрузился в неё, силясь целиком перелиться в неё и раствориться в ней, чтобы перестать чувствовать себя и остаться в ней навсегда.

И вдруг Молчун увидел, что он один. Он словно очнулся после забытья, обнаружив себя в утрамбованной снежной яме. Рядом никого не было. Он поспешно поднялся, чувствуя заметную дрожь в теле, и побрёл к жилью Сидящего Волка.

Перед входом в палатку он оторопело остановился: под ногами он различил собственные следы, оставленные, когда он выходил,

отпечатков же ног Лесного Лекарства на снегу не было.

***

Молчун познакомился с Вороньим Племенем десять лет назад, когда весной 1822 года с тремя вольными трапперами и пятью навьюченными лошадьми пробирался вверх по левому берегу Жирной Травы. У подножия горной гряды под названием Большие Рога они обнаружили признаки индейской деревни. Вскоре к ним навстречу выехало пять удивительно ярких мужчин на чёрных лоснящихся лошадках. Они были облачены в мягкие рубахи из выделанной добела кожи. Их тщательно расчёсанные и смазанные жиром волосы тяжёлыми смолянистыми струями спускались по спине и плечам до самых колен. Сжимая в руках копья и боевые дубинки, всадники окружили белых людей, глядя на них с высокомерием и вместе с тем с любопытством. Через несколько минут Вороны сопроводили пришельцев в большой лагерь на пологом берегу живописного ручейка. Все обитатели стойбища немедленно собрались вокруг трапперов, снуя шумными стайками, не останавливаясь ни на мгновение, размахивая руками. Едва белые люди спешились, к ним подошли вплотную, с нескрываемым интересом разглядывая их наряды и амуницию. То и дело кто-нибудь из дикарей начинал бесцеремонно теребить коричневой рукой какую-нибудь деталь туалета пришельцев. Особенно притягивали индейцев пистолеты и ружья незваных гостей.

Один из юношей в живописном наряде и с надменным выражением лица внезапно взялся за длинное охотничье ружьё Молчуна, что-то громко объясняя соплеменникам, и властно потянул оружие к себе. Траппер очень гордился этим французским ружьём с пистонным замком и подвижным магазином. На широком деревянном прикладе красовалась затейливые узоры.

— Нет, нет, дружок, — отрицательно покачал лохматой головой Молчун, — эту штуковину я просто так не отдам никому.

Но дикарь продолжал настойчиво тянуть оружие на себя. Крутившаяся в его ногах грязная пятнистая собака, брызжа слюной, подняла громкий лай. Тогда Марсель-Молчун внезапно разжал пальцы, и индеец, продолжая рвать на себя ружьё, от неожиданности упал на спину. Траппер проворно выхватил из-за сыромятного ремня два длинноствольных пистолета, направил один из них на лаявшую собаку и немедленно спустил курок.

Громкий выстрел заставил всех собравшихся вздрогнуть. Лохматая псина ткнулась окровавленной мордой в траву без единого звука. Сию же секунду Молчун толкнул вторым пистолетом в грудь индейца, растянувшегося перед ним на спине и прижимавшего к себе ружьё.

Толпа затаила дыхание, и в глубоком молчании прошло несколько минут. Казалось, что над головами людей сгустилась нежданная свинцовая туча, несущая ураган. Но нет, юноша протянул руки, возвращая захваченное оружие законному владельцу. Со всех сторон прокатилась волна облегчённого вздоха, смятенье улеглось. А не более чем через четверть часа белые люди уже сидели в палатке и раскуривали с Воронами трубку. Никто из свидетелей случившегося не знал, что второй пистолет Молчуна не был заряжен…

Зимой 1826 года племянник Сидящего Волка по кличке Стервятник решил поднять воинов в рейд против Отрезателей Голов, чтобы отомстить за смерть своего близкого друга. Погода стояла студёная, но тихая. Стервятник собрал всего пять человек, потому как никто не желал покидать уютные дома и уходить в снежную даль. Зимнее время не располагало к военным походам. После недолгого колебания Сидящий Волк решил присоединиться к молодым воинам.

Однако на второй день пути на их отряд обрушилась страшная снежная буря. Индейцы растеряли друг друга, едва разошлись на несколько шагов. Снежная стена поднималась с земли, извивалась вокруг всадников, образуя белый лабиринт, валила с ног и с ужасающим завыванием рассыпалась в прах, чтобы через секунду вновь наполнить пространство снежными иглами.

Вскоре Сидящий Волк превратился в живой сугроб. Лошадь пыталась вырваться из-под него, напуганная хлёсткими ударами ветра, и воин поспешил привязать себя к луке деревянного седла длинной верёвкой из конского волоса, обмотавшись ею вокруг пояса. Он не видел ничего перед собой. Время остановилось.

Внезапно он почувствовал, что завис в воздухе, опора под ним исчезла, и индеец полетел вниз. Сильный рывок заставил его зависнуть над пропастью. Ухватившись окоченевшими руками за верёвку, Сидящий Волк покрутил головой, приходя в себя, и понял, что лошадь сбросила его с обрывистого берега. Если бы не верёвка, он бы уже покоился на глубоком каменистом дне. Он принялся раскачиваться, пытаясь дотянуться до края обрыва,

ударяясь о заледеневшую корявую стену земли, но все усилия оказались тщетными. Снег залепил ему глаза, уши и рот, и окружающий мир исчез.

Очнувшись, Сидящий Волк обнаружил над головой тихое чёрное небо с едва видимыми крупинками мерцающих звёзд. Внизу лежала покрытая льдом река. Он пошевелил окаменевшими пальцами и взялся за верёвку.

— Хо! Вперёд! — крикнул он ослабшим голосом, ясно понимая, что силы покидали его. Вся надежда возлагалась на верного скакуна. И тот понял, двинулся медленными шагами, заскрипел снегом в морозной тишине, фыркнул пару раз и вытянул хозяина на край обрыва.

Свисавшая с седла шкура бизона превратилась в камень и не могла послужить накидкой, сумка с вяленым мясом застыла и не поддавалась пальцам. Сидящий Волк с трудом поприседал, но тело не желало слушаться.

— Пошли, делать нечего, — сказал он четвероногому другу и побрёл вперёд, перенося отяжелевшие ноги из сугроба в сугроб.

Как долго они шагали, трудно сказать, но силы человека и животного иссякали с каждой минутой. В конце концов лошадка рухнула на передние колени, жалобно распахнув глаза. Её морда всё больше покрывалась коркой льда. Индеец облокотился на круп и опустил голову, осознав безвыходность положения. Погрузившись в состояние мрачной печали, Сидящий Волк медленно извлёк широкое лезвие из твёрдых ножен.

— Прости меня, мой друг, — его губы едва шевелились, — Много раз ты выручал меня своими проворными ногами, унося от жестоких врагов. Я украшал твою гриву перьями, покрывал твою голову и ноги священными узорами, чтобы охранить от опасности. Я пускал тебя к твоим собратьям, чтобы вы могли спариваться и производить потомство. Я был счастлив с тобой, но настал момент, когда тебе придётся сослужить мне последнюю службу. Я прощаюсь с тобой и прошу простить меня за мой поступок.

Сидящий Волк собрался с силами и вонзил нож в дрогнувшее горло лошади, затем он вспорол ей брюхо и нетерпеливо запустил обмороженные руки в горячие кишки. Через пару минут в пальцах вскипел огонь и стал лениво подниматься к плечам. Сидящий Волк зачерпнул клубящуюся кровь лошади ладонями и принялся жадно глотать её.

Наутро он увидел всадника, одетого в тёплую куртку мехом

наружу, большую пушистую шапку и завёрнутого ниже пояса в шкуру бизона. Поперёк седла перед человеком лежало длинное ружьё. Приблизившись, незнакомец склонился над Сидящим Волком, который притаился за остывшим телом лошади, сжимая в руке окровавленный нож. На индейца глянуло заросшее до самых глаз лицо белого человека.

— Абсарок? — воскликнул Молчун, а это был именно он, и приветственно поднял левую ладонь в меховой рукавице. — Похоже, ты попал в беду, мой друг.

Помедлив мгновение, он ловко спрыгнул в снег, стащил с седла бизонью шкуру и набросил её на индейца. Сидящий Волк с настороженностью принял радушие Бледнолицего. Его сильно удивило, что из уст незнакомца он услышал родную речь, но он не проявил изумления. Через час он уже спокойно разговаривал с Молчуном, сидя перед пылающим костром и уплетая разжаренное мясо, вырезанное от любимой лошади.

Так состоялось знакомство Молчуна с Сидящим Волком.

В тот же день они набрели на полузамёршего Стервятника, сломавшего во время пурги ногу, но сумевшего не отпустить своего коня. Юноша откровенно обрадовался, завидев двух людей, в облике одного из которых сразу угадал своего дядю. Подняв над головой круглый щит с обледенелыми вороньим перьями, он позвал путников к себе.

— Будем сооружать волокуши, — сказал Молчун, — иначе нам втроём не добраться. До вашей деревни целый день рысью, а мы сможем только шагом…

Но не успели они собраться в путь, как со стороны неподвижного белого леса донеслись протяжные голоса, похожие на мрачное завывание волков, и появились медленно скачущие по глубокому снегу всадники. По расчёсанным на пробор длинным волосам в них легко было угадать ненавистных Лакотов.

— Отрезатели Голов! — воскликнул Сидящий Волк.

Нападавших было шестеро, но в их движениях сквозила неуверенность. Они явно не горели желанием драться, но, заявив о себе, уже не могли не продемонстрировать свою доблесть. Глубокий снег затруднял бег лохматых лошадок. Подскакав довольно близко к Абсарокам, Лакоты пустили каждый по стреле, одна из которых с громким стуком вонзилась в грудь Стервятника. Всадники вперевалку разъехались по сугробам в стороны, и вдогонку им громыхнуло ружьё Молчуна. Стервятник, опершись

было на здоровую ногу и подняв перед собой лук, откинулся от удара стрелы на спину и схватился ослабшей рукой за дрожащее оперённое древко. Лакоты спрыгнули с лошадок и притаились в снегу, осторожно подбираясь к противнику. Молчун задержал дыхание, чтобы густой пар не мешал ему смотреть, и взял на мушку ближайший затылок, поднимавшийся над сугробом. Выстрел окутал его едким пороховым облаком, но траппер успел разглядеть, как верхняя часть головы дикаря разлетелась под могучим шлепком свинца, мозги разбрызгались вместе с кровью вокруг перевернувшегося тела. Послышались возмущённые выкрики Лакотов, один из них резко поднялся на ноги, раскрутил пращу и метнул её в сторону врагов. В ту же секунду ему в живот впилась длинная стрела с кремнёвым наконечником. Сидящий Волк ловко положил на тетиву вторую стрелу и пустил её в другого Лакота, но тот успел упасть в снег невредимым.

Потянулось томительное ожидание. Между наступавшими происходило неясное движение, но они не приближались, и вскоре Молчун увидел, как они запрыгнули на своих лошадок, забросили убитого и раненого на спины свободных скакунов и двинулись прочь, оставляя в снегу глубокие следы. Обыкновенно индейцы атаковали противника один-два раза и отступали, если эти попытки не приносили им успеха. Дикари всегда рыскали в поисках более слабого врага, чтобы без потерь завладеть его лошадьми и оружием. Если кто-то из атакующих погибал, то это приводило их в замешательство. Они были профессиональными воинами, впитывая в себя страсть к войне с малолетства, но вместе с тем они оставались и примитивными дикарями, легко теряя голову, когда их заставали врасплох.

Молчун обернулся. Молодой индеец лежал головой на коленях Сидящего Волка и медленно шевелил губами. При каждом едва различимом слове из рта его выбегала горячая кровь и заливала грудь.

— Возьми из моей военной сумки парадную рубаху, она расшита бисером. Там же лежат новые мокасины. Достань головной убор. Я должен предстать перед Творцом в подобающем виде. Я не совершил подвига, но я не опозорил себя трусливым поступком, — хрипел Стервятник в лицо склонившемуся Волку. — Дядя, приготовь меня для последнего похода по тропе…

Сидящий Волк глазами показал Молчуну на вещи племянника, и тот быстро достал всё, о чём просил умирающий. С большим

трудом они переодели юношу, пытаясь не причинять ему боли, и водрузили на голову пышный головной убор из огромных орлиных перьев.

— Я ухожу, — прошептал Стервятник белыми губами и закатил глаза.

Сидящий Волк уложил мёртвое тело на волокуши и вместе с Молчуном отправился в родную деревню.

На следующий год Марсель попал к Воронам ранним летом и застал их в сильном возбуждении. Племя собиралось в большой военный поход против Шайенов.

Кое-кто из дикарей уделил белому человеку внимание, но большинство не захотело заниматься товарообменом в такое время. Молчун увидел Сидящего Волка рядом с Жёлтым Животом, Маленьким Белым Медведем, Длинными Волосами и Гнилым Брюхом. Каждый из этих знаменитых воинов привёл в общий лагерь свою собственную боевую группу, чтобы соединить их в единый военный отряд.

— Полосатые Перья вырезали в Чёрных Холмах целую общину Абсароков, — объяснил Молчуну Сидящий Волк. — Они не пощадили никого. Лишь несколько человек сумели ускользнуть, от них мы и узнали о постигшем наш народ горе. Теперь мы идём отомстить. Мы отправляемся за кровью. Нам не важны лошади наших врагов, но нужна их смерть.

Что-то подстегнуло Марселя изнутри, и он вдруг решил присоединиться к Воронам. Ему уже приходилось участвовать в небольших индейских рейдах, но никогда он не видел столь огромного военного отряда. Более пятисот воинов вошло в это мощное соединение, что составило почти четверть всей нации Абсароков. Ради такого зрелища Молчун был готов забыть о торговле.

Покидая стойбище, перед вождями в строгом порядке проезжали воинские общества: Лисицы, Большие Псы, Грязевые Ладони, Быки, Бритые Головы, Безумные Собаки — все в торжественных нарядах. Хранители священных трубок, барабанов и копий возглавляли каждую группу. Лоснились на солнце густо раскрашенные лица. Колыхались перья высоких головных уборов.

Молчун заметил, что на него почти никто не смотрел, будто он относился к низшей категории человеческого рода. Ни один боец, а он прекрасно знал многих в отряде, даже не повернул голову в его сторону.

— Хотите показать мне, что мне до вас далеко, — хмыкнул он, запустив пятерню в густую бороду. — Ничего, там видно будет…

Несколько дней огромный отряд, в котором не было ни единой женщины, двигался по равнинам, практически не таясь. Вороны понимали, что никто не рискнул бы напасть на них, если бы вдруг их обнаружили. Но ближе к Чёрным Холмам Гнилое Брюхо и Сидящий Волк стали высылать разведчиков и не шли вперёд, не получив от них подробных сведений. Вскоре был обнаружен широкий след кочующей деревни Шайенов. Когда перемещается всё племя, следы невозможно скрыть.

Отряд Ворон отыскал место, где враги жестоко расправились с их сородичами, и обнаружил останки. Тут и там индейцы подбирали черепа и кости, складывая их вместе. Шаманы провели Церемонию Очищения, осыпали кости табачными стружками и принялись закапывать всё собранное в яму. Молчун следил за их действиями издалека с нескрываемым интересом, потому что никогда прежде не видел подобного погребения, ведь обычно дикари не зарывали покойников, а подвешивали их на деревьях или укладывали на помостах.

Дней десять спустя следы Шайенов вывели отряд Ворон к реке Арканзас, где разведчики обнаружили вражеский стан. Молчун с удивлением увидел, что индейцы не спешили и всю ночь тщательно разрабатывали план действий. Наутро основная часть воинов распределилась вокруг долины на расстоянии десяти шагов друг от друга. Группа Безумных Собак скрытно подобралась к табуну Шайенов и только тогда подняла крик, погнав вражеских лошадей прочь.

— Теперь Полосатые Перья в наших руках, — оскалился Сидящий Волк, — сейчас они пустятся в погоню пешком…

Так и случилось. И тут Молчун узнал, что такое настоящая ненависть дикарей. Такого числа убитых он не видел никогда прежде. Вороны смяли противника единым порывом, топча врагов копытами лошадей, молотя дубинками, пронзая копьями. Молчуну не пришлось произвести ни единого выстрела в той засаде. Но когда Вороны бросились в деревню, какой-то разъярённый воин прыгнул на Сидящего Волка из-за палатки, сдёрнул его на землю за длинные волосы, сломал ему боевой дубинкой правую руку и едва не откусил ему нос. Шрам от его зубов остался на переносице Сидящего Волка навсегда. Марсель-Молчун свалил Шайена выстрелом в голову.

— Второй раз ты поспеваешь мне на выручку, — сказал индеец,

обливаясь кровью. — Отныне я твой побратим…

Теперь, пять лет спустя, Молчун попросил Сидящего Волка отдать ему в жёны дочь, но перед ним предстал почти незнакомый человек, в узких глазах которого сквозила дикость и с трудом сдерживаемая враждебность. Индеец переполнялся злобной ревностью, едва речь заходила о Лесном Лекарстве, и Молчун решил не играть с огнём.

***

Лесное Лекарство ни разу не обмолвилась словом с Молчуном, несмотря на все его попытки вызвать девушку на разговор. Он терзался, не в силах разгадать тайну невероятной любовной ночи, жаждал выудить из молодой индеанки хотя бы намёк на то, какому колдовству он подвергся с её стороны и зачем. Но тщетно. Не было в Лесном Лекарстве ни малейшего следа от блеска любви, ни даже обыкновенного внимания. Однако Молчун отказывался верить, что произошедшее с ним было лишь игрой его воображения. Он до сих пор чувствовал прикосновение её тела, ощущал жаркое дыхание на лице и пульсирующий огонь её влагалища. Его ум застилала пелена безумной страсти, он весь кипел, когда Лесное Лекарство проходила возле него. Всякое малейшее её действие вызывало в нём волнение.

Никогда прежде не влекло его ни к одной женщине с такой неудержимостью. У него уже были две жены-индеанки, но обе теперь ушли в иной мир. Одна заплуталась позапрошлой зимой в лесу и замёрзла. Вторая погибла двумя годами раньше на охоте: она принялась свежевать раненого бизона, приняв его за мёртвого, и он ударил её рогом в живот.

Но каждую прежнюю свою жену Молчун просто покупал за десяток лошадей, не испытывая никаких особых чувств к будущей жене. Обе они были милы, но ни одна не пробудила в его сердце появившуюся теперь беспокойную возбуждённость и какую-то необъяснимую нервную растроганность. В дни женского лунного цикла, когда Лесное Лекарство уходила жить в специально отведённую для такого случая палатку, Молчуна охватывала тревога. Он с глубочайшим вниманием прислушивался к любым приближавшимся шагам, останавливался посередине фразы во время разговора.

«Я просто схожу с ума. Пришло время уезжать отсюда», — решил Марсель, когда снега стали таять.

Язык Лисицы продолжала хворать, и её болезнь тревожила соплеменников. Лицо индеанки сделалось совершенно чёрным, руки постоянно содрогались, по телу рассыпались крупные капли пота. Ни палатка для потения, ни знахарские пляски и песни, ни отвары трав не привели к улучшению здоровья. Она скончалась в самом конце зимы. Сидящий Волк велел дочери взять на себя хлопоты с погребением, сам же отправился на несколько дней в горы, чтобы провести там время в глубоком посту и молитвах. Лесное Лекарство собственноручно зашила покойницу в шкуру бизона, испещрённую мелкими рисунками, и с помощью родственниц умершей водрузила тело на высокий помост. Погребальный настил был сделан из плотно связанных между собой ветвей деревьев, и на четырёх шестах, держащих его, Лесное Лекарство подвесила по одной отрубленной лошадиной голове. Последующие семь дней девушка оставляла у подножия помоста глиняную плошку с пищей и жгла пучки душистой травы.

Весной в стойбище Абсароков начали исполняться военные танцы. Абсароки редко отправлялись на войну всем племенем, такие случаи были исключительными. Дикарям не нужна была крупномасштабная война. Они уходили в рейд небольшими отрядами, чтобы украсть лошадей у соседнего племени или отомстить за кого-нибудь из погибших родственников. Организатор похода обычно получал видение и нередко знал заранее множество деталей предстоявшего рейда.

— Орёл кружил над горой, — неторопливо рассказывал Половина Луны, устроившись справа от Сидящего Волка, — а на горе стояли три высокие сосны. Я хорошо запомнил то место. Позади горы я разглядел деревню Полосатых Перьев, вернувшихся с охоты на бизонов. Их лошади были тяжело нагружены мясом и вымазаны свежей кровью. Мне навстречу выехал высокий воин с распущенными волосами. На каждой груди у него были видны белые отпечатки ладоней. На голове его сидело чучело ястреба с расправленными крыльями.

— Ты сразился с ним? Что поведало тебе видение? — Сидящий Волк повернул лицо к Большой Луне.

— Да, я поразил его копьём. Но я не знаю, что было дальше.

— Ты пришёл просить меня возглавить отряд. Ты поднёс мне табак, мы выкурили трубку, и ты подарил мне трёх прекрасных охотничьих лошадей. Я согласен вести этот отряд. — Сидящий Волк взглянул на Молчуна. — Что ты скажешь, Большое Крыло?

Не хочешь ли ты присоединиться?

Марсель выдержал паузу, как было принято у Абсароков, чтобы придать особый вес своим словам, и ответил:

— Зимой ты сказал мне, что я беден, что у меня не осталось даже коня. Я с радостью отправлюсь с вами, чтобы мои друзья не вздумали считать меня неудачником. И запомни, что я захвачу самых опасных лошадей! — воскликнул белый человек, подразумевая, что он не станет угонять коней, свободно пасущихся в табуне, а отвяжет животных, которых хозяева ценили выше остальных и потому привязывали на ночь возле своего жилья.

Обычно военный отряд отправлялся в поход за лошадьми пешком. Когда руководитель отряда объявлял, что он заготовил себе мокасины, это служило знаком к началу приготовлений. Уходя пешком, воины как бы обрекали себя на удачный исход похода, ведь, не добыв себе лошадей во вражеском стане, они не сумели бы уйти от врага и погибли бы. Каждый из воинов брал с собой собаку, на которую навьючивал все необходимые для похода вещи, куда обязательно входила военная рубаха, новая обувь, маленький ковш и верёвка, предназначенная для пойманных лошадей.

Сидящий Волк собрал группу в пятнадцать человек и, когда все члены отряда прошли через положенный пост и обряд очищения, что заняло несколько дней, глубокой ночью они выступили в поход. Они шли в полном молчании, оставив за спиной уснувшую деревню. Первым шагал Сидящий Волк, и возле него слышалось частое дыхание крупного бурого пса. Следом двигались три человека, на головах которых лежали клыкастые волчьи маски с торчащими ушами, а серые волчьи шкуры свисали вдоль спины.

Отряд Абсароков сделал первую остановку перед самым рассветом, едва небосвод подал первые признаки утреннего света. Мужчины растянулись в траве и позволили себе вздремнуть. Разведчики же в волчьих нарядах пошли вперёд, чтобы убедиться в безопасности стоянки. Перед тем как продолжить дорогу, Сидящий Волк попросил воинов встать вокруг него, сам же повернулся к солнцу и сказал:

— Стоящий-Над-Нами, не отвернись от своих детей. Если мой отряд возвратится домой без потерь и со множеством лошадей, то я обязуюсь поставить священную палатку для очищения. Я также отрежу тебе пятнадцать лоскутов кожи с моей груди: по кусочку за каждого члена моего отряда…

На пятый день пути индейцы остановились, завидев двух своих

следопытов, торопливо спускавшихся с холма и размахивающих над головами луками.

— Они обнаружили врага, — сказал Сидящий Волк. — Пришло время обратиться к Великому Духу, чтобы он не оставил нас. Но я не вижу третьего нашего разведчика. Где Половина Луны?

— Он остался на том холме, — тяжело дыша промолвил один из людей в волчьем обличье. — Он сказал, что на вершине холма растут три сосны, которые он видел во сне. Теперь он дожидается появления всадника, с которым ему положено сразиться.

— Сейчас мы окурим себя дымом священной душистой травы, — произнёс Сидящий Волк, — раскрасим себя соответствующим образом и подкрадёмся к лагерю Полосатых Перьев, чтобы изучить обстановку… Отгоните всех наших собак. Если не станут уходить, убейте их!

Сидящий Волк извлёк из сумки кожаный свёрток и достал из него небольшие косточки бизона, обвязанные косичкой полыни. Он поджёг косточки и раздал их воинам, после чего запалил полынь и первый умылся её дымом. Затем передал траву влево по кругу.

Марсель молча следил за приготовлениями Абсароков, не принимая участия в церемонии очищения дымом. За десять лет тесного общения с дикарями он так и не приобщился к их обрядам, равно как не молился и христианским святым угодникам. Он верил только в собственные силы, в неустанную бдительность и твёрдость духа. В трудные минуты он обращался с просьбой лишь к ружью, чтобы не дало осечки, да к лошади, чтобы не оступилась во время безумного бега.

Он встал во весь рост и потянулся. Где-то глубоко внутри привычно щекотало чувство возбуждённой нетерпеливости, всегда поднимавшее трепещущую голову перед разного рода рискованными предприятиями. Марсель принадлежал к породе людей, которые без оговорок отдавались размашистой, бешеной скачке жизни. Он не признавал никаких «если», готов был принять любую боль, помня, что без неё не могла бы и блаженная радость ощущаться в полную силу. Стоя в пышных зарослях цветущего кустарника и ожидая неумолимо приближавшуюся опасность, он дышал легко и свободно. Мысли о Лесном Лекарстве, этой непонятной и совершенно не похожей на индейских женщин девушке, развеялись, как ночная тьма с приходом солнца. Его руки и ноги напряглись, приятно прокачивая бегущую по упругим мышцам силу. Он снова чувствовал себя в своей тарелке, его больше

не одолевало томительное и унижающее желание упасть на колени перед Лесным Лекарством и просить её открыть перед ним женскую плоть. Нет, он хотел кричать от счастья, хотел бежать вперёд без промедления, чтобы схватиться с кем-нибудь мускулистым и повергнуть его, дабы доказать свою бесконечную силу.

Едва Абсароки закончили свои мистические процедуры, Молчун различил фигуру всадника, огибающего холм, на котором притаился Половина Луны. Даже с большого расстояния можно было разглядеть на его голове чучело птицы, о котором упоминал Половина Луны.

— Смотрите, — указал на него Молчун, и все повернули головы.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что индейцы едва успели сообразить, что произошло. Половина Луны вынырнул чуть ли не из-под лошади врага, заставив её подняться на дыбы, и взмахнул копьём. Всадник увернулся, завертелся на месте, спрыгнул на землю, уклоняясь от второго удара копьём, и бросился на Половину Луны, вскинув над головой топор. Оба дикаря исчезли в высокой траве. Абсароки затаили дыхание. Через несколько секунд стебли травы раздвинулись, и показался человек с чучелом птицы на голове. Его торжествующий крик разлился между склонов холмов и донёсся до Абсароков. После этого победитель забросил труп на коня и поскакал в свой лагерь.

— Видно, Половина Луны в чём-то провинился, — глухо произнёс один из воинов. — Видение заманило его в западню.

— Теперь Полосатые Перья знают о нашем присутствии, — сказал, нахмурившись, Сидящий Волк. — Нам придётся долго выжидать, пока они не успокоятся. Наберёмся же терпения.

С наступлением ночи лишь половина отряда Абсароков устроилась на ночлег, остальные остались бодрствовать. Костёр они не развели, боясь привлечь к себе внимание вражеских дозорных. Марсель-Молчун тоже не спал.

— Послушайте, друзья, — заговорил он вдруг, — Половина Луны рассказывал, что в его видении Полосатые Перья только что вернулись с охоты. Если это так, то они слишком заняты сейчас праздником. Кроме того, мы не увидели, чтобы тот человек с птицей на голове вызвал кого-нибудь из деревни. Значит, Полосатые Перья решили, что Половина Луны пришёл один. Они ничего не заподозрили. Не будем же терять времени…

Темнота надёжно скрывала лица дикарей, но Молчун чувствовал, что они колебались. Сам же он, не теряя более ни

мгновения, решительно направился в сторону лагеря Полосатых Перьев. За ним последовал Кривой Бык.

— Я ничего не боюсь, Большое Крыло, — шептал он Молчуну. — Ты храбр, но и я ничего не страшусь. Не знаю, какая сила тебя охраняет, но я уже много лет ношу среди прочих амулетов два передних зуба моего отца. Он был отважным воином и никогда не терпел поражений в бою. Я выломал у него два зуба после его смерти, и с тех пор они всегда приносили мне удачу…

Кривой Бык замолчал и пошёл рядом с Молчуном совсем бесшумно. Впереди послышались удары барабанов и многоголосое пение. Полосатые Перья шумно отмечали удачную охоту. В небе качались отсветы костров.

Подкравшись к табуну, Молчун и Кривой Бык осторожно стали отводить лошадей в сторону и вскоре заметили пришедших к ним на помощь других Абсароков. Индейцы действовали быстро и слаженно: оставив трёх человек для охраны отобранных лошадей, остальные скользили в табуне, знающим взглядом оценивая достоинства животных. Атмосфера всё больше наэлектризовывалась. Состояние задорного азарта и близость смертельной опасности ощущались в каждом движении, каждом звуке.

Вскоре Сидящий Волк дал знак уходить, и юркие тени дикарей проворно побежали прочь от вражеского стана.

Они мчались без остановки всю ночь и половину дня. Часть лошадей разбежалась, когда они переправлялись через Коричневый Ручей неподалёку от Горы Антилопы, но угнанный табун всё ещё насчитывал около пятидесяти голов. Если бы не гибель Половины Луны, то рейд можно было бы назвать невероятно успешным.

Внезапно Сидящий Волк остановился.

— С нами нет Большого Крыла! — воскликнул он, оглянувшись и не увидев Молчуна.

А белый человек тем временем таился в роще неподалёку от деревни Полосатых Перьев, отведя десять прекрасных жеребцов, которых сумел отвязать от палаток именитых вражеских воинов, но не спешил уходить. Он ждал наступление следующей ночи. Он хотел, чтобы возбуждение в деревне, связанное с воровством огромного количества лошадей, улеглось. Он видел, как поутру отряд в двадцать человек пустился по следам Абсароков, и решил поехать в другом направлении, чтобы не столкнуться с преследователями. Но прежде он должен был забрать из деревни

Полосатых Перьев тело Половины Луны.

В сгустившейся тьме он подполз к ближайшему жилищу и застыл, прислушиваясь. Сердце бешено колотилось и мешало слушать, а слышать необходимо было всё, малейшая неосторожность грозила мучительной смертью. На противоположном конце стойбища стучал бубен, монотонно пел старческий голос. В нескольких шагах от Молчуна прошла женщина и нырнула в палатку, озарившись, когда подняла входной полог, светом костра. Молчун медленно прокрался дальше, затем встал во весь рост и неторопливо пошёл в центр деревни, будто был одним из её законных жителей.

Возле огромного кострища, где вчера бесновались дикари, он различил во мгле неподвижное тело Половины Луны. Одежда была сорвана с мертвеца, руки и ноги исполосованы острыми лезвиями по всей длине. Молчун мягко подошёл к жилищу, возле которого фыркала крапчатая серая лошадь, отвязал длинный кожаный ремень и тихонько подвёл кобылу к изуродованному мертвецу. Легко забросив труп на спину животного, Молчун побежал впереди, подёргивая через плечо повод. Ближе к окраине деревни его нервы не выдержали, и он запрыгнул на лошадь, сразу пустив её вскачь.

Шесть дней спустя он приближался к стойбищу Абсароков и уже издалека слышал громкие песни: племя отмечало возвращение отряда. Судя по всему, родственники Половины Луны не стали устраивать долгого оплакивания, и деревня тонула в грохоте барабанов. Обычно отряд не въезжал в деревню сразу, если кто-то погиб в походе. Воины посылали гонца, и тот начинал носиться между палаток, громко сообщая о погибших, затем он прыгал на землю, садился и неподвижно ждал, когда вокруг него сгрудятся люди, готовые узнать о подробностях несчастья. Родные оплакивали погибшего до тех пор, покуда следующий отряд не привозил с собой из похода скальп — доказательство гибели врага. Но семья убитого могла разрешить проведение торжеств в племени уже на следующий день. Именно так и случилось в этот раз.

Возвращение Молчуна с десятью отменными скакунами и телом погибшего соплеменника произвело в стойбище шумное волнение. Пляски прервались, мужчины приветственно заулюлюкали, женщины восторженно заверещали, ярко раскрашенные всадники в пышных головных уборах окружили прибывшего, размахивая над собой длинными жезлами, сплошь увешанными красивыми

орлиными перьями, мальчуганы радостно прыгали возле лошадей, ловко вспрыгивая на них и соскакивая обратно.

Приняв тело Половины Луны, старухи привычно подняли вой и понесли зловонного мертвеца за пределы лагеря. Сидящий Волк приблизился к Молчуну, и на его выкрашенном в чёрный цвет лице сияла белая улыбка.

— Ты совершил великий подвиг, мой друг! — воскликнул дикарь. — Мы только что начали Длинный Танец, присоединяйся к нам. Мы немедленно раскрасим тебя должным образом. Ты достоин быть первым на этом торжестве!

Оказалось, что отряду всё же пришлось схватиться с преследователями, но никто из Абсароков не погиб, лишь трое получили лёгкие ранения в руки и грудь. Теперь те, которые сумели прикоснуться в бою к врагам, выстроились в круг и исполняли песню. Люди, смеясь и приплясывая, подносили им подарки, бросая возле их ног. Жёны героев танцевали внутри круга, привязав к макушкам мешочки с амулетами своих мужей. Сидящему Волку полагалось вывести на середину круга свою жену и положить ей на голову свой амулет, но он был вдовцом, поэтому привёл Лесное Лекарство. Девушка вымазала левую половину лица белой краской, как бы указывая этим, что лишь половина её существа принимала участие в этом танце, потому что только обликом своим она замещала мать.

— Брат, — шагнул Молчун к Сидящему Волку после завершения танца, — я пригнал из лагеря Полосатых Перьев самых лучших лошадей. Я даю их тебе за твою дочь…

— Нет! — Радостное выражение в одно мгновение слетело с лица индейца. — Никогда она не станет твоей женой! Я не отдам её никому!

Чёрная физиономия злобно искривилась перед Молчуном, и Сидящий Волк в охватившем его внезапном раздражении быстрым шагом направился домой. Молчун растерянно застыл, впившись глазами ему в спину. В ту минуту он впервые страстно захотел броситься на Сидящего Волка и вонзить длинный охотничий нож между лопаток упрямого краснокожего тупицу. Он даже ощутил в руке силу удара и брызнувшую липкую кровь на стиснутых пальцах.

— Я предупреждала тебя, что отец не согласится видеть меня чьей-то женщиной, — услышал Молчун шёпот в самое ухо. Возле него стояла Лесное Лекарство.

Он тяжело вздохнул и нервно задрожал.

— Я слышал эти слова в ту зимнюю ночь… Так это было на самом деле? Ты и я… — Голос Молчуна сорвался. Вечереющий воздух сдавил ему грудь и стиснул виски, неожиданная духота окутала со всех сторон и вскружила голову.

Он взял Лесное Лекарство за руку и повёл сквозь галдящую толпу за пределы лагеря. Сердце его то готово было выскочить из груди, колотясь чуть ли не в горле, то сжималось и пряталось в самой глубине тела, разливая мертвецкий холод. Молчун остановился за густыми ветвями кустарника, усыпанного чёрными ягодами, и привлёк к себе девушку.

Его дыхание участилось. Одно лишь прикосновение к её коже уже было наслаждением. Несколько мгновений он стоял неподвижно, привыкая к ощущению её близости, затем рывком опустил Лесное Лекарство на колени и судорожно задрал кожаную юбку до самой талии. Длинная рассыпчатая бахрома, которой была оторочена нижняя кайма платья, мешала Молчуну, соскальзывая с упругих ягодиц индеанки и закрывая от мужчины влажное потаённое место женского тела. Лесное Лекарство опустилась на руки и посмотрела на Молчуна через плечо. Её чёрные глаза источали огонь, веки томно опустились, и взгляд сделался бесстыдно-призывным. Молчун дал тяжёлым замшевым штанам соскользнуть вниз и прижался обнажённой кожей к женской наготе. Его плоть рывками поднималась и в конце концов упёрлась пылающим концом в мякоть, охотно принявшую его и затянувшую в мокрое нутро.

Над головами соединившихся в страстном порыве людей закачались тёмные кроны густых деревьев, в шелестящей листве заплясал ветер, окатывая своим порывистым дыханием податливые стебли высокой шелковистой травы. Подкрадывалась ночь, но барабанный бой в деревне не стихал, продолжая перекликаться с пронзительными голосами певцов и собственным эхом, перекатывающимся по сумеречной долине.

Лесное Лекарство повернулась к Молчуну лицом и, потянув бёдра на себя, освободилась от липкого и всё ещё напряжённого мужского органа. Мужчина ткнулся лицом в её грудь, охваченный внезапно накатившими на него опустошённостью и страхом.

— Я увезу тебя с собой. Сидящий Волк не хочет разлучаться с тобой. Мне кажется, что он болен. Но и я болен. Моё сердце разрывается, когда я вижу тебя и не могу обнять… Я ухожу от тебя,

и мне становится свободно, но едва вновь увижу тебя, как стальное жало впивается в меня и заставляет страдать… Сейчас я с тобой, я счастлив, но я боюсь чего-то. Мужчина не должен бояться, и никто никогда не мог упрекнуть меня в трусости. Но здесь не трусость, нет, меня пронизывает потеря… Я отхожу от тебя, и сразу что-то важное покидает меня, кто-то невидимый вырывает из меня что-то очень существенное…

— Небо дало мне знак, что я получу от тебя ребёнка, но не в этот раз. — Лесное Лекарство прикоснулась губами к его лбу. — У нас будут внуки… Но не спеши, Большое Крыло. Бегущий человек не замечает слишком многого…

Молчун скользил пальцами в пульсирующем влагалище, откуда лениво истекало его густое семя. После услышанных слов он вдруг ощутил в этой слизистой массе дрожание жизни. Густые волосы на нежной коже между ног Лесного Лекарства превратились в траву, пробившуюся сквозь рыхлую сырую землю, и пальцы мужчины лёгким движением сгребли мягкие комья и перетёрли их о шершавую ладонь. Бёдра женщины раскрылись, и между ними появился быстро растущий упругий стебель, наполненный незримым духом. Марсель обхватил его губами, и свежая влага с ароматом утренней росы коснулась его грязного бородатого лица. Стебель тянулся вертикально вверх, раздуваясь в диаметре и обтягиваясь рельефными прожилками. Под его эластичным покровом белый человек угадывал ритмичное биение, ему даже казалось, что он различал некое свечение внутри неведомого ствола.

— Ах! — вырвалось изо рта Лесного Лекарства, и она протянула к Молчуну сильные руки. Тело её бурлило под платьем, волны вздымали шуршащую одежду, но необъяснимое зрелище не пугало Молчуна. Он будто шагнул в таинственный мир, где всякие чудеса были вполне естественными.

В сгустившейся тьме он различил, как ствол, выросший из лона Лесного Лекарства, принял очертания гигантского фаллоса, от которого на самой вершине, подобно ветвям молодого дерева, тянулись в стороны зеленоватые побеги. У основания, обрамлённого чёрными волосами, ствол заметно разбухал и принимал форму младенца, свёрнутого в материнском чреве. Молчун прижался к неведомому растению и крепко обнял его, чувствуя, что в сердцевине упругого ствола таилась влекущая сила Лесного Лекарства. Девушка свободно поднялась со спины, будто

не служила только что почвой для волшебного растения, и обняла ствол с другой стороны, обхватив при этом и Молчуна. Из её ладоней струилось умиротворяющее тепло. Молчун закрыл глаза и окунулся в мгновенную дремоту. Жизнь задрожала повсюду, в каждой капельке влажного воздуха, в каждом звуке.

Резкий крик совы вырвал Молчуна из блаженного состояния. Зашумели её крылья над головой. Не меняя положения, Марсель-Молчун раскрыл глаза и в сантиметре от лица увидел корявую кору сосны, смолистый ствол которой он крепко сжимал обеими руками. Мужчина огляделся, но не увидел поблизости никого. Он стоял на коленях, вокруг которых лежали скомканные штаны, и упирался мокрым от свежего семени пахом в гладкую объёмистую щель на теле сосны.

— О, ведьма! — воскликнул он, откидываясь на спину. — За что ты терзаешь меня? Чего добиваешься?

***

Молчун по кличке Большое Крыло покинул деревню Птичьего Племени на следующее утро, не попрощавшись ни с кем. Он позвал двенадцатилетнего мальчугана по имени Енот в помощники, боясь растерять своих лошадей, и поскакал в направлении форта Юнион, стоявшего на слиянии рек Миссури и Жёлтого Камня, известных среди дикарей под названием Быстрой Воды и Лосиной Реки.

На пятый день пути Енот заметил, что лошади из табуна стали вести себя несколько обеспокоенно. Приблизившись к ним, мальчик услышал, как животные разговаривали, обращаясь к нему.

— Не нужно ехать с бородатым человеком, наш маленький брат. — Лошади произносили слова отчётливо, и Енот остановился, как громом поражённый. — Впереди ждут большие неприятности. Возьми трёх из нас и не медли с возвращением домой.

На следующее утро Молчун обнаружил, что мальчик исчез, и вместе с ним пропали три лошади. Молчуну ничего не оставалось делать, как продолжить путь в одиночку.

— Если этот парень сможет добраться до своей деревни невредимым, то обязательно похвастает, как украл моих лошадей. А я уж в следующий раз покажу ему, как воровать у друзей, — ворчал Молчун, покачиваясь в седле. — Впрочем, пусть попробует сперва доехать до своих. Сдаётся мне, что этот рейд выйдет ему боком.

Территория близ форта Юнион принадлежала племени Черноногих, весьма радушно встречавшихся с белокожими

торговцами возле укреплённого поста, но без зазрения совести стрелявших в одиноких белых путников, чтобы поживиться их вещами.

Молчун не нуждался в том, чтобы ему лишний раз напоминали об осторожности. Он был чуток, как воздух, ожидающий дуновения ветра. Но лошадей Марсель всё-таки потерял, когда через пару дней после исчезновения Енота он остановился неподалёку от Расщелины Оленьего Рога на берегу мелководного ручейка, прозванного из-за каменистого дна Змеиной Чешуёй. Окружающий лес звенел птичьими голосами, ручей нежно подпевал птицам.

Устроившись на ночлег, Молчун не приметил ничего подозрительного, однако ближе к рассвету ему почудились подозрительные звуки. Он стряхнул с себя остатки сна и посмотрел на свой маленький табун. Лошади стояли с навострившимися ушами.

— Похоже, гости, — прошептал траппер и, низко пригнувшись и бесшумно ступая, шагнул в заросли.

Поблизости он никого не обнаружил, зато за отвесной скалистой стеной с торчащими из неё кривенькими сосновыми стволами он увидел целую деревню Черноногих. Голубоватые струйки дыма поднимались над коричневыми конусами индейских жилищ.

— Что за наваждение! — поразился Молчун. — Как же я не приметил никаких следов?

Но его глаза раскрылись ещё больше от удивления, когда справа от себя Молчун различил цепочку голых фигур, на четвереньках подбиравшихся к стойбищу с той стороны, где щипали траву сотни лошадей Черноногих.

— Ассинибойны! Только их мне не хватало!

Дикари крались без единого звука. По чистой случайности они не обнаружили белого человека, и теперь ему пришлось вдавиться в землю и лежать неподвижно. Сердце его учащённо билось.

Минут через пятнадцать Ассинибойны стали приводить из деревни коней и собирать их почти перед самым носом Молчуна. Он прижался к земле всей грудью, стремясь слиться с ней и потерять человеческие очертания. Совершенно явственно он видел в двух шагах от себя спины туземцев, перекатывающиеся мышцы, шрамы на коже.

Едва индейцы вновь ушли в деревню, Молчун напрягся, готовый встать и покинуть своё укрытие, но в то же мгновение услышал шаги слева и увидел человек пять раскрашенных дикарей. Они тоже

были Ассинибойнами, но почему-то тайком подбирались к лошадям, которых только что привели их соплеменники. Через пару минут весь небольшой табун был уведён прочь.

Молчун лежал, сдерживая дыхание, и ждал. Смерть окружила его со всех сторон и вела какую-то дикую, изнурительную игру, возможно, испытывая его на выносливость. Сердце продолжало громко стучать, и Молчуну временами казалось, что именно этот стук испортит всё дело, потому что он заглушал абсолютно всё и не позволял Молчуну услышать шаги дикарей.

Прошло ещё несколько минут, и опять из лагеря пришли голые люди, ведя на поводу коней с обёрнутыми копытами. Молчун затаился, испугавшись пуще прежнего, но страшило его теперь не присутствие дикарей, а собственное состояние, потому что он с трудом мог сдержать смех, увидев выражение лиц конокрадов. Воины озирались, не в силах понять, куда подевались животные, которых они привели на это место несколько минут назад. Растерянность их была велика. Один из индейцев даже посмотрел наверх: не поднялись ли жеребцы в воздух?

В это самое время слева к ним гуськом подобрались другие Ассинибойны. Молчун не слишком хорошо знал их язык, да и разговаривали индейцы едва слышно, больше пользуясь жестами, и траппер понял, что к деревне Черноногих пришли два разных отряда Ассинибойнов, один из которых только что украл лошадей у другого. Неподвижно лёжа в густом кустарнике, Молчун видел, что дикари готовы были расхохотаться, и один из них даже стукнул сам себя дубинкой по голове, чтобы не нарушить тишины.

Тут Марсель заметил, как вожак второго отряда указывал рукой в его сторону, объясняя, что он только что нашёл там чьих-то лошадей.

— Это не ваши? Может быть, вы их тоже увели у Черноногих?

— Нет, мы с другой стороны пришли.

— Чьи же кони? Очевидно, там есть кто-то ещё.

— Надо держать ухо востро. Лучше уйти отсюда.

— Да, сегодня странный день, удивительные дела происходят.

Примерно так рассуждали Ассинибойны, отступая в глубину леса.

Молчун едва не бросился с громким криком за дикарями, поняв, что речь шла о его табуне. Но благоразумие удержало его на месте.

Ближе к полудню он вошёл в стойбище Черноногих с поднятыми руками, демонстрируя своё миролюбивое отношение.

— Как попал сюда белый человек без лошади? — удивился вождь, когда Молчун шагнул в его палатку.

— Злые духи преследуют меня, — знаками объяснил траппер. — Отрезатели Голов украли моих коней. Это те же люди, что увели лошадей из вашего лагеря.

— Откуда ты знаешь, что у нас сегодня пропали лошади?

— Я видел сон. Я ехал мимо вашей деревни, и Великий Дух направил меня к вам, чтобы я предупредил о близости врагов, но я не успел и сам пострадал от них.

— Не печалься. Наши воины уже отправились в погоню на ними. Я думаю, что мы вернём лошадей. А сейчас ты поешь. Я вчера застрелил крупного лося на охоте, а мои жёны умеют прекрасно готовить. Нет других женщин среди всей нации Черноногих, которые умели бы так вкусно кормить, как мои жёны…

Молчун оставался среди Черноногих на положении нищего бродяги в течение месяца. Свой табун он потерял безвозвратно. Отряд Черноногих, пустившийся в погоню за Ассинибойнами, сумел вернуться с частью угнанный коней, среди которых были и замечательные жеребцы Молчуна, но дикари отказались отдать их белому человеку.

Как-то ночью он лежал, терзаемый бессонницей, и слушал, как приютивший его Длинный Подбородок громко сопел, взобравшись на одну из своих женщин. Внезапно откинулась шкура, прикрывавшая вход в палатку, и внутрь шагнула Лесное Лекарство. Увидев её, Молчун вздрогнул. Он не столько испугался за жизнь своей возлюбленной, явившейся во враждебный стан, сколько был потрясён её всезнанием. Как могла эта индеанка, источавшая свет дурманящей красоты, отыскать его? Но едва она заговорила, Марсель понял, что перед ним не живой человек, а видение — ни Длинный Подбородок, ни кряхтевшая под его тучным телом жена не обратили на голос Лесного Лекарства внимания.

— Я пришла поведать тебе то, что открылось мне после твоего отъезда. Я разглядела у тебя на плечах маленькую женщину. Она мешает тебе, но я не могу ничего поделать. Чем дальше ты будешь уходить из нашей страны, тем сильнее она сможет вредить тебе. Когда ты рядом со мной, она не сумеет превозмочь силу наших духов. Но едва ты начинаешь двигаться в ту сторону, где живёт она, ты попадаешь под её удары, под её руки. Я видела, как она осыпает тебя чёрными перьями. Покуда не сбросишь их, не знать тебе покоя. Я вижу её синие глаза, из них льётся вода и застывает льдом

на твоём пути…

— Жозефина! — проснулся Молчун внезапно, охваченный холодом. — Ты говоришь про Жозефину, я знаю… Не отстаёт, стало быть, от меня синеглазая ведьма. Будь она трижды проклята!

— Так ты знаешь её, Большое Крыло?

— Знаю. Скверная женщина.

— Будь осторожен, потому что нет опаснее вражды, чем вражда женщин. Я не собираюсь биться за тебя. Это ты должен сражаться за то, чтобы владеть мной. Такова участь самцов. Но та женщина с синими глазами таит в себе мужскую силу, поэтому и страшна. Она не желает ждать, когда ты будешь драться за неё, она сама хочет заполучить тебя… Как только твоя страсть ко мне утихнет, тебя опутает паутина её желаний. Ты либо шагнёшь в её объятия, либо погибнешь…

— Послушай, Лесное Лекарство, ты знаешь гораздо больше всех нас, вместе взятых. Я не могу понять, зачем ты выбрала меня? Я, конечно рад, безумно рад, что могу обладать тобой. Но почему ты не взяла кого-нибудь из ваших шаманов? Мог бы получиться очень сильный ребёнок. Я же ничего не смыслю в колдовстве. Я разбираюсь в следах зверей и людей, но не различаю троп, по которым ходят невидимые духи…

— Я поступаю так, как говорит мне Небо. Я слушаю голоса и ничего не выбираю сама, Большое Крыло. Мне было велено соединиться с тобой и родить ребёнка. Я не спрашиваю, что за этим скрывается. Я не хочу и не могу подняться на высоту Великого Духа, я остаюсь человеком и выполняю волю Творца, я не спрашиваю о том, чего не понять моему разуму…

После этого случая Лесное Лекарство ещё дважды приходила к Марселю Дюпону, но к тому времени он уже добрался вместе с Черноногими до форта Юнион. Он слушал её голос и даже целовал её лицо. После того как она исчезала, он слышал на своих руках запах женской кожи и ощущал жир на ладонях, будто на самом деле трогал смазанное тело Лесного Лекарства.

Проведя в крепости зиму и весну, он вновь стал собираться в поход.

***

Джон Браун находился в форте Юнион уже несколько дней и перезнакомился со многими. С утра до ночи он крутился возле индеанок и их мужей-трапперов, расспрашивая о том и о сём. Возле

бревенчатых стен укрепления стояла дюжина больших конусных палаток, принадлежавших Черноногим, и Брауна то и дело видели среди индейцев, развалившихся у входа, будто измученные жарой собаки. Он тыкал пальцами в разные предметы, ощупывал одежду и оружие дикарей, выясняя предназначение той или иной вещи. Туземцы вяло следили за ним, иногда скалясь в ответ на его чрезмерное любопытство.

Как-то утром Молчун, готовый к походу, выводил навьюченных лошадей к воротам, и Джон Браун поспешил к нему и спросил по-английски:

— Далеко ли отсюда до настоящих дикарей?

— *Comment?* — Молчун растерянно поднял глаза, пропустив в задумчивости вопрос. Он привык общаться с канадскими звероловами на французском языке и не сразу включился в английскую речь.

— *Quel distance? Ne parle vouz l`Anglais?* Вы не говорите по-английски?

— *Non, Monsieur*. Я говорю *Français* и *Americaine*, — улыбнулся Молчун.

— Что ж, раз вы не говорите по-английски, давайте общаться на американском языке, — засмеялся Джон.

— Вы здорово справляетесь по-американски, хоть вы и англичанин.

— Я стараюсь, — вновь засмеялся Джон и похлопал траппера по плечу. — Как мне называть вас?

— Марсель-Молчун.

— Прекрасное имя! Если мы подружимся, то я открою вам один секрет про американский язык. А теперь признайтесь, вам хорошо знакома эта местность?

— *Oui*. Я живу здесь.

— Я приехал исследовать жизнь дикарей. Меня интересует их быт, настоящая жизнь краснокожих. Здесь ведь есть индейцы?

— *Oui. Corbeaux*. Вороньё. Они называют себя Абсароками. А по ту сторону реки бродят Черноногие.

— Мне рекомендовали забраться по возможности глубже, чтобы увидеть индейцев, не испорченных цивилизацией.

— Вы их увидите.

— Вы торгуете с индейцами? — Джон Браун продолжал донимать Молчуна расспросами. — Вы служите в Пушной Компании?

— Нет, я вольный траппер, хотя мне частенько приходится

выполнять поручения Компании. Но я предпочитаю не иметь с ней никаких дел. Мак-Кензи платит всего доллар за бобровую шкурку. А тряпок разных накупить в форте — денег никогда не наскребёшь при таких расчётах. За виски вообще дерут по шестнадцать долларов за галлон! Чистый грабёж!

— Молчун, мне бы хотелось подняться вверх по Жёлтому Камню к самым истокам. — Джон Браун махнул рукой, указывая куда-то вдаль. — Ты ведь отправляешься в сторону Скалистых Гор? Я вижу у тебя вьючных лошадей. Взял бы ты меня с собой? Я не обижу тебя деньгами, ты не пожалеешь.

Траппер вяло пожал плечами, не видя ничего дурного в предложении англичанина.

— Надеюсь, мне не придётся слышать хныканье и жалобы, — ответил с вопросительной интонацией.

— Не беспокойся, — поспешил заверить его Джон и похлопал по плечу, — мы обязательно подружимся, Молчун. Ты говоришь, что здесь кочуют Вороны? Ты говоришь на их языке?

— Да.

— Прекрасно, мы обязательно навестим этих дикарей…

Джон Браун оказался человеком весёлым и любопытным. Он выглядел каким-то мелким и слабым, но под его тщедушным обличьем билась неугомонная сила первооткрывателя. Он не уставал задавать Молчуну вопросы, вгрызаясь в ответы, как вечно голодная собака в брошенную ей жирную кость. Если он начинал расспрашивать, то не успокаивался, пока его новый друг не вскидывал над головой руки.

— Я сдаюсь. Ты хочешь знать больше, чем я могу рассказать тебе, — смеялся Молчун. — Да и не мастак я беседовать. Если надо утку свалить или оленя, то я готов, а разговаривать не привык. Что я рассказать-то могу?

— Но тебе наверняка известно, какое из здешних племён самое-самое…

— Самых-самых тут нет. Все отчаянные до ужаса. Многие трапперы считают, что наиболее яростные воины — Сю, то есть Дакоты. Но я не думаю, что Сю опаснее остальных краснокожих. Шайены и Арапахи ничуть не уступают им. А по мне — так Вороны одолеют в честном бою любого врага. Но они слишком суеверны. Если что-то покажется им подозрительным, они могут пуститься наутёк без оглядки, а со стороны взглянешь — вроде как струхнули… Я считаю, что они самые красивые, по крайней мере, самые

высокие среди индейцев, хотя их женщины менее симпатичны, но при этом никто не сможет тягаться с этими скво в распутстве. Вороны вообще странные в смысле сексуальных отношений. Они не наказывают за супружескую измену. Скво беспрестанно кочуют из одной семьи в другую. Многие мужчины на рукавах своей рубашки полосочками отмечают число женщин, с которыми удалось переспать, или на праздники выносят связку специальных палочек, означающих то же самое. А среди Черноногих и Сю я встречал женщин, которым мужья отрезали за измену носы, там с супружеской изменой дела обстоят по-другому. Вот такие дела… Что ещё поведать вам про Ворон? Они, пожалуй, слишком уж гордецы, и высокомерие у них хоть отбавляй. Краснокожие вообще на белых людей свысока поглядывают, а Вороны и подавно. Мне они пришлись по душе. Забавные люди, когда ты с ними в мире, и страшные для врагов…

Ночами Джон Браун целиком отдавал себя во власть Молчуна, безоговорочно доверяя его охотничьему инстинкту. Марсель Дюпон спал чутко, как зверь, будто постоянно прислушиваясь одним ухом к шорохам вокруг него, и Джон никак не мог взять в толк, каким образом трапперу удавалось просыпаться наутро с лёгкостью и не жаловаться на недосыпание.

— Привычка, — пожимал зверолов плечами, сам не очень понимая, что именно вызывало у путешественника удивление. — Да и как можно иначе спать? Если сильно ухо придавить, так и не услышишь ничего. А соснуть можно и днём, если приспичит. Бывает, наешься жареной оленины, и разморит тебя прямо у костра. Тут уж ничего поделать невозможно. Я по этой причине никогда в пути не ем сытно, а только к вечеру… Конечно, живём мы тут не то что в городе, потому как постоянно с краснокожими соприкасаемся и от них повадки перенимаем. В городе ко многому не приучишься… Горожане зачастую на второй день пути готовы бросить своё барахло и повернуть обратно, я сам таких видел не раз… Я много раз был свидетелем того, как военный отряд индейцев уводил лошадей из вражеского лагеря. Мчались всю ночь и весь день, задницы в кровь стирали от безостановочной скачки. И ни звука жалобы… Такова жизнь. А над городскими я не смеюсь. Они умеют то, что мне не под силу. Вот, к примеру, в конторе люди целыми днями сидят и бумажки пишут. Я бы не смог ни за какие деньги, а вот они могут. Разве не удивительно? По мне — так не нужны эти конторы вовсе. А подумать — нет, брат, без этих

контор и без этих толстозадых конторщиков мне бы денег никто не дал за мои меха, а без денег я бы и пороха не достал, и свинца, и ружья… Не всё так просто, как мне иногда представляется, Джон. Я уже давно привык мыслить, как индейцы, но порой спохватываюсь и просто ужасаюсь… Мыслишка вся на ладони уместится, а мне казалось, что в ней вся глубина жизни сокрыта…

— Может, так оно и есть, — отзывался Джон, что-то царапая в своей толстой тетради.

— Не думаю. Глянешь вокруг — ширь, свет… Да разве человеку под силу охватить всё это своей головой? Индейцы, к примеру, на нас, белых, смотрят свысока, будто мы какие-то недоделанные. Зверушек самых малых почитают и берут их в охранители, молятся им, а на белых лишь презрительно морщатся. Но при этом всё время в нашу сторону глазеют. Ружьишко им продай, пистолет обменяй, порох, пули, зеркала, тряпки всякие — всё им, оказывается, нужно. Сами не могут сделать такого, к нашему принюхиваются и воруют по возможности, но нас же считают низшей расой.

— Что же тебя удерживает среди них?

— Не знаю. Простота, может быть. Прямолинейность. Сам-то я не мудрец, Джон. Моё место тут, у костра, среди лесов, между скал, где нет нужды глубоко рассуждать. Цивилизация нужна мне, как и дикарям, чтобы пользоваться её плодами, но характером своим она меня никак не может устроить. Тяжёлый характер, скверный, нечестный. В городе мне улыбнутся, когда я шагну в магазин, но это не означает, что там рады именно мне. Идя по улице, я окунаюсь в толпу, но никто не предложит мне вдруг выкурить трубку и не поинтересуется, не проголодался ли я… Среди индейцев и трапперов принято иное отношение к людям.

Через пару недель Марсель, громко крича на чужом для Джона языке, въехал в огромную индейскую деревню, от одного вида которой у англичанина перехватило дух.

— Ух, — выдохнул он, не в силах выразить обуявшие его чувства восторга.

Большие конусные палатки были расставлены по всей долине, открывшейся перед путниками сразу после поворота за высокую скалистую стену. Их светлые кожаные покрытия выглядели в солнечном свете белоснежными и казались сверкающими. Множество палаток выделялось обилием мелких и крупных рисунков на своих упругих натянутых стенах.

— Каково? — ухмыльнулся Молчун, глянув через плечо. — Вот твои дикари…

Молчун поднял обе руки вверх, держа над головой длинноствольное ружьё, и снова что-то закричал. Навстречу выехало с десяток юрких всадников, легко сидевших на лошадях и державших в руках копья, украшенные по всей длине орлиными перьями.

Дикари сразу признали Молчуна, и через несколько минут белые люди уже расположились в палатке старого Солнечного Шеста.

Солнечный Шест выглядел совсем дряхлым. Он сидел, сильно скрючив спину и выставив костлявые плечи вперёд, вялая коричневая кожа на дряблых мышцах колыхалась при малейшем движении тощих рук.

— Ни в одном другом племени я не встречал столько стариков и калек, как среди Ворон, — сказал Молчун, слегка наклонив голову к Джону. — Они богаты и могут всех обеспечить лошадьми во время кочёвки. Другие краснокожие нередко оставляют совсем немощных стариков, переезжая на новое место, потому как с ними много хлопот в пути. А Вороны справляются с этим без труда…

— В дни моего детства лошади были редкостью, — заговорил тихим голосом Солнечный Шест, и его почти слепые глаза зажмурились. — Мы сооружали небольшие волокуши и прицепляли их на собак, поэтому собак всегда было много. Другие вещи переносили на своих спинах мужчины. Женщины тоже нагружали себя, но разве могли они потягаться выносливостью со здоровыми воинами? В те дни наши палатки были совсем маленькие, не то что нынешние. Их кожаные покрышки перевозились на собаках вместе со всей связкой шестов. Лошадей мы стали называть большими собаками.

Он помолчал некоторое время, шамкая беззубым ртом и кивая головой. Очевидно, ему представилась картина далёкого детства.

— Мой отец Высокая Выдра и мой дед Проворный Бегун рассказывали мне, что впервые увидели лошадей у Чёрных Людей, пришедших с юга. Наши мужчины сильно растерялись и не знали, как себя вести в том бою. Затем они долго выслеживали людей с лошадьми, изучали повадки, покуда не рискнули увести двух животных. Мой отец быстро научился ездить верхом. Поняв, что такое конь, Абсароки стали уходить в далёкие походы, чтобы обеспечить наше племя большим табуном. С тех давних времён у нас сложилась традиция отправляться в поход за лошадьми

обязательно пешком.

Старый индеец вновь умолк и тяжело вздохнул.

— Однажды Высокая Выдра, мой отец, собрал отряд и повёл его в страну врагов далеко на юг, где паслись громадные табуны. Много дней и ночей прошло в пути.

Солнечный Шест подробно перечислял реки и горы, которые пришлось преодолеть Высокой Выдре, подробно пересказал все беседы славных воинов, детально описал их священные раскраски и амулеты.

— И вот они увидели прерию, покрытую лошадьми от края до края, будто это было несметное стадо бизонов, какое мы привыкли видеть на нашей земле. Высокая Выдра велел своим друзьям взять отборных коней для себя и гнать перед собой как можно больше лошадей. Абсарокам удалось увести огромный табун, но ещё больше осталось возле деревни врагов. Вскоре отец заметил погоню, которой не составляло труда идти по хорошо видимому следу. Много раз наши люди вступали в сражение, сдерживая противника. Почти половину года провёл отряд Абсароков в походе. Некоторые погибли. Часть лошадей разбежалась. Но среди тех, которых привёл с собой Высокая Выдра, мой отец, была кобыла красного цвета. Наши шаманы сразу решили, что лошадь эта была священна, и отвели её к своей палатке. Никому из воинов не разрешалось садиться на ту красную лошадь. Когда её выводили на пастбище, рядом непременно находились семеро воинов в священных нарядах. На голове кобылы обязательно красовался пышный убор из орлиных перьев. Шаманы иногда рассказывали на воинских сходках, что им сообщала красная кобыла. Ежегодно её отводили к лучшим жеребцам, чтобы она приносила приплод, и всегда на свет появлялись красивые жеребята, похожие цветом на мать… Прошло время, и многие наши враги прознали про священную лошадь. К нам приезжали посланники Черноногих и Отрезателей Голов, приходили Волки и Полосатые Перья. Все они предлагали богатый выкуп за красную кобылу, но шаманы и вожди Абсароков всегда отказывали им. Поэтому нам сопутствовала удача. Но однажды священная лошадь шагнула в большую палатку для проведения церемоний, вдохнула дым тлеющей душистой травы и, наполнившись им, взмыла в воздух. Высокая Выдра, мой отец, видел, как запылали огнём её глаза. Лошадь поднялась под самый дымоходный клапан. Вождь племени прибежал, чтобы просить священное животное остаться, но лошадь сказала, что ей пришёл

срок встретиться с Громовым Существом. И она выплыла вместе с дымом. Многие люди заметили нашу красную лошадь высоко в небе среди туч. Но после этого она не появлялась. Шаманы говорят, что в их большой палатке хранится призрак красной кобылы, но никто не знает этого наверняка. Зато я повстречал однажды красную лошадь у подножия Медвежьей Горы. Я выслеживал крупного лося и неожиданно услышал ржание чуть в стороне. Я было решил, что поблизости шли вражеские лазутчики, и притаился. Но прямо ко мне выбежала из-за густого кустарника лошадь ярко-красного цвета. Сперва я испугался, поняв, кто это, затем успокоился. «Помнят ли обо мне Абсароки?» — спросила она. «Да, помнят», — сказал я ей. «Всё ли хорошо у Абсароков?» — спросила она. Я ответил, что старики вспоминают лучшие времена. «Да, я помогала Абсарокам, — сказала кобыла, — но я покинула вас, потому что вы встретили людей с прозрачными глазами и приохотились к новым вещам, пользуетесь ружьями, порохом, стеклянными бусами, тряпичными рубашками. Вы кладёте на спины коней сёдла». Лошадь долго разговаривала со мной и уверила, что никто не увидит её до тех пор, пока Абсароки не прекратят общаться с белыми людьми. Но когда она вернётся из страны призраков, с ней придёт столько бизонов и лошадей, сколько нам представить трудно. И она принесёт великий ураган. Но я думаю, что это произойдёт не очень скоро.

— Почему? — подался вперёд Джон Браун.

— Абсароки сильно привыкли покупать товар у белых людей. Кто захочет теперь жить без ружей, пули которых запросто пробивают даже священные щиты?..[2]

В тот вечер в деревне проходили пляски, и перед глазами белых людей предстали две голые мужские фигуры, вымазанные белой глиной, потрескавшейся на изгибах колен и локтей, и на спинах этих танцоров были прилажены мягкие оленьи шкуры. Оба плясуна двигались на полусогнутых ногах, изображая оленя и олениху, и на голове каждого из них была привязана кожаными шнурками безглазая оленья маска, при этом на голове самца покачивались раскидистые тяжёлые рога, неизвестно каким образом прикреплённые к маске. Руки каждого были украшены связками кукушечьих перьев. Дикарь-самец двигался кругами, оглашая воздух звуками, весьма схожими с рёвом настоящего быка, и, приближаясь к индейцу-самке, он тыкал своим заметно набухшим половым органом между ягодиц своего партнёра. При каждом

сильном ударе разгорячённая мышца наливалась соком, приводя зрителей в явный восторг. Оба танцора возбуждались на глазах. Женщины с весёлым смехом бросали в них комья грязи и пучки травы.

— Это дичайшее зрелище! — воскликнул Джон. — Такое было возможно на публике разве что в античном Риме! Потрясающе!

Когда танцор-самец сумел, наконец, попасть в такт движению партнёра, и его разросшийся половой орган, смазанный жиром, проскользнул в намеченное отверстие, танцор-самка упал на локти и ткнулся головой в землю. Окружающие бросились к совокупившейся паре, хлестая обоих связками душистой травы. Затем все расступились, и вокруг костра свился пёстрый хоровод поющих фигур. Всё племя присоединилось к празднику.

— Я никогда прежде не встречал такого массового торжества, — прошептал Джон, глядя на двигающихся по кругу людей.

— И я не видел такого прежде, — поразился Молчун, — всякое бывало, но чтобы так вот, на виду у всех…

— Подумать только, — продолжил размышления Джон, когда они вернулись в палатку Солнечного Шеста, — эти люди не скрывают ничего, что у них на душе. Они выражают себя, не заставляя никого следовать за собой. Потрясающе! Они абсолютно свободны! Я теперь понимаю, что такое свобода… Ты волен высказать свою мысль, проявить её в реальной форме, а твои сородичи должны решать, вредит она им или нет… Ничто не запрещается… Если кому-то не нравится, он просто уходит в сторону и не принимает участия… Потрясающе! Марсель! Послушай меня, Молчун!

— Что тут слушать? Чему ты удивляешься? Разве ты удивишь кого-нибудь, когда скажешь, что ты голоден?

— Нет.

— А когда ты хочешь женщину?

— Ну… это как бы не совсем прилично… в цивилизованном обществе…

— Твоё цивилизованное общество похоже на размалёванные лица краснокожих в бою, за которыми не угадать истинных чувств. — Молчун поковырял в носу и обтёр палец о штанину. — Разница заключается в том, что дикари скрывают своё настоящее лицо, дабы их не сумели распознать злые духи, а белые прячутся друг от друга. Индейцам нечего скрывать, они не могут позволить себе скрывать что-либо, потому что целиком зависят от сородичей…

***

Утром к большой деревне присоединилась община Сидящего Волка. Пышная процессия въехала в лагерный круг под громкие приветственные крики дикарей. Марсель Дюпон поспешил навстречу приехавшим, показывая руками на Лесное Лекарство. Сердце его застучало учащённо.

— Взгляни на эту женщину! — воскликнул Джон, размахивая руками.

— Не смотри на неё так жадно, старина, — предупредил Молчун и оскалил зубы, а через пару секунд он кивком указал на слезающего с коня Сидящего Волка и добавил: — Вон тот здоровяк может разделаться с тобой, не моргнув глазом.

— Он её муж?

— Хуже, гораздо хуже, Джон… Это слишком долгая и чересчур таинственная история, чтобы изложить её в двух словах. Я уж сам положил глаз на Лесное Лекарство, но Сидящий Волк отреагировал на это странно. Она окружена тайной. Она — шаманка, каких никто ещё не встречал среди Абсароков. Её желают все, но все её опасаются. Я видел множество мужчин, подглядывавших за нею и теребивших свои члены, когда она уходила в одиночестве купаться на реку. Все становились похожими на взбудораженных быков, но никто из индейцев не осмеливался к ней приблизиться… А уж среди Абсароков скромников не отыскать…

— Лесное Лекарство? Это её имя? Замечательное имя… замечательная женщина.

— Забудь о ней, как о страшном сне, мой друг, — сказал Молчун, повернувшись к англичанину. — Никто из женщин никогда не таил в себе столько ужасающей страсти и погибельной власти, как эта…

Сидящий Волк никак не проявил своих чувств, завидев Молчуна, и с маской полнейшего безразличия пошагал мимо, когда траппер помахал ему рукой. Индейцы вокруг шумно приветствовали друг друга, размахивали руками.

— Никогда бы не поверил, что туземное лицо способно так привлекать к себе, — сказал полушёпотом Джон. Он влюбился в индеанку бесповоротно и сразу осознал это, отдавшись своему чувству, слово сухая трава объявшему её пламени.

— Держи ухо востро, приятель, — засмеялся Молчун, видя растерянность Джона Брауна. — Если она ответит тебе страстью на страсть, то тебе придётся познать вес моих кулаков, да и без

хорошей схватки на ножах не обойтись. А в этом, я уверен, тебе со мной нет нужды тягаться…

Джон ухмыльнулся в ответ, но по звякнувшим в голосе Молчуна Дюпона холодным металлическим ноткам понял, что зверолов был далеко от шутливого настроения.

На следующий день лагерь снялся с места и широкой лентой потянулся между гор.

Сидящий Волк ехал далеко в стороне от всех. Его нагое тело, прикрытое лишь тряпичной набедренной повязкой алого цвета, было густо смазано бизоньим жиром, и даже с большого расстояния было видно, как оно вспыхивало на солнце. Лесное Лекарство, легко правя своей пегой лошадкой, подскакала к Молчуну и улыбнулась, и он почувствовал, как в теле его вспыхнула неутолимая жажда любви.

— Отец решил, что срок его боевых дней истёк, — сообщила она.

— Что? — не поверил Марсель своим ушам. — Сидящий Волк отказывается от воинской славы? Его больше не привлекают подвиги и почести? Этого не может быть… Почему?

— Отец захотел сделаться Сеятелем Табака. Это означает, что он должен отречься от прежнего образа жизни и стать святым человеком. Он принял обет молчания и не разговаривает ни с кем уже почти полный месяц, остались последние дни молчания.

— То-то он никак не ответил на моё приветствие. Теперь, я надеюсь, он (как святой человек) не станет возражать против моего сватовства?

Молчун был хорошо знаком с несколькими индейцами, входившими в священное общество Сеятелей Табака. Табак символизировал для Ворон круговорот всего сущего, бесконечное возрождение через крохотное семя, несущее в себе целую жизнь. Культ табака был необычайно почитаем и удивителен, принимая во внимание, что Вороны, как и подавляющее большинство кочевых охотников, не умели выращивать больше ничего. Окружающая их природа кипела соками, роняла семена в землю и произрастала из них высокими стройными деревьями, и множество племён, обитавших на восточном берегу Миссури, как бы примкнув к этому ритму, давно включились в земледелие. Вороны сумели поладить лишь с табаком, утверждая, что народ Абсароков будет оставаться на лице Матери-Земли до тех пор, покуда они не утеряют умения выращивать табак.[3]

Обычно Табачная Церемония проводилась на Ветряной Реке,

но изредка старые колдуны меняли место. В этот раз племя остановилось на Белом Ручье у подножия горы, прозванной Высокой Трубкой. Едва успели подняться кожаные конусы жилищ, женщины направились к обширной луговине, держа в руках ножи и костяные мотыжки, сделанные из бизоньих лопаток. Будто муравьи засуетились человеческие фигурки, ползая на коленях и расчищая землю от веток, корешков и травы, подготавливая её для посева табака.

Молчун отыскал Лесное Лекарство на окраине поляны, где она негромко напевала и жгла раскрашенные бизоньи косточки.

— Как мне теперь поступить? — спросил её Марсель Дюпон. — К кому из твоих родственников мне пойти? Теперь у тебя нет отца. С кем говорить о тебе?

— Ни с кем, — ответила Лесное Лекарство, когда закончила песню. И тут она качнулась вперёд, словно могучая невидимая рука толкнула её в спину.

— Что случилось? — спросил было Молчун, но голос его перехватило.

Гигантского размера всадник на мощном лохматом жеребце возник возле них. Он был раза в два крупнее любого человека, и конь его был таким же великаном. Длинная кожаная одежда, обрамлённая прядями белых конских волос, струилась по телу гиганта. Большущий коричневый кулак стискивал толстую рукоять боевого каменного топора. Взглянув пронизывающим взглядом из-под свисающих со лба горностаевых хвостиков, всадник поднял руку и взмахнул топором, взвихрив воздух. Его жеребец раскатисто заржал, с грохотом ударил о землю копытами, словно рассыпав скалу, и рванул вперёд, проскакивая между Лесным Лекарством и Молчуном. Над всадником возникла смолистая тень гигантского орла, расправившего на мгновение крылья. Тяжёлый каменный топор со свистом рассёк воздух, и видение исчезло столь же внезапно, как и появилось.

Молчун оглянулся на женщин, разрыхляющих землю. Они явно ничего не слышали и не видели, продолжая беззаботно заниматься своим трудом.

— Что это было? — перевёл он растерянный взгляд на Лесное Лекарство.

— Это дух Воина, дух Орла, — её лицо было сосредоточено, — воинский дух моего отца не исчез и не даёт мне покоя. Я думаю, что Сидящий Волк и сейчас не согласится расстаться со мной. Я

опасаюсь, что он даже сделает страшный шаг и схватится за оружие, нарушив обет Сеятеля Табака, если узнает, что кто-то решил взять меня… Ты знаешь, что такое Орёл, знаешь, что такое Воин. Но ты понятия не имеешь о том, что предназначено моему отцу Великим Духом…

Молодая женщина замолчала, опустив глаза.

Вокруг неё простиралась упоённая тишиной зелёная долина, слышались переливчатые голоса птиц и журчание ручьёв, тянулось над головой безмятежное голубое небо, но она сидела на коленях, согнув спину, подобно дикому зверьку. Молчун не мог представить, что терзало её душу.

— При чём тут твой отец? Ты сказала, что Небо обещало тебе ребёнка от меня… — Он пожал плечами. — Что же смущает тебя, если ты получила такой знак?

— Сидящий Волк. Он не желает идти по предначертанному пути. Есть люди, которые упорно остаются глухи к голосу Творца. Им ежедневно посылаются знаки свыше, но они считают их случайностями. Они не слушают их. Таков мой отец. Великий Дух послал ему Лесное Лекарство, мою мать, которую он стал бояться. Он не сумел услышать её голос, и ей пришлось умереть, чтобы появилась я. Меня же он отказался слушать вообще. После твоего отъезда я приложила немало усилий, чтобы заставить его услышать голос Судьбы. Мне пришлось подложить в его табачную сумку специальную траву… После этого он решил, что Великий Дух призывает его на службу…

Молчун не спускал блестящих глаз с Лесного Лекарства.

— Но я-то не курил твоей травы, — сказал он, — как же я мог видеть Орла? Как я мог увидеть сейчас Дух Воина?

— Ты всегда был слеп. Ты живёшь в мире белых людей и не понимаешь, что невидимые сущности приходят не по твоему желанию, а по своему. Ты разглядел то, что не мог не увидеть… Ты знаешь теперь, что сила моего отца поднялась наперекор Небу. Он окончательно вышел из своего русла… Он пройдёт через испытание Сеятелей, но не выдержит обыкновенной страсти…

— Мы должны уехать! — воскликнул Молчун на английском языке так громко, что все женщины вокруг оглянулись на него, но не поняли смысла слов.

— Мы должны уехать немедленно, — повторил он шёпотом по-английски.

— Я уеду с тобой, но теперь я не представляю, что произойдёт.

Отец не желает идти уготовленной ему дорогой, и это означает беду. Но я уеду с тобой, — едва слышно ответила Лесное Лекарство на родном диалекте.

— Как это ты меня поняла? — спохватился вдруг Молчун и увидел подошедшего Джона Брауна.

— Вы так славно беседуете, не понимая друг друга, — сказал Джон с улыбкой на лице. — Разве она понимает английский… то есть американский?

— Нет, потому у меня и челюсть отвалилась, — растерялся Марсель.

— Сейчас вы должны оставить это место, потому что племя приступает к важному делу, которого вам, чужеземцам, не понять, — взмахнула руками Лесное Лекарство, отгоняя белых людей.

В течение двух дней индейцы расчищали луговину, собирали хворост и складывали его в кучи в четырёх точках, как бы очерчивая ими углы квадрата на поляне. Под вечер второго дня возле собранного топлива собрались шаманы и развели огонь. Под беспрестанные удары барабанов дикари принялись растаскивать горящие головни по полю, то и дело переворачивая их, чтобы древесина сгорела дотла. После этого пепел был тщательно перемешан с взрыхлённой землёй.

— Я слышал, что в давние времена они устраивали состязание между семейными парами, соревнуясь в прыткости, — сказал Марсель Джону, — кто первый приносил к намеченному костру символическую связку хвороста, тот получал подарки. Но тут была одна особенность. Как мужчина, так и женщина должны были пользоваться славой верного семьянина. Постепенно это состязание сошло на нет, так как распутство среди Абсароков дошло до беспредела. Индейцы знают, что не имеют права лгать перед лицом Великого Духа, поэтому, чтобы не выставлять себя в дурном свете, просто отказались от этого этапа праздника…[4]

Люди стали расходиться, продолжая голосить песни, но десятка два человек приступили к установлению большого шатра, сложенного из покрышек пятнадцати палаток.

На рассвете перед столпившимися в шатре соплеменниками предстал Сидящий Волк в окружении старых Сеятелей Табака. Его лицо было покрыто белой краской, а глаза обведены чёрными кругами. Ноги индейца от самых бёдер и до пальцев ног тоже были выкрашены в белое. На голове, на шее и на запястьях висели

сплетённые из шалфея венки. Под оглушительный свист костяных свистков и шум трещоток, шаманы обошли Волка по кругу, затем выстроились перед ним, потрясая каждый своими связками священных предметов. У каждого из них висела на поясе одна или пара сумок, сделанных из каких-нибудь животных и полностью воспроизводивших их формы, из-за чего казалось, что в расшитые пёстрыми узорами одежды вгрызлись зверьки.

Один из стариков выступил вперёд и запел тяжёлым хриплым басом.

— Этот дед будет передавать Волку свою волшебную силу, — пояснил Молчун Джону.

— Зачем её передавать?

— Вороны верят, что с Силой может общаться лишь ограниченный круг людей, поэтому нового Сеятеля Табака могут принять в шаманское общество только в том случае, если кто-то из стариков согласится отдать свою силу и покинуть Палатку Сеятелей… Это величайшая честь…

Тем временем седовласый индеец, шагнувший к Сидящему Волку, поднял к своему морщинистому лицу древний костяной нож, рукоятка которого представляла собой большую орлиную ногу со скрюченными когтистыми пальцами. Едва старик занёс нож, заколотили все барабаны, собранные под навесом шатра, воздух затрясся от грохота. Шаман вложил свободной рукой табачный лист в рот Сидящему Волку и потряс ножом перед его глазами. Костлявыми коричневыми пальцами старик размял грудные мышцы Волка и несколько раз подряд ударил по ним орлиными когтями, которые с удивительной лёгкостью разорвали кожу и пустили алую кровь. Брызги упали на белые ноги и расплылись крупными пятнами. Лицо Сидящего Волка напряглось, и это было видно даже под толстым слоем белой краски. Шаман ударил сильнее, и орлиные когти вонзились в плоть посвящаемого так глубоко, что нож остался висеть на груди. Сеятели Табака запели хором. Сидящий Волк громко затянул свою песню.

— Сколько же его будут терзать подобным образом? — выдохнул Джон Браун, морщась.

— Сейчас, я думаю, резать начнут или жечь, — ответил Марсель.

И действительно, шаман сделал глубокие надрезы вокруг каждого соска Сидящего Волка и принялся приплясывать, обходя свою жертву со всех сторон. То и дело его длинная худая рука оттягивала где-нибудь кожу на теле Волка, и другая мгновенно

отсекала страшным ножом маленький кусочек. Каждый окровавленный клочок старик передавал второму шаману, и тот прятал их в белый кожаный мешочек.

В следующее мгновение барабаны застучали с особым неистовством, и всех зрителей словно толкнуло, и они отступили, поддавшись невидимой силе. Толпа закачалась, и скрыла от Джона и Молчуна происходившее в центре шатра. Голоса певцов сделались пронзительнее, звуки свистков, трещоток и барабанов превратили воздух в шквал какофонии. Джон почувствовал, что его начала охватывать паника. Мир стал похож на ужас, вырвавшийся из кошмарного сна. Окровавленного человека не было видно, но его присутствие и его боль ощущались во всём безумном поведении возбуждённой до предела толпы дикарей.

И вдруг наступила тишина. Всеобщее дыхание на миг затаилось и вновь зазвучало, как гудящий в каминной трубе ветер. Задыхаясь от волнения, Джон приподнялся на носках и вытянул шею.

Сидящий Волк, этот таинственный человек, отдавший себя на растерзание во имя чего-то неясного, лежал на спине в луже крови. Над ним в полном молчании согнулись четыре Сеятеля и обмахивали его дымящимися косичками душистой травы. На грудь лежавшему складывались всевозможные мешочки и связки непонятных Джону предметов.

Тихим голосом Сидящий Волк подозвал стоявшую неподалёку дочь, и Лесное Лекарство подбежала к нему. Он что-то сказал ей, и она выпрямилась во весь рост.

— Сидящий Волк объявляет, что раздаёт всё своё имущество своему народу. Любой из вас может войти в нашу палатку и забрать оттуда все мужские вещи, равно как весь наш табун, кроме принадлежащих мне лошадей. Отныне у Сидящего Волка не остаётся ничего. Он полностью принадлежит Великому Духу…

Три долгих дня не прекращались исступлённые восторги Вороньего Племени, оглушая окрестности барабанным боем и пронзительным свистом. Сеятели посадили на удобренном поле табак. Танцоры исполнили ритуальные пляски. Отзвучали священные песни. Бесконечные кушанья, приносимые в шатёр, были съедены. Джону Брауну казалось, что его голова отяжелела от постоянно сменявшихся впечатлений. И в буйстве праздника он забыл о том, что потрясло его больше всего — он забыл о Лесном Лекарстве.

Теперь перед ним внезапно возник Молчун, одетый для дороги,

и сказал напористо:

— Пора ехать!

— Что случилось? Куда спешить? — Джон принялся протирать глаза.

— Нам надо немедленно уезжать… Я увожу отсюда женщину… Лесное Лекарство!

— Что? — Сон как рукой сбросило с англичанина. — Та индеанка? Красавица? Ты похищаешь её? Как же так? Что они, дикари, с нами сотворят, если настигнут?

— Меньше спрашивай, сейчас время не разговоров, но быстрых шагов…

Утро стояло тихое и сонное. Туман обступил стойбище со всех сторон. Никто не обратил внимания на то, как три всадника и две навьюченные лошади лёгкой рысью выехали из деревни.

Вечером того же дня Лесное Лекарство подобралась к Молчуну и сказала:

— Твой белый друг не из этой жизни. Он погибнет.

— Не понимаю тебя.

— Я не вижу его в моей жизни. Вижу тебя, вижу Сидящего Волка, вижу многих других. Они связаны со мной. Но не вижу его. Нет его следов. Каждый человек может идти туда, куда ему дозволено Творцом. Но если он приходит в неположенное место, рука Великого Духа останавливает его. Я не вижу, чтобы твоему белому другу полагалось быть в стране Абсароков. Он ошибся. Он забрёл не туда. Ему нужно немедленно уходить отсюда…

После отъезда из стойбища Джон сделался напряжённым, его говорливость исчезла, он замкнулся в себе. Марсель Дюпон то и дело перехватывал его тоскливые взгляды, устремлённые на Лесное Лекарство. И эти взгляды бередили его собственную страсть. Не проходило ночи, чтобы он не подминал под себя Лесное Лекарство и не впивался в неё пламенеющим членом, в то время как смущённый англичанин старался отвести глаза. Будь она одной из прежних жён, Молчун с щедростью, принятой у дикарей, уступил бы её Джону на несколько ночей. Но Лесное Лекарство целиком завладела его существом, и при мысли о ней он испытывал хищную звериную жадность.

Как-то вечером Джон Браун немного приотстал от Молчуна и Лесного Лекарства. В это время из тёмного бора справа появилось с десяток обнажённых всадников. Атака была совершенно внезапной и на редкость безмолвной. Дикари промчались мимо

белого человека, растерянно поднявшего руки над головой и что-то закричавшего, и первые двое из них пустили стрелы. Остальные вдруг завыли по-волчьи и поочерёдно стукнули Джона по плечам и голове древками копий. После этого они как-то сразу смолкли и ускакали в опускавшиеся сумерки.

Вцепившись пальцами в рубашку, прибитую стрелами к взмокшей груди, англичанин тихонько постанывал, пока к нему спешили Молчун и Лесное Лекарство.

— Какая-то совершенно нелепая и бессмысленная смерть, — пробормотал он и боком съехал с седла. Его голова ударилась о землю, неуклюже подпрыгнула, и всё тело вдруг задрожало.

Молчун спрыгнул с коня на скаку и едва не упал подле распростёртого Джона.

— Пока не поздно… Марсель… помнишь, я обещал открыть тебе маленький секрет об американском языке?

Траппер растерянно кивнул.

— Так вот, нет никакого американского… это… тот же самый английский…

Лицо раненого обильно покрылось каплями пота.

Молчун тряхнул косматой головой, отгоняя вившуюся мошкару, и склонился над окровавленным англичанином. Джон мелко трясся. Две стрелы торчали прямо из-под сердца, никакой надежды, разумеется, не могло быть. Удивляло, как вообще Джон Браун, этот щупленький человек с подслеповатыми глазами, не скончался сразу от такого ранения.

— Молчун, — прошептал Джон, пуская кровь между губами, — попроси её поцеловать меня… Я никогда прежде… не знал… таких…

Траппер вздрогнул и быстро посмотрел на Лесное Лекарство. Она сидела неподвижно и смотрела в пространство перед собой, беззвучно шевеля губами. Казалось, что из глаз её плыли струи какого-то мутного света. Марсель дотронулся до её платья и показал рукой на умирающего.

— Он хочет, чтобы ты прижалась к нему ртом… простилась так…

— Губами к губам? — уточнила она.

— Да.

Она быстро поднялась, шагнула к Джону, встала возле него на колени и обеими руками взяла его голову. Низко склонившись над ним, она приблизила свои глаза к его и затаилась. Джон облегчённо вздохнул и прекратил дрожать. Лесное Лекарство приоткрыла губы и прильнула к испачканному кровью рту белого

человека, и Марселю почудилось, что женщина сделала несколько глотков. В тот же миг почувствовалось дуновение ветра, и воздух наполнился невнятным ропотом. Молчун решил, что он провалился в сон, видя, как закачалась трава, задышали разом кроны деревьев вокруг. Призрачные губы припали к устам Молчуна, и он ощутил явный вкус крови во рту, будто не Лесное Лекарство, а он сам пил бегущую изо рта Джона Брауна кровь.

Дыхание англичанина остановилось. Индеанка отодвинулась от него. Уверенным движением она свела челюсти мертвеца вместе, закрыв ему рот, и, зачерпнув липкой ладонью горсть пыли и размяв её пальцами до состояния кашицы, положила руку поверх посиневших губ. На давно не бритом лице Джона Брауна остался отпечаток ладони, закрывающей его рот.

— Видишь, — произнесла женщина, — нас никто не тронул. Этот отряд был для твоего друга. Нас Черноногие просто не увидели…

Внезапно всё отступило от Молчуна, как если бы сама жизнь затмилась. Он качнулся, хватаясь руками за воздух, ища опоры, и рухнул на землю. Лесное Лекарство села возле него, и он ощутил внезапную волну страсти, поднявшуюся густой пеной, словно много лет уже не любил женщин. Настоящий ураган ворвался в него. Молчун рывком привлёк к себе Лесное Лекарство и повалил рядом с собой. Звуки окружающего мира сделались совсем глухими, почти неуловимыми, только дыхание женщины пульсировало в ушах. Молчуну казалось, что налетевшая жажда любви предназначалась специально для того, чтобы заполнить опустошённое сердце. Его ничуть не смущало, что в двух шагах лежал труп с двумя стрелами в груди. Непреодолимая сила толкала его в детородную плоть, пронизывала острыми лучами огня и насыщала жизненной силой каждую клеточку его тела.

***

Сидящий Волк окончательно пришёл в себя лишь через пару дней после окончания праздника Табака. Расставшись с родным кровом и поселившись в палатке Сеятелей, он не сразу узнал о том, что его дочь уехала с белыми гостями.

— Лесное Лекарство скрылась с Большим Крылом? — Он ещё слабо понимал, что произошло.

— Да. Большое Крыло поднёс твоим родственникам хорошие подарки…

Индеец отвернулся, стараясь не смотреть на говорившего,

и направил взор внутрь себя. Мало-помалу к нему стала приходить ясность мысли, затем она сменилась страшным волнением, заклокотало чувство горькой обиды, всплеснулась яростная ненависть, закипела жажда мщения. Мужчина резко обернулся, посмотрел в полумрак палатки и вдруг услышал крик, донёсшийся до него из глубины сердца. Это был женский голос, показавшийся ему безумным и продолжительным, как волчий плач. Индеец вскочил, поражённый этим криком, и сделал несколько шагов по жилищу, смутно видя под ногами раскрашенные бизоньи черепа и разложенные вокруг очага связки трав. Наконец, решившись, он вышел наружу.

— Я должен быть таким, каков я есть… Если Небо дало мне эту страсть, значит, я должен следовать этому зову, пусть даже он не понятен мне… — Сидящий Волк шагал между палатками, ни на кого не обращая внимания. Он был совершенно наг, и длинные распущенные волосы делали его облик жутким, колышась и открывая иногда страшные кровавые язвы на его груди и на руках. — Кто может остановить меня, когда я пожелаю войны? Кто может удержать меня, когда я захочу мести?

Внезапно Сидящий Волк остановился. Мир закачался перед его глазами. Решившись на привычный для рядовых индейцев шаг, он превращал себя в человека, не сумевшего устоять на добровольно выбранном месте. Сидящий Волк принадлежал теперь к обществу святых мужей и не мог позволить себе никаких личных чувств.

Он упал на землю, бросая на себя пыль, и застонал. Он должен был что-то придумать. Он не желал размышлять над тем, что будет делать с Лесным Лекарством, когда она вернётся в племя, он вообще не желал думать о будущем. Ему срочно нужно было охладить вспыхнувший огонь ревности, загасить его сейчас же…

Он поднялся, словно придя в себя из транса, и заговорил:

— Бледнолицые построили уже несколько деревянных крепостей на реке. Я не имею ничего против белых людей, потому что они не причиняют нам зла. Но у них много хороших вещей, которые достаются нашим врагам. Посмотрите, как охотно белые люди торгуют с Черноногими. К устью Лосиной Реки Черноногие приходят всей нацией. Они скупают в форте ножи, топоры, ружья и порох, а затем идут с этим оружием против нас. Черноногие угоняют наши табуны и продают их в форте! Мы живём гораздо дальше от деревянных домов Бледнолицых и не успеваем приобрести у них ничего. Белым людям всё равно, куда

направляются отряды, проезжающие мимо их крепости. Но эти отряды едут воевать против нас, а белые ссужают их ружьями. Мы должны отправиться в поход всем племенем, как поступали прежде, когда нам грозила опасность. Мы захватим крепость и возьмём то, что нам нужно. Мы не станем убивать Бледнолицых, потому что они не причиняют нам вреда, но мы отнимем у них ценные товары. Тогда у нас тоже будут ружья и порох, и Черноногие не смогут кичиться своей силой…

В течение трёх дней Сидящий Волк с мрачным лицом ходил по деревне, заглядывая во все палатки поочерёдно и будоража соплеменников своими словами, и в конце концов дикари решились на поход.

К тому моменту Маленький Белый Медведь привёл из разведки небольшой отряд и сообщил, что не обнаружил никаких следов Черноногих, что было вполне закономерно, так как враждебное племя перемещалось в это время года в сторону торговых постов Компании Гудзонова Залива, обустроившихся на притоках реки Саскатчеван. Абсароки сумели провести близ форта Юнион несколько дней, оставаясь незамеченными, следя за поведением Бледнолицых и выясняя, как охранялись лошади, как люди ходили за водой и тому подобные детали.

— Мне кажется, у нас нет причины сомневаться в успехе, — сказал Сидящий Волк.

— Вокруг крепости пасётся достаточно бизонов, чтобы мы не беспокоились за пищу, — добавил Маленький Белый Медведь.

— Давайте собираться! — воскликнул Гнилое Брюхо[5] и подал знак воинам, чтобы они сошлись к его палатке. — Мы отправимся всем племенем и устроим блокаду белых людей в их деревянных домах. Они не ожидают нашего появления, и мы не затратим особых сил на войну. Мы просто передвинемся ненадолго на новое место. Мы сильны. Нам нечего бояться.

Страна, по которой поехал огромный лагерь Абсароков, была враждебной. Обычно по этим местам рыскали только военные группы, скрупулёзно высматривая следы, которые мог оставить противник. Но сейчас племя двигалось по холмам лавиной, и вожди чувствовали великую уверенность в своей мощи. Отовсюду из-за деревьев выбегали олени, испуганные топотом тысяч лошадей и громким говором. Охотники пускались в погоню и забивали дичь на глазах у сородичей, похваляясь острым зрением и ловкостью рук. Несколько раз Сидящий Волк видел, как с противоположных сторон

холмов стекали чёрные потоки бизонов, за ними следом мчались юркие фигуры пёстрых всадников, сваливая стрелами и копьями могучие рогатые туши.

Как-то ранним утром, пока деревня ещё спала, Маленький Белый Медведь отъехал с группой разведчиков и решил сделать привал. Он не выставил дозорных, и воины беспечно развалились в траве. Внезапно тишину прозрачного воздуха разрезали истошные крики галопирующих всадников[6]. Первым вскочил на ноги Маленький Белый Медведь, но был мгновенно убит стрелой. Несколько Абсароков не успели встать, так и оставшись лежать под кустами, но теперь их груди и животы были утыканы множеством оперённых древков. Побоище продолжалось недолго, и Черноногие стремительно скрылись.

Из основной деревни примчался отряд во главе с Гнилым Брюхом. Сидящий Волк скакал за его спиной на лошади, подаренной ему кем-то из молодёжи специально для похода. На нём не было никаких украшений, мускулистое тело прикрывалось только узенькой набедренной повязкой.

— Я думаю, что в их гибели виноват ты, — повернул Гнилое Брюхо голову в сторону Сидящего Волка, тряхнув длинными волосами, и в его чёрных глазах вспыхнул огонь.

— Разве я ходил на разведку и не обнаружил вражеских следов? Или я знал о Черноногих, но не предупредил моих братьев? — поразился Сидящий Волк.

— Нет. Ты выбрал путь святого человека, но ты не смог остаться в стороне от войны, — глухо проговорил вождь. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь ещё подумал об этом… Оставайся в стороне от всех… Ступай и молись, мой друг. Молись за то, чтобы Великий Дух не наказал всех нас ещё более жестоко за твоё отступничество…

Оплакивание продолжалось три дня, и тела погибших оставили навеки лежать на помостах посреди чужой земли. Многие полагали, что Гнилое Брюхо повернёт обратно, но его неистовый дух, схожий с дикой угрюмостью Сидящего Волка, не желал смириться с нанесённым его родному племени оскорблению.

— Мы поедем дальше. Теперь нам не столько важен форт белых людей с их товарами, сколько нужно устроить крепкую взбучку этим трусливым псам с чёрными ляжками! Мы дойдём до форта и подкараулим там Черноногих! Мы напьёмся их кровью досыта! — разъезжал между поникшими соплеменниками на своём жеребце Гнилое Брюхо, распаляя их сердца. — Или мы не ставим ни во что

жизни погибших братьев? Взгляните на овдовевших жён! Посмотрите на детей, лишившихся отцов! Кто же отомстит, если не мы, друзья и родные, за гнусное убийство?

Через несколько дней выдвинувшийся вперёд отряд повстречал белого траппера по имени Джеймс Коатс, несколько лет прожившего среди Абсароков и потому прекрасно им знакомого. Он возвращался из Скалистых Гор после весенней охоты на бобров в форт Юнион.

— Лучшего подарка свыше мы и не могли ждать, — оскалился Гнилое Брюхо, подъехав к одиноко стоявшему в стороне Сидящему Волку. — Мы отправим нашего Бледнолицего друга в крепость, и он разнюхает для нас, насколько сильны сейчас люди за деревянной стеной.

— Почему ты думаешь, что он вернётся к нам? — мрачно спросил Волк, размышляя о своём личном деле.

— Мы оставим все его вещи у нас, чтобы он приехал за ними. У него много вещей, и они нужны ему…

В те годы белые люди, торговавшие с окрестными туземцами, регулярно раскуривали с дикарями трубку в знак своих мирных намерений. Торговля пушниной была делом прибыльным, и сохранение дружеских отношений с аборигенами было крайне необходимо для развития коммерции. Однако, несмотря на проявляемую доброжелательность, струна настороженности оставалась натянутой постоянно. Форт Юнион был сложен из брёвен в виде квадрата с крепкими жилыми и складскими пристройками вдоль частокола и двумя бастионами, на каждом из которых стояла маленькая пушка, а также всегда имелись несколько заряженных мушкетов.

Зимой в крепости должно было оставаться человек пятьдесят, но на самом деле большая часть их спускалась вниз по Миссури на плоскодонках с приобретёнными у индейцев шкурами и мехами. Так что до поздней весны действительный гарнизон форта составлял человек пятнадцать. Летом по реке привозились необходимые запасы продовольствия, боеприпасы, товары для торговли с туземцами, появлялось множество новых людей, основная масса которых спешила возвратиться на восток с приближением осени. Летом же приезжали многочисленные Черноногие, успевшие поторговать в английских фортах, стоявших несколько севернее.

Гнилое Брюхо спешил подступить к форту, пока Черноногие

находились далеко. Несмотря на свою горячность и на громкие бравурные речи, вождь прекрасно понимал, что стоять лагерем на земле врагов, способных раздавить Ворон одной своей многочисленностью, было очень опасно. Он готов был сразиться с ними, применяя привычную тактику неожиданных партизанских нападений и даже открытых столкновений, но сейчас с ним ехали женщины, старики, дети, втягивать которых в боевые игры дикари никогда не любили. Бурные призывы к отмщению постепенно вытеснялись трезвым подходом к сложившейся обстановке.

Вороны расположились на противоположном от форта берегу Миссури и, оставшись незамеченными Бледнолицыми, принялись изучать поведение жителей крепости. Дозорные на бастионах оставались на своих постах днём и ночью. Табун выводился из форта на выпас лишь на несколько десятков шагов от ворот, чтобы в случае необходимости немедленно загнать лошадей обратно.

В день, когда Гнилое Брюхо решился на угон табуна, Сидящий Волк отправился с воинами к стенам укрепления, чтобы молиться за успех молодых соплеменников. Просидев всю ночь в кустарнике близ реки, индейцы ползком подкрались к лошадям, едва их вывели за ворота. С привязанными к спинам волчьими шкурами, дикари были совершенно похожи на серых хищников, и не сразу обнаружили в себе людей. Когда же охрана увидела, как на их лошадей вспрыгнули словно из-под земли возникшие индейцы, было уже поздно. Пяток выстрелов вдогонку не спас положения, и табун умчался вниз по склону холма, подняв клубы пыли, зажелтевшие в лучах утреннего солнца.

Сидящий Волк наблюдал за действиями воинов немного со стороны, распластавшись в шелестящей траве. Среди людей, выбежавших из ворот, он сразу признал Молчуна.

— Вот и ты, мой друг и мой враг, — прошептал он. — Теперь я знаю наверняка, что тебе не избежать моей мести.

Фигурки людей в куртках из грубой кожи взволнованно жестикулировали, не зная, что предпринять. Преследовать конокрадов было не на чем, да и опасно — уж коли дикари решились на открытое воровство, то запросто могли устроить и засаду.

И тут Бледнолицые застыли, всматриваясь куда-то. Сидящий Волк обернулся и увидел своё племя, пёстрой массой разлившееся по равнине. Абсароки решили показать себя и перебрались на этот

берег. Разделившись на три группы, они расположились с трёх сторон от форта вне досягаемости пушечного выстрела.

Ближе к полудню к воротам подъехал мелкой рысью Джеймс Коатс, что-то крикнул, и его впустили внутрь, слегка приотворив ворота. При этом люди на сторожевых башнях держали ружья наготове, прощупывая глазами каждую пядь земли вокруг ворот. Сидящий Волк, как и все дикари, не мог знать, о чём шла речь за бревенчатыми стенами и не представлял, что Коатс подробно рассказал осаждённым о планах Вороньего Племени.

— Они намерены держать вас в окружении до изнеможения. Гнилое Брюхо утверждает, что его не интересуют белые, но нужны здешние товары. Он чем-то разъярён, успел крупно столкнуться с отрядом Черноногих и потерял двух своих лучших вожаков. Не представляю, как быть…

— Мы будем ждать, терпеливо ждать, — твёрдо ответил Калберстон, возглавлявший гарнизон. Он обвёл глазами собравшихся и улыбнулся. — Вскоре должны приплыть лодки с товарами и боеприпасами. Появится множество новых людей. И Черноногим срок подошёл прийти сюда. Мы будем ждать, что бы там ни было. Провизии у нас маловато, но я уверен, что мы продержимся.

— А что ещё делать? — пожал плечами Молчун Дюпон и обернулся на Лесное Лекарство, сидевшую перед входом в бревенчатый дом и равнодушно глядевшую на кипящую в котелке похлёбку.

— Ты останешься с нами? — обратился Калберстон к Коатсу.

— Нет, хочу вернуться к Воронам. Они забрали мои вещи, а у меня там уйма бобровых шкурок, жаль терять хороший товар. Немного отдохну здесь и поеду обратно. Нужно только придумать, что им сказать, когда расспрашивать меня начнут. А уж Гнилое Брюхо обязательно завалит вопросами, что тут у вас и как…

— Скажешь, что богатства у нас нет никакого, потому как лодки с товарами ещё не пришли, а с провиантом и боеприпасами всё в полном порядке. Дикари не должны знать, что у нас еда на исходе…

Беда заключалась в том, что запасы провизии, включавшие муку, хлеб и бекон исчерпались почти два месяца назад, но это не поставило бы гарнизон в затруднительное положение при иных обстоятельствах. В форте было достаточно умелых охотников, а дичь бродила в округе в изобилии. Но теперь под стенами форта

стояли индейцы, не позволявшие выйти за стены, поэтому всякая охота отменялась. Это означало приближение голода.

Через пару дней к воротам подъехал Гнилое Брюхо в окружении двух десятков мускулистых мужчин и попросил его впустить внутрь. Справа от него ехал на низенькой лошадке Сидящий Волк. Его обнажённое тело было смазано золой, а длинные волосы густо покрыты жиром, что делало их тяжёлыми и почти неподвижными.

— У меня нет вражды! — закричал Гнилое Брюхо. — Я здесь в поисках Черноногих. Я несу войну к ним.

— Какого дьявола тогда твои головорезы угнали наш табун? — спросил Калберстон через Молчуна, выглядывая через частокол. — Зачем вы обложили нас со всех сторон?

— Я верну лошадей. У нас много своих замечательных коней, зачем нам ваши? Но впустите нас к себе, мы хотим выкурить трубку, хотим говорить о мире…

— Не считай меня за глупца, вождь. За твоей спиной стоит целая свора вооруженных бандитов. Неужели ты думаешь, что я совсем ничего не понимаю? Нет, ступайте обратно. Мы поговорим, когда у вас в глазах не будет гореть жажда крови.

Индейцы покружили перед воротами ещё некоторое время и неторопливо двинулись обратно. Но Сидящий Волк остался. Он медленно слез с коня, не спуская глаз с Молчуна, смотревшего на него сквозь заострённые вершины брёвен.

— Как твои дела, мой друг? — спросил Марсель без всякой радости в голосе.

— У меня всё прекрасно, а вот у тебя плохо, — громко ответил дикарь и остановился на широко расставленных ногах. Длинная красная набедренная повязка свисала до его голых колен. — Почему ты украл мою дочь?

— Разве тебе есть дело до твоей дочери? Ты ведь покинул семью, отрёкся от неё в пользу Великого Духа. Что же касается Лесного Лекарства, то я не украл её, а дал хороший выкуп твоим родственникам, к которым она переселилась. Так что не заставляй меня становиться твоим врагом, Волк. И не забывай, что я дважды спасал твою жизнь…

Дикарь продолжал стоять неподвижно. В эту минуту над частоколом показалось лицо Лесного Лекарства. Увидев её, Сидящий Волк вытаращил глаза и издал страшный крик подраненного зверя. Всё тело его содрогнулось.

— Выходи ко мне, Большое Крыло! Я хочу убить тебя! Ты

оскорбил меня!

— Перестань молоть чепуху, — бросил в ответ Молчун на английском языке и добавил на понятном индейцу наречии: — Твоя душа охвачена безумием, брат. И я понимаю тебя. У нас одинаковая болезнь. Но есть одна разница. Ты не имеешь права на Лесное Лекарство. Твоя женщина с тем же именем скончалась. А эта женщина моя… Впрочем, я могу выйти к тебе…

Через минуту ворота слегка отворились и Марсель протиснулся наружу, держа карабин наперевес. Дальше всё произошло очень быстро.

Сидящий Волк выхватил из-за спины спрятанный нож и кинулся к белому человеку. Но ему удалось сделать не более пары шагов, как громыхнул выстрел, и пуля ударила индейца в голову.

— Вот и всё, брат мой, — проговорил Молчун, опуская оружие.

Едва Сидящий Волк свалился, с берега реки с громким клёкотом прилетел крупный орёл и опустился на грудь убитого. Некоторое время он сидел неподвижно, как изваяние, развернув крылья тёмным веером, затем вдруг поднялся в воздух и скрылся.

Гнилое Брюхо обернулся на звук выстрела, но не успел заметить падения Сидящего Волка. Он различил лишь поднявшегося из травы орла.

— Смотрите! — воскликнул он. — Великий Дух не позволил Волку сойти с пути святого человека. Великий Дух знал, что он хотел вновь взяться за оружие, но это грозило бы ему сильным наказанием, потому что Сеятелю Табака не дозволено жить войной. И вот Он превратил Волка в орла. Вы видите, какая большая птица летит? Это истинный дух Сидящего Волка, дух воина…

Через две недели в рядах Ворон наметилось движение, и племя вскоре снялось с места. Оказалось, что их разведчики обнаружили передовой отряд Черноногих, ехавший в сторону форта, а за ним двигалась целая лавина врагов, с которыми Вороны не рискнули помериться силой[7].

— Похоже, наши неприятности закончились, — подошёл Молчун к Лесному Лекарству. — Любопытно узнать, что будет дальше.

— Будет то, что задумал Творец. Будут испытания, через которые каждому из нас суждено пройти, чтобы закалиться, — спокойным голосом ответила индеанка.

Сидящий Волк не был погребён должным образом, так как во время осады никто из белых людей не решался надолго выйти за пределы форта и заняться могилой. Стервятники обклевали труп,

оставив под жарким солнцем лишь белые кости, которые по окончании блокады Лесное Лекарство собрала в кожаный мешок и зарыла на берегу реки. Над местом захоронения она установила шест, обмотанный на макушке красной тряпкой, и привязала к нему связку кукушечьих и вороньих перьев.

Глядя на останки человеческой плоти с почерневшими клочками мяса, которые птицы терзали кривыми клювами, Молчун чувствовал, как тягостное напряжение внутри него медленно рассасывалось, несмотря на непростую ситуацию, в которой оказался форт. Были мгновения, когда душа озарялась светом умиротворения, и жизнь представлялась Молчуну тихой заводью с нерастревоженной гладью воды. Неясные тени, то и дело поднимавшие бесформенные головы, отступали в сиявшую утреннюю даль.

Оборачиваясь к Лесному Лекарству, Марсель Дюпон слышал, как сердце его заполнялось радостным биением. Мучительная животная страсть улеглась. Прикасаясь ладонью к лицу индеанки, Молчун с удивлением вслушивался в собственные чувства, постоянно ощущая нежный трепет, столь не свойственный жителю прерий и гор, и улыбался сам себе.

P.S.

Летом 1835 года Лесное Лекарство родила Марселю Дюпону сына и назвала его Марсель. Осенью они отправились вниз по Миссури с флотилией барж, нагруженных товарами из форта Юнион. Неподалёку от устья реки Титон плоскодонка, на борту которой плыл Молчун с семьёй, села на песчаную отмель и была обстреляна Дакотами. Молчун получил две смертельные раны и скончался в тот же день, повторяя в бреду имя какой-то Жозефины и проклиная её. Нападавшие не уехали, но расположились на расстоянии, недосягаемом для пуль. По словам очевидцев, жена Молчуна вышла на берег, неся на руках младенца, и направилась к Дакотам. Они всполошились и внезапно скрылись. Индеанка возвратилась к барже и попросила перенести умирающего мужа на твёрдую почву, принесла из прерии бизоний череп и положила его у головы Молчуна. Здесь воспоминания лодочников расходятся: одни настаивают на том, что она завернула

в бизонью шкуру уже мёртвое тело, другие утверждают, что Марсель ещё дышал, когда Лесное Лекарство стала укутывать его в покрывало и завязывать ремнями. Как бы то ни было, Марсель Дюпон по прозвищу Молчун и Большое Крыло навеки остался лежать на берегу Миссури. Лесное Лекарство вернулась на посудину и поплыла дальше. Поговаривали, что её пригрел капитан. Впрочем, это лишь слухи, но наверняка известно, что она добралась до Большого Изгиба. Кое-кто из трапперов утверждал, что в форте Лукаут видел невероятной красоты скво из Вороньего Племени.

В 1845 году Беркли Симсон, контрабандный торговец спиртом, попал в деревню Дакотов где-то в верховьях реки Шайен и встретил среди них женщину, которую все почитали за великую колдунью и утверждали, что она умела сохранять молодость и совсем не старела. Её называли Горячими Глазами, Матерью Орлов, Стоящей Женщиной и Лесным Лекарством. По его словам, глядя на неё, он прежде всего ощутил страшное желание упасть к её ногам и молить её уехать с ним, затем ему сделалось страшно. Трудно сказать, была ли эта индеанка женой Молчуна, но у неё был сын, носивший какое-то европейское имя.

В 1854 году среди воинов общества Лисицы появился молодой боец, называвший себя Большое Крыло. Дакоты рассказывали, что он не был чистокровным индейцем — его мать происходила из племени Ворон, а отец был белым. Отправившись в поход против Ворон, он привёл оттуда пленную девушку и сделал её женой. Родившуюся дочь Большое Крыло назвал Лесным Лекарством, а сына — Белым Вороньим Человеком. Лейтенант Доан указывал в своих мемуарах, что на переговорах в форте Ларами он познакомился с воином из племени Дакота, который называл себя Марсель Большое Крыло. «Он был метисом, этот стройный и очень красивый молодой человек, и утверждал, что носил полное имя своего отца. Он никогда не видел своего белого отца, так как тот погиб чуть ли не в год его рождения. Мать же оставила Марселя, едва почувствовала в нём достаточно силы для самостоятельной жизни. Он утверждает, что она умеет колдовать, поэтому без страха путешествует по равнинам».

В 1877 году путешественник Кларк Эриксон оставил в своём дневнике запись о том, что среди Шайенов жила таинственная женщина по имени Стоящая Женщина. «Она считалась женой Разбитой Плошки, которому лет десять назад Хранитель Священной Бизоньей Шапки передал мистические знания. Мне удалось

выяснить, что года четыре назад из-за Священной Бизоньей Шапки в племени разразилась ссора. Какой-то из Шайенов объявил, что Разбитая Плошка и Стоящая Женщина не имели права по какой-то непонятной мне причине быть Хранителями. Было много шума, в дело вмешались даже воинские общества. Тогда Стоящая Женщина разъярилась и велела Разбитой Плошке отдать Священную Шапку тому, кто на неё претендовал. Вопрос казался улаженным, но многие ждали беды, так как знали, что Стоящая Женщина обладала огромной силой. Через несколько дней на какой-то церемонии новый Хранитель с ужасом обнаружил, что на Священной Бизоньей Шапке не хватало одного рога и пропали ещё какие-то детали. С тех пор якобы на племя не прекращали обрушиваться несчастья. Но интересно не это. Когда я попросил, чтобы меня свели с той колдуньей, мне объяснили, что на самом деле в резервации жила вовсе не та Стоящая Женщина, которая испортила шапку, а другая. Но и та, что была здесь, не пользовалась популярностью, потому что в ней текла кровь какого-то другого народа. Одним словом, история любопытная, но слишком смутная».

Трудно решить, имела ли Стоящая Женщина отношение к матери Большого Крыла, которая среди Дакотов, помимо прочих прозвищ, носила и кличку Стоящая Женщина.

Сам же Большое Крыло погиб в 1876 году на берегу Маленького Большого Рога, сражаясь с генералом Кастером. Некоторые из индейцев утверждали, что он никогда не стремился к общению, был нелюдим и этим очень напоминал боевого вождя Оглалов по кличке Неистовая Лошадь. Его сын Марсель остался в лагере Неистовой Лошади и погиб в 1877 году при нападении солдат на лагерь Оглалов в Волчьих Горах, а его дочь Лесное Лекарство прошла сквозь резню на ручье Раненое Колено в 1890 году и скончалась в 1910 году. Она успела родить трёх детей, но двое умерли в младенчестве от голода. Третья дочка выстояла, и Лесное Лекарство сумела переправить её в резервацию Абсароков, куда после смерти Большого Крыла уехала жить к родственникам его жена и где условия существования казались более благоприятными. Девочку звали Красная Лошадь, и когда она попала к своей бабушке, Абсароки посчитали, что её приезд был добрым для них знаком. Вероятно, они имели в виду давнюю легенду о Красной Лошади, которая покинула их народ, но обещала возвратиться и принести с собой сытое и беспечное время.

Если в перечисленных фактах нет никакой ошибки, то Красная

Лошадь действительно была правнучкой Марселя Дюпона, известного под именем Молчун. Это означает, что род одинокого бродяги не прервался, хоть и сильно перемешался в разноплеменной крови, и его потомки вполне могут жить среди нас и поныне. Кто знает?

Страницы из дневника Джона Брауна

«Вот мы и добрались до Вороньего Племени. В деревне очень много собак, весьма агрессивных и похожих на волков, которых нужно беспрестанно отгонять палками и камнями. Вокруг стойбища щиплют траву тысячи лошадей. Говорят, что ни у одного племени на Миссури нет таких огромных табунов. Индейцы обоих полов и всех возрастов находятся в постоянном движении. Меня изучают на каждом шагу, чего не скажешь о Марселе. Иногда внимание дикарей становится по настоящему назойливым и даже беспокойным. Какой-то краснокожий настойчиво хватал руками висевший у меня на шее компас, и я знаками показывал ему, что не собираюсь меняться. Дикарь заметно разозлился, и не представляю, чем закончилось бы, если бы не Марсель.

Меня поразил внешний вид их жилищ. Палатки Ворон, как и у Черноногих, состоят из двадцати или тридцати сосновых жердей, составленных конусом и покрытых шкурами, но шкуры эти выделаны настолько искусно, что кажутся белоснежными. Одежда Ворон тоже отличается белизной, в то время как у Черноногих костюмы всё больше коричневого цвета. По таким светлым нарядам Ворон можно узнать сразу с большого расстояния.

Индейцы-Вороны выглядят очень привлекательно. Они положительно отличаются высоким ростом, чего не скажешь о Черноногих и Манданах. Остальных дикарей мне удалось видеть лишь с борта парохода, так что судить о них сейчас не возьмусь… Вот особенность — если мужчины Ворон кажутся с первого взгляда выразительными, если не сказать красивыми, то женщины их весьма невзрачны, если не сказать, что уродливы.

Как и другие краснокожие, Вороны любят, чтобы их волосы были длинными. Цивилизованному человеку трудно представить, что волосы могут свисать до самой земли, но тут таких много. Кажется невероятным, что люди способны уделять столько времени

и внимания своей шевелюре. Индейцы обязательно смазывают волосы жиром и тщательно расчёсывают их перед выходом из дома. Подавляющее большинство женщин делает пробор над лбом и покрывает его ярко-красной краской или глиной».

***

«В форте мне рассказывали, что Вороны — самые гордые индейцы, что они презирают белых людей, часто грабят их, но не убивают. Кто знает? К моему присутствию они привыкли быстро и вскоре перестали меня замечать».

***

«Любопытно, что многие жилища Ворон украшены по окружности бахромой из вражеских скальпов. При этом мужчины не считают добытый скальп трофеем, заслуживающим внимания. Мне посчастливилось недавно присутствовать на одной сходке, где воины рассказывали о своих боевых подвигах. Они перечисляли угнанных у врагов лошадей, вспоминали полученные раны, подробно указывали, кто сколько раз возглавлял военные отряды, как много врагов удалось сразить, но никто ни разу не похвалился снятым скальпом. Не удивительно ли? Эти скальпы висят себе на шестах тут и там, как вполне естественные украшения, и никто не обращает на них внимания».

***

«Вороны безумно суеверны. То и дело в деревне встречаются странные субъекты, исполняющие какие-то ритуалы, они чем-то дымят, гремят трещотками, свистят костяными свистками, зажатыми в зубах. Ночами и вечерами обязательно слышны песни, колотят барабаны.

Сегодня видел голого индейца, сплошь покрытого белой глиной. Он сидел на окраине лагеря возле длинного шеста, воткнутого в землю. К шесту были привязаны три буйволиных черепа с рогами, покрытыми красной глиной. Перед человеком дымились какие-то палочки, обмотанные травой. Я хотел подойти поближе, но проходившие возле меня Вороны остановили меня чуть ли не ударами палки. Оказывается, к нему не разрешалось приближаться никому.

Когда Вороны курят трубку, никто никогда не затянется более трёх раз и обязательно передаст трубку влево по кругу, каким-то

особым манером покрутив её перед собой.

Отправляясь в поход, Вороны строго соблюдают правила, нарушение которых может повлечь провал военной экспедиции. Так, например, никто не может объезжать справа (или слева — это уж как укажет священное видение) хранителя магического свёртка, в котором уложены различные амулеты… Никто из участников похода не имеет права посмотреть назад».

***

«Сегодня в деревню въехал отряд, возвратившийся из похода. Его возглавлял некий Белый Лось. Он погиб от удара копья, и его привезли на волокушах. Но сначала в стойбище въехал гонец, держа над головой красное одеяло. Это означало, что в отряде один убитый. Сколько раз гонец поднимает одеяло — столько погибших. Затем он спрыгнул на землю и стал ждать, когда к нему подойдут люди, чтобы разузнать подробности. Отряд же в это время ждал где-то на соседнем холме. Начался жуткий плач. Несколько женщин на моих глазах отрубили себе кончики указательных пальцев. Многие вымазали свои лица золой. Такого кошмара я никогда не видел прежде.

Вороны убеждены, что жизнь соплеменника — самый ценный дар, поэтому она должна быть сохранена любым способом. Вороны не любят рисковать понапрасну и считают, что бессмысленные жертвы не нужны и смерти надо по возможности избегать. Разумеется, есть и горячие головы, которые пренебрегают опасностью и рискуют собой ради того, чтобы похвалиться своей ловкостью и подаренной им свыше сверхъестественной неуязвимостью.

Обычно Вороны собираются в поход, когда кому-то привидится вещий сон. Во сне индейцы видят чуть ли не мельчайшие детали предстоящего похода. Мне в такое поверить трудно, но излагаю то, что слышал. Организатор отряда обращается к человеку, который считается специалистом в военной магии, и получает от него необходимые указания.

Чаще всего отряд выступает ночью. Если это поход за лошадьми, то Вороны отправляются пешком. Впереди идёт начальник отряда, за ним следуют разведчики, а после них — воины. Разведчики покрываются волчьими шкурами, за что их нередко называют волками…

Отправляясь в поход за лошадьми, Вороны считают, что

достойнее отвязать одну лошадь врага, стоящую возле палатки владельца, чем взять дюжину свободно пасущихся коней.

Убийство врага считается почётным, но даже самое лёгкое прикосновение к противнику специальным жезлом ценится гораздо выше. Похоже, что главный смысл войны для этих странных людей — игра с опасными поворотами. Отвага вызывает максимальное восхищение соплеменников».

***

«Сегодня видел, как Солнечный Шест перебирал и разглядывал всякие свои побрякушки. Среди прочих я усмотрел человеческие зубы. Я выяснил, что Солнечный Шест получил их от шамана. Зубы принадлежали умершему знаменитому воину Ворон и таили в себе часть силы того воина. Кому-то достались стрелы покойника, а Солнечный Шест взял выдернутые зубы».

***

«Вчера был буйный праздник по поводу успешного рейда за лошадьми. Никто из Ворон не погиб, поэтому племя торжествовало. Лучшие певцы собрались по этому поводу. Барабаны гремели всю ночь. Каждый, кто дотронулся до врага и тем самым заработал себе славу, исполнял свою собственную песню и получал подарки от соплеменников. Во время танцев герои вывели в круг своих жён и положили им на головы свои амулеты, так они и плясали. Вождь отряда привязал к копью сумку со своим оберегом и вручил копьё жене, она же подняла его высоко над головой, чтобы все смогли увидеть священную сумку.

Утром, задолго до восхода солнца, вся деревня проснулась, хотя большинство дикарей вовсе не ложились, и люди пробрались в палатки героев. С громкими криками индейцы стащили с воинов покрывала, подняли пологи палаток, чтобы все собравшиеся видели своих героев. Кое-кто из воинов в это время совокуплялся со своими жёнами, но никого это не остановило, потому что такова природа первобытного веселья. И всё стойбище вновь пустилось плясать, опять забили барабаны».

***

«Я выяснил, что у Ворон есть множество разных воинских обществ: Лисицы, Большие Собаки, Грязевые Руки, Быки, Горячие Танцоры, Безумные Псы, Табачники, Танцоры Священной Трубки,

Медведи, Бритые Головы и несколько других. Каждое из обществ имеет свои правила, обряды, песни. Но всё это настолько сложно, что я не скоро разберусь в тонкостях».

***

«Из похода вернулся Два Бобра, и я услышал странную историю. Он уезжал один, никого не позвав с собой, потому что так повелел его невидимый помощник. Возле поселения Сю Два Бобра наткнулся на женщину, справлявшую нужду, и он сразу убил её. Сегодня все чествуют его. Похоже, для них нет особой разницы, кого убить, важен сам факт.

На одной из воинских сходок я слушал рассказы стариков. Очень дряхлый индеец по кличке Язык Буйвола вспоминал, как однажды его отряд одолел Черноногих, соорудивших укрытие из брёвен и камней. Когда враги были повержены, Вороны подвесили их трупы на деревьях и состязались в меткости, используя мертвецов в качестве мишени. Тот же Язык Буйвола поведал, как однажды застал врасплох влюблённую парочку Сю и пронзил их копьём насквозь. Он не поленился соорудить волокуши и привёз убитых в свой лагерь, где выставил окровавленные тела напоказ. Всех очень позабавило, что половой орган юноши так и остался внутри своей избранницы.

Иногда меня тошнит, когда я слушаю их воспоминания».

***

«Никогда не думал, что у людей так много извращённостей. Глядя на Ворон, не перестаю удивляться. В этой деревне целая группа мужчин постоянно одевается в женские платья, и некоторые из них, как я слышал, даже считаются чьими-то жёнами… У воина по имени Нож есть три нормальные жены и один мужчина-жена».

***

«К деревне присоединилась ещё одна родовая группа. Среди новоприбывших я углядел молодую женщину невероятной красоты. Её отец — очень крепкий мужчина с суровым лицом и мрачным взглядом…

Мы перебираемся на новое место. Что-то подсказывает мне, что впереди меня поджидают любопытные события»…

Май — июль 1996
Орегон — Калифорния

Оленьи Годы

[1] Принц Максимильян был поражён изобилием отклонений в сексуальной жизни Абсароков и замечал в своих мемуарах: «Среди них есть много гомосексуальных людей, и они превосходят другие племена в неестественной половой практике». Генри Александр писал в 1806 году: «Мне сообщили, что их воины более других пристрастны к вожделениям ненормального характера и не стесняются удовлетворять свою похоть с мужчинами или даже с только что убитыми животными». Священник Де Смет упоминал о знакомом Абсароке, который, «согласно указаниям своего мистического видения, оделся в женское платье и возложил на себя выполнение всех женских обязанностей, столь презираемых мужчинами». В 1912 году белые чиновники обнаружили в резервации Абсароков трёх мужчин, которых индейский агент под страхом наказания пытался заставить не носить женские одежды, но не преуспел в своих стараниях. Доктор Дюпуи высказывался по этому поводу: «У всех древних народов общение полов было данью природе. Скотоложество и педерастия представляли собой довольно обыденное явление, и против этих пороков не было других средств борьбы, кроме церемоний искупления и очищения».
[2] Туземные племена делали щиты из продублённой над углями костра кожи, достигая в этом искусстве удивительного мастерства. Редкий боец мог пробить подобный щит стрелой, щит был достаточно крепок, чтобы отразить удар боевого топора и копья. Но основным достоинством щита была не крепость выделанной кожи, а нанесённые на его поверхность магические символы и привязанные амулеты. К сожалению, охранительная система первобытных индейцев находилась в той же плоскости координат, что и боевые искусства древних восточных рукопашных бойцов, которые, умея остановить голыми руками удар острейшего меча, не смогли переориентироваться на чужеродную систему смертоносных сил, то есть на огнестрельное оружие. Традиционный священный щит быстро вышел из употребления с появлением ружей.
[3] «Зерно играло очень важную роль в древних мистериях. „Погребение“ зерна в земле, его „смерть“ и „воскресение“ в виде зелёного побега символизировали всю идею мистерий. Зерно аллегорически изображало человека. В елевсинских мистериях

каждый кандидат в посвящение нёс в особой процессии зерно пшеницы в глиняной чаше. Тайна, которую открывали при посвящении, заключалась в том, что он может просто умереть, а может восстать, как зерно, восстать к какой-то новой жизни. Природа необыкновенно щедра, почти расточительна. Она создаёт колоссальное количество семян, чтобы немногие из них могли прорасти и нести жизнь дальше. Если смотреть на человека, как на зерно, то становится понятным „жестокий“ закон, который постоянно подчёркивается в Евангелии, значительное большинство человечества — не более чем мякина, которая подлежит сожжению» (Успенский П. Д. «Новая модель вселенной»).

[4] Эдвин Дениг, часто встречавшийся с Воронами по торговым делам и хорошо знавший жизнь этого племени, сообщал в своей книге: «Отыскать добродетельную женщину в племени Ворон оказалось столь трудно, что индейцы решили вовсе отказаться от давней традиции, дабы не устраивать лицемерного спектакля из священного действа. Однако решили попытаться отыскать хотя бы одну девственницу на всё племя и поручить ей торжественный выход. Не меньше трудностей было и с мужчинами, так как участнику требовалось прилюдно провозгласить, что он не спал ни с кем из жён своих родственников, а это предполагало чуть ли не аскетический образ жизни Ворон».

[5] Г н и л о е Б р ю х о единодушно признавался одним из популярнейших вождей Абсароков. В августе 1825 года на подписании первого договора между Абсароками и Соединёнными Штатами он был назван вторым по рангу вождём племени. Он, кстати сказать, выступал изначально против соглашения. В 1833 году принц Максимильян был свидетелем того, как Джон Сэнфорд вручил Гнилому Брюху медаль. В своих записках Максимильян отмечал, что вождь был высоким мужчиной, производил очень приятное впечатление и пользовался большим влиянием среди своих людей.

[6] Подобное беззаботное продвижение не осталось незамеченным. Крупный военный отряд Черноногих в 150 человек под предводительством Пятнистого Лося обнаружил племя Ворон именно из-за спугнутого стада бизонов. Ворон спасла их численность: если бы они не шли целым племенем, то беспечность

привела бы к их полному разгрому. Отряд Черноногих не решился напасть на основную группу и нанёс удар лишь по разведчикам Маленького Белого Медведя.
[7] Осада форта Юнион произошла в июне 1834 года. В письме Кеннету Мак-Кензи от 17 сентября 1834 года Гамильтон сообщал, что гарнизон вынужден был в течение пятнадцати дней потреблять в пищу кожаные ремни.

Оленьи годы

«Умереть — уснуть!
И видеть сны, быть может?
Но что за сны увидим в смертном сне?»

Вильям Шекспир

«Я не зажимаю себе рот,
С кишками я так же нежен,
как с головою и сердцем,
Совокупление для меня так же
священно, как смерть.
Верую в плоть и её аппетиты».

Уолт Уитмен

Если кто-то помнит времена, когда люди понимали слова зверей, то легко воскресит в сердце удивительные мгновения, когда приближение к вам любого четвероногого или пернатого существа было понятно и не вызывало вопросов, все их намерения были ясны, голоса знакомы и приятны. Всё кануло в далёкое прошлое, но я прекрасно помню, как это было… Волк-С-Опущенными-Ушами, Щит Быка, Горный Ворон, Много Лошадей, Безумная Ворона, Два Простреленных Бока — я помню этих сильных людей, я вижу пронзительные взгляды их блестящих глаз, я слышу их твёрдые голоса, я слышу речь Черноногих… Ту пору индейцы вспоминают как годы изобилия, годы бизонов, годы оленей.

Время, с которого я начну моё повествование, Черноногие из клана Старого Волка называли Летом-Когда-Был-Убит-Сумасшедший-Волосатый-Мужчина, но чаще вспоминали как Лето-Когда-Пятеро-Погибли-От-Рук-Кри. Согласно христианскому летоисчислению, подходил к концу август 1805 года. Приближался сентябрь — Месяц-Когда-Ветер-Срывает-Листья-С-Деревьев.

В те солнечные дни Горный Ворон объявил о сборе военного отряда. Этот крепко сложенный мужчина лет тридцати не сказал никому, что заставило его собраться в поход, но молодые индейцы давно уже тяготились бездельем и с удовольствием присоединились

к нему, не задавая вопросов. Они готовы были драться с кем угодно, лишь бы дать волю горячей крови, кипевшей в жилах.

Горный Ворон молча обнял круглолицую жену, которую звали Неподвижная Вода, и сел на коня. Жена была единственным человеком, кому Горный Ворон открыл причину отъезда. Дело было в том, что во сне к нему прилетел ветер жёлтого цвета. Ветер превратился в золотистого орла и понёс индейца через леса вниз по течению Большой Реки. Когда орёл опустил его на землю, Горный Ворон увидел перед собой голого мужчину, покрытого волосами по всему телу и особенно на лице. Мужчина злобно кричал и лаял, как обезумевшая собака. Горный Ветер проснулся, когда волосатый человек бросился на него с ножом.

— Я не знаю, что означает этот сон, — сказал индеец жене, — но орёл указал мне путь, и я отправлюсь туда, чтобы найти Сумасшедшего Человека.

Над лагерем парил орёл — посланник Великого Духа. Возможно, он хотел поведать что-то людям, предупредить о чём-то. Но Черноногие из общины Старого Волка были слишком заняты сборами и не обращали внимания на могучую птицу. Орёл летал над палатками, стоявшими по кругу, будто исполнял ритуальный танец, двигаясь по символическому кольцу жизни.

— Будьте осторожны, — сказал Горный Ворон мужчинам, оставшимся в стойбище. — Со мной уходит много воинов. Не теряйте бдительности…

— Не беспокойся, — вышел вперёд индеец по прозвищу Безлошадный, — не ты один умеешь слышать и видеть…

***

Здесь я вынужден перейти к рассказу об Эмили Гонкур, ибо этой девушке из благочестивой французской семьи предстоит стать главным действующим лицом моего повествования.

Она родилась в Сен-Шампиньи. Город возник в 1763 году на западном берегу Лесного Озера, то есть на самой границе канадских провинций Онтарио и Манитоба. Именно тогда окончательно определилась после Семилетней войны судьба французских колоний в Северной Америке. С установлением английского господства в Канаде возникло множество вопросов, связанных со статусом населения французского происхождения. Многие французы двинулись на запад, рискуя кончить жизнь под топорами диких племён. Среди таких переселенцев был Жюль

Гонкур, дед Эмили, прихвативший с собой восемнадцатилетнего воинственно настроенного сына по имени Люсьен. Когда страсти поутихли, Люсьен остепенился и занялся торговым делом. Сен-Шампиньи медленно перерождался из бревенчатой крепости в городочек с белыми домиками на английский манер. Люсьен Гонкур женился на дочери весьма процветавшего пушного дельца и превратился в настоящего семьянина. Жена родила ему сына и двух дочерей, младшей из которых была Эмили.

С точки зрения хорошо освоенных районов Канады и Соединённых Штатов, миниатюрный Сен-Шампиньи находился в дремучей глуши, но жители Сен-Шампиньи ничуть не считали себя выброшенными из настоящей жизни. Несмотря на то что в семьях, подобных Гонкур, бережно хранились традиции древних родов, нравы всё же менялись, упрощались.

Отец Эмили отличался широким гостеприимством и почитал за счастье угощать всех и каждого, не обращая особого внимания на социальную принадлежность. Когда же к нему приезжали из далёкого Монреаля важные гости, он подчёркнуто громким голосом говорил жене:

— Вели-ка принести мне чего-нибудь выпить. Только не того изысканного вина, какое пьют эти господа, — и он указывал на бутылку сент-эстефа, — а самого простого. Только не бургундское! Оно награждает подагрой всех, у кого её не было, и втрое усиливает её у тех, кто ею уже страдает…

— Вы тут заметно дичаете и стареете, мой друг, — слышал он обычно в ответ от кого-нибудь из гостей.

— Здесь глухой край, и он накладывает отпечаток. Тем не менее мы заметно изменяем его облик, хотя он яростно сопротивляется. Разумеется, мы влияем друг на друга, человек — на леса и горы, они — на человека. Но неужели вы хотите сказать, что мы совсем уж не похожи на цивилизованных людей? Не соглашусь. Взгляните на моих дочерей! Какая грация, какой ум! Единственное, чего им здесь не хватает, так это роскошных туалетов…

Мать Эмили придерживалась старых взглядов, и это особенно касалось воспитания дочерей. С самого раннего возраста она учила Эмили любить добродетель и ненавидеть пороки, утверждая, что, лишь следуя христианской морали, можно жить счастливо. Всё, что выступало за пределы установленных рамок, следовало презирать.

— Порок навлекает на нас презрение, а презрение порождает стыд и угрызения совести!

Воспитанное таким образом молодое поколение уже не могло поверить в то, что, когда толпы высланных из Франции проституток (так называемые «дочери короля») прибывали многочисленными партиями в Новый Свет, каждый холостяк, не женившийся в двухнедельный срок, лишался права на охоту и рыбную ловлю, а также права выменивать у индейцев бобровые шкуры. Теперь же казалось бредом, что не так давно родители молодого человека, достигшего двадцати лет или, девушки — шестнадцати лет, не вступивших в брак, обязаны были явиться с объяснениями к властям и уплатить штраф за уклонение от семейной жизни. Но всё это в прошлом. Нынче родители подыскивали своим детям подходящую пару без суеты, взвешивая денежную выгоду.

Эмили же, несмотря на всю строгость воспитания, слышала в себе властный голос женской природы, который призывал вовсе не к регулярным молитвам. Чувственное семнадцатилетнее тело требовало мужского вторжения, но сказать об этом вслух Эмили не посмела бы никогда.

Случилось так, что она познакомилась однажды со своим сверстником Беркли Торнтоном, который был единственным сыном владельца бакалейной лавки. Поговорив с юношей пятнадцать минут, она влюбилась в него совершенно безумным образом. Беркли был одержим желанием сделаться звероловом и не переставал мечтать о жизни в горах, рассказами о которой он питался ежедневно, сидя возле конторы по скупке пушного товара. Перспектива сделаться бакалейщиком его вовсе не устраивала.

На второй месяц знакомства с Беркли, изнывая от любовной лихорадки, Эмили отдалась юноше. Их страстные встречи стали ежедневными, и девушка внезапно осознала, что впущенное в тело сладкое мучение отравило её и навсегда разрушило спокойное течение жизни.

Однажды вечером мать встретила Эмили с мрачным лицом и, не говоря ни слова, грубо втолкнула в комнату и заперла на ключ.

— Не хватало нашей семье такого позора! — послышалось из-за двери шипение матери. — Встречаться с каким-то бакалейщиком, да к тому же англичанином! Будто нет в Сен-Шампиньи фамилии поприличнее, чем Торнтоны!

До полуночи Эмили ворочалась на постели и зарывалась в подушки, пытаясь успокоиться. Затем поспешно оделась, выбралась через окно и убежала к Беркли. Считанные минуты спустя они вдвоём проникли на общественную конюшню, запрягли

коляску и укатили прочь, целиком отдавшись безрассудному порыву.

Они мчались без остановки до тех пор, пока лошади не выбились из сил. После недолгого привала, проведённого в жарких объятиях, они оставили коляску и продолжили путь верхом, надеясь уйти как можно дальше. Эмили не сомневалась ни секунды в том, что Гонкуры снарядили за ней погоню, едва узнали о её бегстве.

***

— У нас с тобой совсем не осталось еды, — сказал Беркли, вытянувшись на спине.

— Значит, мы умрём от голода, но счастливыми! — звонко засмеялась Эмили, расстёгивая одежду своего возлюбленного. — Или же тебе придётся начать охоту на медведей. Я слышала, что у них вкуснейшее мясо! Похоже, мой любимый, ты начинаешь падать духом. Но ведь ты сам мечтал стать лесным охотником, разве не так? Что ж, настал час…

Девушка стащила с него панталоны и принялась раздеваться сама, пылко целуя обнажавшееся тело юноши.

Неподалёку послышался хруст веток, и из леса шагнул бородатый человек в тёмно-красной рубахе навыпуск, поверх которой была надета длинная куртка из грубой кожи.

— Ой! — воскликнула Эмили и сдвинула белые ноги.

— Эй, не приближайтесь к нам, пожалуйста, — неуверенно выкрикнул Беркли в сторону незнакомца и на карачках пополз к лошадям, возле которых лежала на земле сумка со спрятанным там пистолетом.

Глядя на Беркли, Эмили невольно захихикала — уж очень забавно он смотрелся, голый, на тонких согнутых ногах.

Бородатый незнакомец медленно подошёл к растерявшимся влюблённым, почти равнодушно скользнул прозрачными глазами по худой фигуре юноши, и остановился перед Эмили, которая внезапно ощутила нестерпимый ужас и вся сжалась.

— Сэр, оставьте нас, — промямлил Беркли, — здесь всё-таки леди, и она не в должном виде… Уйдите, в конце концов!

Неожиданно щёлкнул затвор. Бородач резко обернулся и увидел направленный на него ствол пистолета. В его глазах вспыхнуло бешенство. Он шагнул в сторону Беркли, и тот, очевидно, перепугавшись, нажал на спусковой крючок. Пуля вжикнула сквозь

рукав незнакомца. Бородач вздрогнул, прыгнул вперёд с проворностью зверя и нанёс юноше сокрушительный удар по носу. Беркли упал. По его красивому лицу потекла кровь, нежные розовые щёки затряслись. Бородач встряхнул рукой, и из-под рукава выкатились красные капли. Судя по всему, пущенная пуля поцарапала его. Он вырвал из рук Беркли пистолет и с яростным рёвом обрушил на сжавшееся голое тело юноши рукоять оружия. Беркли перекувыркнулся пару раз, стукнулся о землю и затих. Кровь бежала у него из носа, рта и ушей.

— Что вы делаете! — закричала потрясённая Эмили. Впервые она соприкоснулась с силой первобытного закона. Жизнь внезапно повернулась к ней жестокой стороной, о существовании которой она совершенно не подозревала. Бородач снова встряхнул рукой и повернулся к девушке. Затем он быстро, словно ураган, приблизился к ней, сгрёб в охапку, забросил на коня. Всё завертелось, и в зелёных глазах Эмили потемнело.

Когда она пришла в сознание, то обнаружила себя на грубо сколоченной кровати, среди множества мягких пахучих шкур. Помещение было сумрачным, и только в двух шагах от неё плохонькая лампа освещала стол, за которым громко чавкал бородатый человек. Увидев, что девушка очнулась, он задул фитиль. По звуку тяжёлых шагов Эмили поняла, что мужчина направился к ней. Не проронив ни слова, он грубо втиснулся девушке между ног и, когда она попыталась оказать ему сопротивление, сильно ударил её кулаком в приоткрытый рот. Разбитые губы оплыли горячей кровью и мгновенно вспухли. Удар в лицо был для неё откровением. Эмили затаилась и сразу же сдалась.

— Меня зовут Нэшм, — проглатывая почти все буквы, проурчал бородач утром и скрылся за кособокой дверью, прихватив с собой длинное ружьё.

Весь день Эмили провела на лежанке, свернувшись калачиком и укрывшись мягкими шкурами, источавшими сильный запах. Вечером бородач Нэшм снова пришёл к ней. Он погладил девушку по щеке жёсткой ладонью, и она невольно отпрянула от прикосновения, но всё же не запротестовала. Она хорошо помнила тяжёлый и злой кулак дикого мужчины. Он стащил с себя вонючую одежду и предстал перед девушкой во всей мускулистой силе волосатого тела, исполосованного на плечах и груди глубокими шрамами. Его могучий мужской орган, явно не знакомый с правилами гигиены, уже налился животным нетерпением.

— Пожрать-то не додумалась? Дура девчонка, — прогнусавил Нэшм сквозь бороду, но не предложил ничего из еды, а привалился к Эмили и властно раздвинул её ноги. Затолкнув два пальца в нежную мякоть, он уткнулся слюнявым ртом в ухо девушке. — Дура… зато теперь не нужно кобылу драть…

Нет, не о таком уединении мечтала Эмили, убегая из города, не о такой любви…

На рассвете что-то громыхнуло снаружи, и Нэшм со звериным рыком вывалился из кровати, больно придавив девушке руку. Не одеваясь, он схватил ружьё и бросился к двери, которую вечером забыл запереть на засов. Его голое волосатое тело прижалось к дверному косяку, и Эмили увидела, как бородач весь напружинился. Всё в его позе говорило о присутствии страшной угрозы.

Дверь распахнулась под мощным ударом, и на пороге появился человек, прикрытый лишь длинной набедренной повязкой. Он не успел сделать ни шагу, как ружьё в руках Нэшма громыхнуло и помещение наполнилось едким дымом. Человек в дверном проёме отпрянул и схватился за бок. В ту же секунду другая фигура вынырнула из-за раненого и вцепилась в ружьё бородача. Длинные косы и белое перо в волосах сказали Эмили, что появившиеся люди были индейцами. Нэшм рванул оружие на себя, но противник не ослабил хватки и резким движением выволок бородача наружу. Что-то мелькнуло в руке нападающего, и плечо Нэшма окрасилось кровью.

Эмили затаила дыхание и следила за дикой схваткой, боясь пропустить малейшее движение, словно от её внимания что-то зависело. Чуть поодаль Эмили увидела ещё несколько индейцев. Они спокойно смотрели на дерущихся и не предпринимали попыток помочь соплеменнику. Один из них приблизился к распахнутой двери и склонился над лежащей фигурой, в которую Нэшм выстрелил несколько секунд назад.

В это мгновение бородач кинулся на врага. Его ярость не была слепой. Дважды он бросался на индейца, но не сумел ухватиться за него. На третий раз Нэшм потерял устойчивость, покачнулся, отпрыгивая, и упал на бок. Из его стиснутых губ вырвалось невнятное ругательство. Наблюдавшие, точно по команде, шагнули вперёд и образовали полукруг. Упав, бородач выпустил ружьё, но индеец не кинулся за брошенным оружием. Рука с ножом сделала короткий выпад и ударила белого человека под рёбра.

Бородач зарычал, но продолжал, несмотря на боль и уже очевидный исход схватки, бороться. Он видел перед собой горевшие глаза. Он слышал зловещий звук расползающейся кожи и льющейся крови. Надежды не оставалось. Он заставил себя сжаться в комок и бросился под ноги противнику, чтобы свалить его и вцепиться зубами ему в горло. Но индеец легко перепрыгнул через окровавленное тело и ловко вонзил лезвие под густую бороду Нэшма. Коротким движением он перерезал поверженному врагу горло и отступил на шаг.

Эмили находилась в оцепенении, не в силах пошевелить даже пальцем. Когда индейцы бесшумно шагнули в дверь, держа наготове дубинки, Эмили осталась сидеть в той же позе, предоставив им возможность разглядывать её обнажённое тело. Дикари сбились перед ней в кучу и долго стояли, ничего не предпринимая и не говоря. Казалось, их охватили чувства не менее сильные и необъяснимые, чем белую девушку. Двое из них были вымазаны с головы до ног чёрной краской. Индеец, убивший Нэшма, был раскрашен белыми полосками на лице. Остальные четверо казались выкупанными в масле — так блестела их кожа.

После продолжительного молчания раненный пулей шагнул вперёд. Его живот и ноги были залиты кровью. Дикарь протянул руку и поднял, словно зачерпнув ладонью воды, рассыпанные по плечам золотистые волосы Эмили. Его запачканные пальцы ощупали тяжёлую прядь, и мужчина что-то сказал. Остальные дружно согласились с ним. Эмили громко сглотнула слюну. Осматривавший её дикарь потрогал её груди и живот, затем помусолил двумя пальцами волосы между ног, словно ожидая чего-то особенного, и осторожно, почти нежно, ощупал её влагалище и понюхал свои пальцы.

Эмили зажмурилась, уверенная в том, что индейцы собирались изнасиловать её. Но они отступили и стали обсуждать что-то, изредка бросая на неё взгляды, полные любопытства. Лишь гораздо позже она узнала, что они впервые увидели белую женщину, что их поразил цвет её волос и глаз. Они даже подумали, что она могла быть не человеческим существом, а Духом. Убедившись, что перед ними настоящая женщина, они стали гадать, как с ней поступить.

— Я думаю, что она ничем не отличается от наших женщин и мы можем забрать её с собой, — высказался Волчья Рубаха. Волосы на его голове были туго стянуты в косы за ушами, а над лбом стояли дыбом, густо смазанные салом. — Мы без колебаний увозим

женщин Плоских Голов и женщин Народа-С-Нижнего-Течения. Эта такая же женщина.

— Она отличается цветом волос, — возразил Короткий Хвост. — Мы не знаем, что означает такой цвет. Он может быть добрым знаком, но может предвещать беду. Кто знает, не таится ли в её теле страшный недуг, сделавший её волосы похожими на выцветшую в жаркое лето траву?

— Я потрогал её, — заговорил Горный Ворон, — и я не боюсь её. Если она наш враг, то я уже покорил её, так как совершил подвиг, прикоснувшись к ней. Но она не наш враг. Мы не знаем, кто она, но она не отвергла моей руки, когда я проверял у неё между ног. Вы все видели. Она согласилась с моим прикосновением. Мне понравилось, как она приняла мои пальцы. Я возьму её с собой, и она станет моей женой.

— Неужели ты не боишься её волос? Среди нас нет светловолосых. Я не спорю, она красива, но что, если она вдруг начнёт рожать детей с жёлтыми косами, а не с чёрными? На кого тогда станут похожи Черноногие?

— Нет, я не боюсь. Она напоминает мне утреннее солнце, — ответил Горный Ворон. — Я везу её со мной. Но если я в дороге умру от полученной раны, то вы вольны поступить с ней по своему усмотрению. Но я не умру. Я чувствую, как я наполняюсь новой силой, глядя на эту молодую женщину…

Посовещавшись ещё немного, индейцы разбрелись по избе, копаясь в вещах Нэшма. Горный Ворон накинул на Эмили ярко-красное одеяло и вывел её за руку из дома. Вскоре весь отряд, а их оказалось человек двадцать, взобрался на коней и отправился в путь.

***

Дом Нэшма стоял гораздо восточнее тех мест, где обитали Черноногие, и индейцам предстояло проделать далёкий путь. Сейчас они молча двигались на запад. Там, у подножия Скалистых Гор, стояла на берегу Медвежьей Реки их деревня.

Спокойно и равнодушно светило солнце. Деревья покачивали кронами и перешёптывались листьями. Ветер умиротворённо переливался с ветви на ветвь и скользил по крутым склонам. Серые камни с мшистой поверхностью внимали бархатистому голосу ветра, но не отвечали ему ни единым звуком. Так прошло пять долгих дней, похожих друг на друга.

На привалах дикари давали Эмили сушёного мяса, но особого внимания ей не уделяли. Никто из них ни разу не обратился к ней ни с единым словом, не проявил грубости, но сам вид длинноволосых туземцев, лоснившихся медвежьим жиром, вызывал в девушке инстинктивный страх.

Вечерами индейцы собирались вокруг тускло мерцавших углей костра и подолгу беседовали о чём-то. А однажды Эмили увидела, как один из них извлёк из продолговатой кожаной сумки, густо обрамлённой бахромой, длинную трубку, и дикари стали курить её, передавая друг другу влево по кругу. Девушку поразило, как сильно изменились их лица во время курения. Казалось, их осветило изнутри неведомое таинственное сияние. Индейцы произносили иногда какие-то фразы, но она не понимала их смысла.

— О, священный дым, исходящий из трубки. Поднимись к Добрым Духам и испроси у них для нас Священную Силу, которая помогла бы нам удержаться на пути добрых дел. О, священная трубка, помоги нам получить Силу, которую получали до нас многие добрые люди. О, священная трубка, многие люди курили тебя, и ты ограждала их от ошибок. Озари нашу тропу… Принеси нам голос Невидимого… Научи…

Жаль, что Эмили не понимала слов дикарей. Думаю, что её отношение к ним сразу стало бы другим, да и судьба могла бы сложиться иначе.

На исходе пятого дня из густых зарослей орешника внезапно вылетели, жутко крича, всадники в пышных головных уборах.

— Отрезатели Голов! — воскликнул Короткий Хвост.

Нападавших насчитывалось не меньше, чем воинов в отряде Горного Ворона, но Черноногие сумели не растеряться и дали им жестокий отпор. Даже ослабший от тяжёлой раны Горный Ворон не отставал от разъярившихся соплеменников. Он ворвался в самую гущу врагов, и ничто не могло его остановить. Первый же подскакавший к нему противник свалился на землю с рассечённой гортанью. Когда же кто-то из нападавших подлетел к белой как мел Эмили и замахнулся тяжёлой дубиной с привязанным к концу камнем, Горный Ворон молниеносно перерубил ему шею топором, залив девушку фонтаном крови. Он рвал Отрезателей Голов на части, вгрызаясь иногда в них зубами, не останавливаясь ни на мгновение и не обращая внимания на стрелы, которыми его осыпали.

Схватка прекратилась с той же непостижимой быстротой, как

и началась. Нападавшие скрылись, оставив после себя пять неподвижных сородичей с глубокими рваными дырками в телах. Крики стихли. Повсюду на земле виднелись следы отчаянной борьбы. Черноногие огляделись и с торжеством убедились, что никто из них не погиб, хотя добрая половина отряда истекала кровью.

Один из Черноногих наклонился над ближайшим трупом и топором отсёк у него пальцы на руке. Эмили успела разглядеть раздробленные белые кости, и в ту же секунду окружающий мир свернулся в чёрную точку… Она отпустила поводья и рухнула на землю, выскользнув из укрывавшего её красного одеяла. Индейцы не сразу обратили на неё внимание, занятые осмотром собственных ран. Некоторые из них спрыгнули с коней, чтобы срезать с затылков поверженных врагов кожу с длинными чёрными волосами и забрать в качестве трофеев красивые орлиные перья. Когда же Волчья Рубаха указал на лежавшую Эмили, Горный Ворон сразу подбежал к ней, хромая от застрявшей в бедре стрелы.

— Не печалься, если она погибла, — засмеялся Волчья Рубаха, — ведь мы хорошо подрались и одержали превосходную победу!

— Да, у нас замечательные трофеи! — поддержал его Короткий Хвост.

— Я взял красивый щит, — крикнул Падающий Медведь, — жаль, что он лишён нужной силы, он не сумел защитить своего владельца! Но он будет украшать мой дом!

— Она жива, — оборвал своих друзей Горный Ворон, увидев, как дрогнули бледные веки Эмили, — но она совсем ослабла.

— Посмотри лучше на свою ногу и избавься от стрелы, брат. Волосатый Человек пробил тебе бок насквозь. Теперь Отрезатели Голов попали в тебя стрелой. Это не к добру. Похоже, сила твоих тайных помощников ослабевает.

— Не говори так, — оскалился Горный Ворон и мощным рывком выдернул стрелу из бедра. — Нам придётся задержаться здесь.

— Зачем? Здесь чужая земля. Здесь опасно оставаться.

— У нас много людей пострадало. Нужен отдых. Да и желтоволосая женщина ослабла, она не сможет ехать дальше…

Отряд перебрался к ближайшему ручью, где индейцы под прикрытием высоких скалистых берегов соорудили шалаши. Ночью взошла луна, и свет её был на редкость ярким, освещая землю так, словно не ночь стояла, а мутный день. В странном молочном воздухе Горный Ворон разглядел таинственные тени, вызвавшие

в нём внезапную тоску и тревогу. Мрачный сосновый лес хмурился на противоположном берегу реки. Издалека донёсся заунывный вой нескольких волков. Звери набрели на трупы Отрезателей Голов и зазывали собратьев на пиршество.

Два дня простояли Черноногие на берегу ручья, затем соорудили волокуши для двух сильно пострадавших воинов и для Эмили и снова отправились в путь.

***

Мужская фигура осторожно вышла из-за смолистых сосновых стволов и протянула руки в сторону, где должно было подняться солнце.

— Я жду тебя, Отец нашего тепла, — произнёс индеец без всякой торжественности.

Много лет назад, когда он вернулся из похода, не приведя ни одной вражеской лошади, ему дали кличку Безлошадный. С тех пор прошло много лет, он превратился в опытного бойца, не раз приводил целые табуны, совершал множество подвигов на военной тропе, но все продолжали называть его Безлошадным, потому что он настаивал на этом.

— Зачем тебе имя, которое не говорит о тебе ничего? — спрашивали друзья.

— Оно говорит о моём прошлом. Оно говорит о том, кем я был. Я пришёл в этот мир без лошадей и другого добра. Таким я и остаюсь сегодня.

— Но ты богат. У тебя хороший табун. Ты живёшь в красивой палатке. Ты пользуешься уважением своего народа.

— Всё это останется здесь, когда я уйду в Мир Теней. Я уйду таким, каков я есть. Без лошадей, жён, оружия…

Он был прямым потомком Старого Волка, который лет сто назад возглавил одну из родовых групп. С тех пор их общину все называли Старым Волком.

Сейчас он ехал навстречу отряду Горного Ворона, чтобы сообщить о несчастье, обрушившемся на клан Старого Волка. Два дня назад на деревню напали индейцы племени Кри. Так как треть мужчин была в походе и на охоте, нападавшим без труда удалось угнать огромный табун Черноногих, убить пятерых воинов и похитить десять женщин. Едва закончился бой, Безлошадный помчался в ту сторону, куда уехал Горный Ворон со своими воинами. На груди и бедре дикаря запеклась кровь. Он спешил,

но сейчас что-то заставило его задержаться.

Скала, где стоял Безлошадный, мелко потрескалась по всей поверхности и была сплошь покрыта белыми пупырышками. Она оборвалась у самых ног индейца. Дальше начиналось пространство. Бесконечное. Стремительное до головокружения. Ослепительное. Пронизанное сияющими лучами утреннего солнца.

Безлошадный невольно отступил на шаг от пропасти, услышав странный звук, закачавшийся в голове, волнами ударивший в уши и рассыпавшийся искрящимися частицами по всему существу. Яркий звук. Звук без звука. Звук, осязаемый кожей.

Индеец подождал, привыкая, и сел у самого края скалы. Тяжёлая рубаха из телячьей кожи опустилась складками у его скрещённых ног. Фигура Безлошадного застыла. Яркий гребень из крашеного конского волоса едва покачивался на голове Безлошадного, подобно сказочному цветку.

На несколько мгновений индеец закрыл глаза, затем вновь поднял веки, чтобы растворить взор в глубине плывущего пространства. Всплеснувшийся в эту минуту ветер плавно поднял длинные чёрные волосы Безлошадного и подвесил их в воздухе, придав им облик водорослей в качающихся волнах. Безлошадный глубоко вздохнул. Он не мог понять, что привело его на ту скалу. Какое-то смутное беспокойство, тревога.

Он выпустил воздух, следя за тем, как он скользит по полости рта. Дыхание — это маленький ветер. Нужно поймать этот ветер и погрузиться в него, тогда ветер отнёс бы на своих крыльях туда, где лежит ответ на вопрос, где можно увидеть причину тревоги Безлошадного.

Он закрыл глаза. Увидеть. Увидеть. Глаза не должны мешать смотреть. Увидеть. Понять. Он снова медленно втянул воздух. На мгновение он ощутил связь этой жизненной струи с пространством, которое охватывало его. Пространство. Оно раскинулось вокруг. А он — в нём. Глоток воздуха, который он сделал, это не глоток, не кусочек воздуха, а сплошной поток из бесконечного, его невозможно ограничить вдохом, он постоянен и непрекращаем. Не воздух в человеке, а человек в воздухе. Как чашка в море — она наполнена водой, но сама находится в той же воде.

Индеец выпустил воздух, выпустил медленно, незаметно для себя, и так же медленно вдохнул его, затем ещё раз и ещё. Движения лёгких становились эластичнее, всё больше сливались

с колебаниями всего существа, с колебаниями пространства. Тело словно растворялось в вибрациях воздуха.

Он приоткрыл глаза и увидел свои руки. Тёмная кожа различалась невероятно отчётливо. Казалось, что каждая пора разрасталась, достигая размеров человека, затем становилась ещё больше. Через мгновение Безлошадный вдруг ясно понял, что проник внутрь самого себя, и увидел, что он вовсе не знакомый себе человек из племени Черноногих по кличке Безлошадный, а он — воздух. Он — воздух, он — ветер. Он мог быть повсюду и везде.

Краски сменяли друг друга, перерождаясь из формы в форму, открывая всё новые и новые каналы. Плавно протекали тени, очерчивая круглые стенки бесконечных тоннелей материи. Они наплывали, становились видимыми волокна, из которых они состоят. Волокна разрастались сплошной стеной живых стеблей, проявлялись их поры, убегающие спиралевидными проходами в мерцающие дали. Струясь по ним, Безлошадный вдруг попал в тёплый свет, который ослепил всё вокруг и растворил все возможные формы и контуры.

Казалось, всё движение прекратилось, так как нельзя было определить, оставалось ли что-либо, относительно чего двигаться. Он был нигде. Он завис в чём-то несуществующем. Но всё-таки в чём-то. Как только пропало ощущение движения, стали проявляться далёкие слабые тени. У них не было ни верха, ни низа. Они лишь едва наметились и неторопливо приближались. Приближались, значит, двигались. Или он сам двигался. Или всё двигалось.

Наконец Безлошадный различил какие-то знакомые черты.

Едва он осознал это, картина стала отчетлива и понятна. Он завис перед самим собой, сидевшим на скале.

Появление самого себя оказалось столь внезапным, что индеец растерялся. Ему захотелось потрепать сидящего Безлошадного по плечу, чтобы тот раскрыл глаза и увидел его — себя. Позади него стало подниматься золотое сияние. Оно выглядело большим, почти беспредельным, но при этом ясно угадывалось, что у него были конкретные формы и размеры. Выкатившись из-за плеча Безлошадного, сияние приняло человеческие очертания и сделалось женщиной. Волосы её были необычного жёлтого цвета и рассыпались по ветру, попадая в глаза шагавшим вокруг неё индейцам. Женщина была обнажена, и Безлошадный хорошо разглядел все детали её красивого тела.

— Эта жёлтая пыль засорит глаза многим достойным воинам, — услышал Безлошадный громкий голос, раскатившийся под густыми облаками.

Внезапно один из индейцев схватил тяжёлый топор и, сильно замахнувшись, опустил его на голову другого мужчины. Ещё чья-то мускулистая тень взвилась на коне поверх дерущихся и пустила несколько стрел. Золотоволосая женщина бросилась бежать, и волосы её оставляли в воздухе не то дым, не то пыль жёлтого цвета, а мужчины топтались на месте, подобно слепым, хватаясь за глаза, за грудь, за длинные, торчащие, как палки, половые члены…

Безлошадный вздрогнул и открыл глаза. Солнце выхватило далеко внизу вершины гор, окрасив их нежными тонами. Бездна под его скалой наполнялась рельефными формами.

Слева от индейца вниз по стволу дерева прытко сбежала белка и остановилась, глядя чёрными бусинками своих глаз на человека.

— Тебе пора ехать, — услышал Безлошадный её голос и поднялся на ноги.

Через несколько минут он остановился на тропе, различив впереди топот конских копыт. В его сторону молча ехал отряд человек в двадцать. Это мог быть Горный Ворон. Доносился и звук жердей, волочившихся по земле. Это означало, что в отряде имелись тяжело раненые. Вскоре он увидел первого всадника и узнал в нём Короткого Хвоста. Следом появились другие.

— Откуда ты здесь? — удивился Короткий Хвост, увидев его перед собой.

— Помните орла, кружившего над деревней в день вашего выступления? То был не добрый знак, но предупреждение, что вам следовало оставаться в стойбище и зорко следить, как это делал орёл.

— Что случилось? — не стерпел Горный Ворон, тяжело глядя из-под опущенной головы. Его рана оказалась тяжела.

— Два дня назад Кри напали на нашу деревню, — ответил ему Безлошадный. — Они угнали много наших лошадей и забрали десять женщин. Среди них есть и твоя жена.

— Что? Они взяли в плен Неподвижную Воду? — Горный Ворон выпрямился, на его лице появилась гримаса боли. Он прижал ладонь к боку, на котором виднелась привязанная мягкая оленья кожа с торчащими из-под неё листьями.

И тут Безлошадный вздрогнул. Позади въезжавших на косогор

всадников появилась женская фигура, освещённая сзади солнечными лучами. Именно такой светящийся силуэт предстал перед Безлошадным в его видении.

— Откуда у вас она, братья? — спросил он, кивнув на всадницу.

— Горный Ворон забрал её из деревянного жилища сумасшедшего человека, — ответил Волчья Рубаха. — Из-за неё мы задержались в пути. Она два дня лежала и лишь сегодня села верхом.

— Два дня! — воскликнул Безлошадный. — Она задержала вас на два дня! Как раз, чтобы враги успели совершить своё подлое нападение!

— Надо было оставить её вместе с мёртвыми Отрезателями Голов или убить вместе с Волосатым Человеком, — подъехал Короткий Хвост, — но Горный Ворон первый дотронулся до неё, теперь она его пленница.

Безлошадный подъехал к девушке и заглянул ей в лицо. Оно выглядело измученным, зелёные глаза почти не отвечали на чужой взгляд. И Безлошадный понял, что никогда прежде ему не встречалось столь прекрасное лицо. Он отвернулся.

Да, молодая жёлтоволосая женщина была опасна. Её образ ударял в сердце с быстротой молнии и поражал наверняка.

— У меня было видение. Там была эта женщина, и она несла дурную силу с собой, — проговорил Безлошадный.

— Её надо убить, но мы не убиваем пленных…

— Никто не посмеет поднять на неё руку, — твёрдо сказал Горный Ворон. — А сейчас не будем терять больше времени, нам нужно спешить.

***

Сквозь листву поредевшего леса проявились очертания больших индейских палаток. На кожаных покрытиях различались чёрные, красные и жёлтые примитивные рисунки. До ушей донеслись звуки собачьей драки, гортанные выкрики мужчин и пронзительные голоса ругавшихся женщин. Перед Эмили развернулась во всей своей дикой пестроте панорама индейской деревни. В ноздри ударила смесь тысячи запахов первобытной жизни.

Эмили вновь обнаружила в себе признаки страха, но в большей степени она всё же испытала облегчение, увидев стойбище — оно говорило о том, что дикари занимались не только войной, но и просто жили, как все люди, смеялись, плакали, рожали детей.

Отряд въехал в деревню без песен, хотя воины и держали в руках копья с привязанными к ним скальпами врагов, отрубленными ступнями ног и кистями рук. Навстречу высыпали все жители.

Горный Ворон соскользнул с коня и что-то сказал седовласой старухе, показывая головой на Эмили. Это была его мать по имени Женщина-Дерево.

— Я привёз новую жену, — устало произнёс он. — Мы дали ей имя — Жёлтая Пыль. А теперь помоги мне. Я хочу спать. Ты мне позже расскажешь о Неподвижной Воде… Я должен отдохнуть… Нам скоро идти в поход против Кри. У меня болит тело. Кусок железа застрял во мне…

Вечером Горный Ворон, сидя перед костром в палатке, внезапно застонал и упал на спину, нелепо вывернув ноги. Несколько минут он не дышал, затем вздрогнул, его мелко затрясло. Эмили отползла в глубину жилища и сжалась в комок. Некоторое время седовласая индеанка хлопотала над телом сына, затем отступила и немного посидела неподвижно, сосредоточенно обдумывая что-то. Вдруг она резко поднялась и шагнула к Эмили. Схватив девушку за руку, она почти волоком подтащила её к Горному Ворону и принялась что-то втолковывать Эмили.

— Я ничего не понимаю, — зарыдала несчастная девушка и в ту же секунду получила звонкую оплеуху от Женщины-Дерева. Вспомнив, что окружавший её мир весь держался на беспощадных ударах и жестоких убийствах, Эмили заставила себя замолчать и прикусила губу.

Женщина-Дерево продолжала что-то беспрестанно говорить ей в лицо, обдавая её незнакомым густым запахом, затем резко сдёрнула с разметавшегося сына набедренную повязку и силой заставила Эмили взять в руку вялую мужскую плоть. Девушка ощутила в ладони мягкую и потную массу, но не могла взять в толк, что от неё требовалось. Старуха снова ударила её по голове и жестом показала, что нужно пробудить желание в теле мужчины. Эмили медленно зашевелила рукой, продолжая оставаться в глубоком испуге и полном недоумении.

«Что за мерзость? Зачем надо заниматься этим полумёртвым дикарём? И разве я стану ублажать грязного туземца? Ни за что!.. Да и нет у него сил никаких… Как всё гадко и страшно. А эта старая ведьма — сущий дьявол…» — мысли в голове Эмили метались.

Старуха отодвинулась в сторону и протяжно запела. Через некоторое время девушка почувствовала, как взятое в ладонь

рыхлое мясо напряглось и стало приобретать форму, вытягиваться. Вытаращив глаза, Эмили обернулась на старуху. Та поняла, в чём дело, распахнула на Эмили одеяло и, подтолкнув, заставила её взобраться на сына, подгоняя громкими и нетерпеливыми восклицаниями.

— Нет, я не буду! — закричала Эмили.

Старая женщина опять стукнула кулаком её по голове.

— Всё равно не буду! — вновь выкрикнула девушка. — Вы все омерзительны мне!

Она противилась всем существом, однако увидев появившийся в руке старухи нож, задрожала и подчинилась. Страх имеет свойство делать людей покорными.

Ощутив горячее прикосновение набухшего мужского органа к своему телу, Эмили вздрогнула. Она совершенно не готова была к соитию, да и всё происходившее напоминало кошмар, но таившаяся в ней бурная женская стихия отозвалась на прикосновение мужчины почти сразу.

«Но ведь я не желаю этого!» — поразилась Эмили, не желая верить в то, что её тело согласилось принять в себя дикаря.

Ею овладело неведомое доселе возбуждение, причиной которого было сильное нервное напряжение. Она расслабила мышцы ног и всей массой опустилась на стоявший под ней сеятель жизни. Она с наслаждением потянула ноздрями, но тут же боязливо оглянулась на старуху, со страхом думая, что могла сделать что-то не то. К своему изумлению она увидела, что морщинистое лицо Женщины-Дерева улыбалось, по щекам струились слёзы.

Бедная девушка, измученная захватившими её событиями, не могла прийти в себя, и внезапный акт совокупления сбросил с неё непомерную тяжесть стремительных и жутких перемен в жизни. Она не знала, зачем старуха потребовала от неё таких действий, да и не желала знать ничего в ту минуту. Ей хотелось исчезнуть, и она закрыла глаза…

Тем временем старуха бегала по лагерю, крича хрипло, что к ней в палатку должны были срочно прийти семь замужних женщин, которые никогда ещё не рожали, и их мужья. Вскоре все они собрались в палатке Горного Ворона, и Эмили вновь забилась в самую даль, кутаясь в одеяло. Между ног у неё горело, всё существо настоятельно требовало продолжения, но сердце сжималось от ужаса перед неизвестным. Вернувшаяся Женщина-Дерево покопалась в большой кожаной сумке с яркими

ступенчатыми узорами и извлекла из неё тёмно-коричневое платье из мягкой кожи. В это платье она велела одеться Эмили.

Через некоторое время появились ещё четыре человека и принесли барабаны. Все пришедшие сели в ряд, повернувшись лицом к северу, женщины устроились позади мужчин. Горный Ворон неподвижно лежал по другую сторону костра.

Была уже ночь, когда индейцы начали петь и стучать в барабаны. Женщина-Дерево потряхивала седой головой и костяной ложкой размешивала что-то в деревянной миске, шевеля руками в ритм барабанам. В какой-то момент она прекратила свои действия, достала из кожаного мешка чучело вороны с привязанными к хвосту четырьмя орлиными перьями и протянула его в сторону Эмили. Девушка неуверенно взяла чучело и стала ждать дальнейших указаний. Спустя минут тридцать старуха показала знаком, что чучело нужно положить на грудь Горному Ворону. Сама она поднялась и начала пританцовывать возле костра, сделавшись благодаря каким-то неуловимым движениям похожей на птицу. Она двигалась, не спуская глаз с поющих людей. На шее у Женщины-Дерева болтался костяной свисток жёлтого цвета, который она периодически брала губами и издавала свист, похожий на крик орла. Из висевшего у неё на поясе мешочка она то и дело зачерпывала сухую жёлтую краску и, поплевав на ладони, размазывала её по своему лицу. Эмили увидела, что на двух пальцах левой руки индеанки отсутствовали крайние фаланги.

Послышался странный хлопок, будто разорвалось что-то натянутое, и Эмили увидела, что рана на боку Горного Ворона вскрылась, оттуда густо потекла кровь и какая-то зелень. Индеец глухо застонал. В жилище сразу сделалось темнее, но отсветы костра стали сочнее. Пространство наполнилось таинственными тенями, беззвучно метавшимися от стены к стене. Происходившее казалось непостижимым, и Эмили смотрела во все глаза. Сила и власть седой индеанки была необыкновенной. Дикари, которых она видела вокруг, безусловно, составляли особую породу людей, совершенно не схожую с французами и англичанами. Они умели разговаривать с огнём при помощи барабанного боя, и Эмили готова была поклясться, что огонь разговаривал с ними.

Женщина-Дерево жестом подозвала к себе Эмили и насыпала ей на руки жёлтый порошок, показывая, что его нужно размочить и выкрасить свой лоб. Эмили, косясь на окровавленного воина,

принялась плевать в ладони и усердно натирать разбухшей густой краской свой лоб. Старуха удовлетворённо закивала головой.

Через некоторое время индеанка взяла в руки бубен, вымазанный жёлтым цветом, и принялась сама колотить в него. Остальные индейцы разом прекратили пение.

— Теперь поднимайся, — повернулась она к сыну и стала бить в бубен всё реже, но сильнее.

Горный Ворон сел, не открывая глаз. Его тело покачивалось. Старуха кивнула головой и дала понять Эмили, чтобы та покрыла жёлтой краской его лицо. Девушка покорно выполнила её указание. Внезапно Женщина-Дерево бросилась на сына, пронзительно свистя в костяной свисток, схватила чучело вороны и стала наносить клювом птицы быстрые удары по груди сидевшего индейца[1]. Эмили показалось, что она видела, как клюв чучела протыкал кожу Горного Ворона, но позже не обнаружила там ни единого следа. Мужчина коротко вскрикнул, но остался в сидячем положении. Тогда старуха проворно схватила свою деревянную миску с водой и бросила туда щепоть порошка жёлтой краски. Эту странную смесь она поднесла ко рту сына, и он послушно выпил всё до дна, так и не открыв глаз.

Затем Женщина-Дерево посыпала порошок на разложенные перед костром куски мяса и сказала:

— Жарьте его и ешьте.

Собравшиеся принялись за дело в полном молчании. Эмили не знала, как полагалось поступить ей, но старуха сама впихнула мясо ей в руки.

Горный Ворон глубоко вздохнул и повернулся на бок. Старая индеанка улыбнулась и вдруг нежно потрепала Эмили по плечу. Внезапно напряжение ушло, и девушка громко разрыдалась. Все гости дружелюбно засмеялись и заговорили наперебой…

***

Горный Ворон поднялся ближе к полудню и с удивлением посмотрел на лежавшую возле него Эмили. Она продолжала крепко спать.

— Не удивляйся, мой сын, — ухмыльнулась Женщина-Дерево, — это твоя настоящая жена. Мне пришлось сделать так, чтобы ты вошёл в неё.

— Как это могло быть? Мне привиделось, что я умер. Меня окружала целая толпа призраков, они вертелись надо мной

на танцующих лошадях, затем превратились в жёлтых птиц и улетели.

— Да, ты покинул этот мир, но я вернула тебя. Для этого мне была нужна твоя жена, чтобы помочь мне…

— Когда это было?

— Два дня назад.

— Наши воины уже отправились против Кри?

— Нет, старики говорят, что сейчас нельзя. Пусть сменится Луна, сейчас она полна, она безумствует. Пусть закроет свой белый глаз, тогда вожди проведут Церемонию Обновления. Да и ты окрепнешь к тому времени…

Минул ещё день, и Горный Ворон поднялся на ноги, будто его бок вовсе не был разорван куском свинца. Той же ночью он привлёк к себе Эмили и со всей силой окрепшего организма вторгся в её податливую плоть.

***

В моей памяти стоит ясная картина стойбища Черноногих, когда Горный Ворон вышел из палатки, наряженный в боевую рубаху, разрисованную магическими символами. На его голове красовался убор с рогами бизона. На круп и на грудь коня он нанёс пять жёлтых отпечатков своей правой ладони, чтобы противник издали увидел, сколько врагов сразил Горный Ворон в рукопашной схватке. Также на груди коня виднелся красный кружок — место куда однажды животное было ранено в бою.

— Хороший день для похода! — воскликнул индеец, подняв к небу руки, и вспрыгнул на своего скакуна. — Помните, братья, что мы с вами отправляемся не за лошадьми проклятых Кри, а чтобы испить их кровь, чтобы отомстить за наших погибших друзей и родных и чтобы возвратить к родному очагу наших сестёр и жён!

Старый Медвежья Голова ходил по лагерю с погремушкой в руках и возвещал о выступлении военного отряда. Он перечислял участников похода по именам и просил всех соплеменников молиться за воинов.

Вскоре отряд стремительно умчался, оставив после себя клубящуюся в утреннем солнце пыль.

К немалому своему удивлению, Эмили Жёлтая Пыль обнаружила, что жизнь в индейской общине вызывала в ней, несмотря на множество неудобств, тёплые чувства. Было в этой жизни что-то по-настоящему родное и зовущее. Девушка

не понимала чужого языка, не принимала участия в буйных танцах, не присоединялась к пронзительному пению, но везде присутствовала. Она не ощущала себя посторонней.

Когда у неё началось месячное кровотечение, Женщина-Дерево поспешила отвести её в какую-то палатку, стоявшую в стороне от общего скопления жилищ, и дала понять, что покидать ту палатку ей не разрешалось. Внутри находились ещё две женщины в таком же состоянии и совсем дряхлая старуха, ухаживавшая за ними. Ближе к вечеру с Эмили сняли платье и, подпалив какую-то сплетённую в косичку траву, стали окуривать ароматным дымом. Особое внимание индеанки уделяли её детородному месту, омывая его дымом и ключевой водой по несколько раз в день. Через неделю Жёлтую Пыль заставили хорошенько пропариться в полукруглой палатке, и Женщина-Дерево отвела её обратно в свой дом.

Возвращаясь в палатку Женщины-Дерева, Эмили увидела привязанного возле входа коня. По всей деревне звенели радостные голоса, и она поняла, что отряд Горного Ворона только что возвратился. Воины отсутствовали почти две недели. Войдя внутрь, она остановилась. Возбуждённо тараторя, к ней шагнула Женщина-Дерево. За её спиной виднелись Горный Ворон и стройная фигура незнакомой индеанки.

Жёлтая Пыль не знала, что за причина увела мужа в поход, не предполагала она и существования какой-то другой жены. Она решила, что появившаяся молодая индеанка была либо пленницей, либо гостьей. Однако ночью она увидела, как женщина, ничуть не смущаясь её присутствия, прижалась к Горному Ворону и быстрыми движениями привела его в возбуждённое состояние, после чего встала на четвереньки и ввела мужчину в себя. Эмили наблюдала за ними затаив дыхание. Напрягая зрение, она вглядывалась в то место, где мускулистые мужские бёдра шлёпались о круглые женские ягодицы и то и дело в красном свете углей вырисовывался могучий скользкий орган, с которым она была уже хорошо знакома… Удовлетворив жену, мужчина оскалился и откинулся на спину, но тут же почувствовал на себе нежную руку подкравшейся Эмили. Теперь настал черёд молодой индеанки следить за яростным и шумным спариванием… А Женщина-Дерево спокойно сопела, завалившись в самую глубину жилища и зарывшись в мягкие звериные шкуры.

Индейский лагерь околдовал Эмили невидимой тайной силой, внушив спокойствие, убедив в надёжности. Хотя какое там

спокойствие! Как-то раз обезумевшая лошадь наскочила на соседнюю палатку и без труда опрокинула её, переломав длинные шесты. Под громкие возгласы хозяев индейцы утыкали сумасшедшее животное стрелами. Буквально на следующее утро на краю стойбища послышались пронзительные крики, и через несколько минут мужчины приволокли ещё дрыгающееся тело только что убитого вражеского лазутчика. Женщины немедленно бросились колотить мертвеца палками по голове и гениталиям. Через несколько дней на деревню обрушился шквальный ветер, а следом пришёл проливной дождь, не прекращавшийся двое суток… Какая там надёжность!

И всё же Эмили чувствовала себя почти счастливой и не в силах была объяснить это. Пожалуй, единственным настоящим неудобством было тяжёлое кожаное платье. Зато не требовалось никакого нижнего белья и корсетов. Возможно, неосознанное стремление к освобождению от городской чопорности и строгого надзора вечно раздражённой матери нашло своё воплощение в обществе дикарей…

Самым же главным было то, что каждый вечер она без стеснения раздвигала ноги и впускала в себя крепкое мужское тело, орошавшее её горячим семенем. Зов плоти был силён и пронизывал её насквозь. Он звучал сквозь глубину времён, пробивался через поколения гладко выбритых и напудренных предков, отдавался эхом в пении птиц, храпе лошадей, призывных голосах оленей. В Горном Вороне Эмили открыла дикую природу, от которой была отрезана в родительском доме и по которой, как оказалось, тосковали её тело и душа.

Но, самозабвенно отдаваясь страсти, Жёлтая Пыль допустила одну существенную ошибку. Она не понимала, что Неподвижная Вода была законной женой Горного Ворона. Мужчина совокуплялся с ними обеими, не таясь, а Эмили Жёлтая Пыль решила, что взгляды дикарей на половые отношения отличались безграничной вольностью. Она не предполагала, что законы племени позволяли сильному воину иметь несколько жён, но ни одна из женщин не могла обзавестись несколькими мужьями. Эмили даже не представляла, что неверную жену муж мог не просто поколотить и выгнать, но и отрезать ей нос, чтобы весь народ знал о её похотливости и несдержанности.

В те годы многие индейцы, выходя в общество, часто пользовались шкурой бизона, набрасывая её на голое тело, или же

надевали только длинную рубаху, спускавшуюся до самых колен. Женщины по вечерам, сидя у семейного очага, тоже укрывались только шкурой, чтобы не стеснять себя платьем. Никого это не смущало, потому что так было удобно. Но никогда женщина не позволяла себе обнажить своё тело перед посторонним человеком. Нравственность ставилась высоко. Этого белая девушка по прозвищу Жёлтая Пыль не поняла. Она с удовольствием смотрела на мужчин, любуясь их мускулистыми фигурами. Особенно привлекали её те, что были прикрыты только набедренными повязками. Она откровенно любовалась их крепкими телами.

***

В последние дни сентября деревня снялась с места и отправилась на зимнюю стоянку.

Как-то утром, когда воздух был ещё совсем серым и пропитан туманом, племя остановилось. Индейцы оживлённо заговорили, жестикулируя и радостно кивая головами.

Вдалеке Эмили увидела живую коричневую ленту, которая пересекала реку и тянулась в сторону хвойных горных склонов. В первые минуты девушка не могла понять, что происходило, но в конце концов разглядела, что это были олени, собравшиеся в великом множестве — тысячи оленей, десятки тысяч. Огромные ветвистые рога, слившиеся в единую массу, делали гигантское стадо похожим на движущийся лес. Никогда прежде Эмили не видела ничего подобного и не могла представить, что животных могло быть так много. Все люди, которых ей пришлось повстречать за семнадцать лет своей жизни, все вместе они не составили бы сотой части этого невероятного стада.

Эмили Жёлтая Пыль была потрясена открывшимся зрелищем. Она решила, что на её глазах происходило настоящее чудо, не догадываясь, что лесные олени дважды в год — весной и осенью — предпринимали далёкие переселения, уходя на сотни километров. Дух единого стада вёл их тогда по одним и тем же тропам, заставлял переплывать реки в одних и тех же местах. Самки с телятами шествовали во главе, могучие самцы замыкали гигантскую колонну, а следом за стадом бежали волки, рыси и росомахи…

У Эмили перехватило дыхание. Но и стоявшие рядом Черноногие были явно взволнованы, хотя для них подобное

зрелище не было редкостью. Некоторые из них затянули приветственные песни, где-то в голове отряда застучал бубен. Всякий раз, соприкасаясь с величием живой природы, индейцы выказывали своё уважение и преклонение перед творением Стоящего-Над-Всеми.

А через два дня она увидела большое стадо бизонов. Тёмно-бурая масса лениво текла по живописной долине, не обращая ни малейшего внимания на людей, ехавших по верхним склонам. Индейцы сделали привал, и после небольшого совещания мужчины снова сели на лошадей и поскакали вниз по горной тропе. Прошло не меньше получаса, прежде чем они спустились в долину и помчались к стаду. Женщины, старики и дети спускались по тропе неторопливо, то и дело задерживаясь, чтобы поглядеть на стремительную охоту.

Жёлтая Пыль хорошо видела, что бизоны двигались с изумительной лёгкостью, хотя были существами очень громоздкими. Несмотря на короткие ноги, они мчались так быстро, что охотники на лошадях нагоняли их, напрягая все силы. Над долиной завис гул тысячи копыт, и было похоже на то, что гремел гром. То и дело какая-нибудь фигурка быка спотыкалась и замирала на земле.

Когда женщины спустились в долину, охота была завершена. Множество чёрных туш валялось на пыльной земле. Охотники ездили от бизона к бизону, высматривая свои стрелы, но не слезали с лошадей, дожидаясь прихода женщин. Они выполнили свою работу, теперь дело было за женскими руками. Эмили присоединилась к Неподвижной Воде и Женщине-Дереву, внимательно следя за ними и повторяя их движения. Горный Ворон, откинувшись на спине своего скакуна, любовался своей семьёй. Он был отличным охотником, непревзойдённым воином, прекрасным мужем, добытчиком. Он гордился собой и не скрывал этого.

***

Яркое осеннее солнце стояло высоко, когда Эмили отправилась на реку, чтобы наполнить водой бизоний пузырь, и сбросила с себя платье, решив наскоро ополоснуться. В ту самую минуту из-за отливающей золотом листвы к месту её купания шагнул Безлошадный. Кутаясь в бизонью шкуру мехом вниз, он смотрел на Жёлтую Пыль неотрывным взглядом и медленно приближался. Она сидела на песке среди мелких камней и плескала на себя

холодной водой.

Услышав хруст под чьей-то поступью, девушка резко обернулась. Безлошадный стоял в двух шагах от неё. Его волосы были тщательно расчёсаны, и небольшая прядь, густо смазанная медвежьим жиром, была аккуратно уложена посередине лба. Его глаза словно прилипли к жёлтому пучку волос в самом низу её живота. Эмили не прикрылась, наоборот, она поднялась во весь рост, показывая себя. Зелёные глаза её остановились на лице Безлошадного, и он вздрогнул. Этот зелёный взгляд переворачивал сердце. Опасная женщина. Коварная женщина.

Она протянула руки, откинула край тяжёлой шкуры и дотронулась до живота мужчины. Скользнув ниже, Жёлтая Пыль нащупала горячий пах. Бизонье покрывало тяжело свалилось на землю.

— Наверное, я просто распутная тварь, — улыбнулась Эмили.

Безлошадный с удивлением услышал чужую речь и, не поняв смысла сказанных слов, улыбнулся в ответ.

— *Омачк*, большой, — засмеялась Жёлтая Пыль, произнося известное ей слово.

— *Омачк*. — Лицо Безлошадного расплылось от гордости. Белая женщина не без удовольствия отметила величину его органа, и это означало, что Горный Ворон не произвёл на Жёлтую Пыль такого впечатления. Длинные Пальцы, жена Безлошадного, впервые увидев мужа во всей его силе, воскликнула: «*Омачк Отао!* Большой Горностай». Это стало его внутрисемейным прозвищем. Сейчас он подумал, что кличка не была случайной. Жёлтая Пыль познала не одного мужчину, ей было с чем сравнить.

Он притянул её к себе и повалил на густой бизоний мех. Молодая женщина с готовностью приняла в себя мощного индейца, дрожа от возбуждения и холода…

На следующий день, отправляясь за водой, она увидела Безлошадного и присела на корточки, словно поправляя мокасины. Дикарь сразу заметил её и неторопливо, как будто он маялся от безделья, последовал за ней.

Семь дней они встречались, и всякий раз Безлошадный уводил Жёлтую Пыль подальше от посторонних глаз, а она не могла понять, почему он хотел спрятаться.

Но восьмое свидание было нарушено внезапным вторжением Горного Ворона. Уже после второй встречи Эмили с Безлошадным он заметил на лице жены явные следы возбуждения, но не придал

этому значения. Затем он почуял что-то неладное. Его подозрения окрепли, когда он увидел, что вместе с Жёлтой Пылью с реки пришёл Безлошадный. Тогда Горный Ворон решил проследить за женой, что удалось ему без труда.

Он набросился на любовников с криком и яростью раненого зверя. Безлошадный откатился в сторону, уклонившись от удара и побежал к деревне, не желая драться. Рассвирепевший муж принялся наносить жене побои, и Жёлтая Пыль поняла, что такое настоящее избиение. Рука индейца была тяжёлой, и удары сыпались без числа. Сперва её охватило изумление, затем испуг, после чего внезапно отказали ноги. Она рухнула, а Горный Ворон вцепился ей в нос, сдавив его со страшной силой, выхватил из-за пояса широкий нож и стремительно поднёс его к лицу девушки. Она завизжала. Ещё мгновение, и острое лезвие отсекло бы ей нос по самое основание…

Но тут за спиной Горного Ворона шумно раздвинулись листья и послышалось тяжёлое ворчание. Индеец резко обернулся и увидел бежавшего прямо на него громадного медведя с длинной свалявшейся шерстью.

— *Омачку кйайо!*[2] — выдохнул он и оттолкнул от себя Эмили, у которой всё лицо было запачкано кровью из свёрнутого носа.

Жёлтая Пыль, не разбирая дороги, бросилась в стойбище, истошно крича. Навстречу высыпали фигурки людей, держа копья и луки со стрелами. Размазывая кровь по щекам, она упала в чьи-то руки. Она задыхалась и повторяла одно и то же на французском языке:

— Медведь, медведь! — Затем зажмурила глаза и, собравшись с мыслями, выпалила: — *Кйайо!*..

Индейцы помчались на выручку Горному Ворону, но опоздали. Воин лежал лицом в воде с вырванными рёбрами и откушенной ногой. Кровь густо расплылась вокруг него и тянулась широкой полоской по песку в ту сторону, куда ушёл медведь, оставив отпечатки своих когтистых лап. Горного Ворона больше не существовало.

Весь день Жёлтая Пыль просидела на окраине деревни, обхватив голову. Ей казалось, что прикосновение стального лезвия до сих пор холодит её лицо. Потрясение было велико. В стойбище слышались воющие женские голоса. Иногда она оборачивалась и сквозь слёзы смотрела на толпу. Множество людей собралось над останками Горного Ворона. Почти каждый приносил что-нибудь в подарок умершему и оставлял принесённое на расстеленной шкуре, куда

уложили труп. После долгих церемоний изуродованное тело плотно завернули в шкуру бизона, перетянули кожаными ремнями и отвезли к раскидистому дереву на берегу реки, где поместили на горизонтальных ветвях и только после этого оставили в покое.

Вечером Эмили вошла в палатку и увидела, что Неподвижная Вода и Женщина-Дерево сидели возле затухшего костра с лицами, вымазанными золой. Неподвижная Вода тихонько скулила, её круглое лицо с приятными мягкими чертами было искажено гримасой отчаяния. Старуха-мать тянула какую-то жуткую песню, от звука которой сердце превращалось в кусок льда, и держала в руке обнажённый нож. Эмили невольно вздрогнула, увидев лезвие. Женщина-Дерево внезапно повысила голос, сделав песню пронзительно-пугающей, вскинула нож и с размаху опустила его на свою левую руку, где на двух пальцах уже не хватало по одной фаланге. Теперь она укоротила себе ещё один палец — знак потери очередного сына, теперь последнего. Она не застонала, не щёлкнула зубами, не дёрнулась при ударе лезвия о кость, но продолжала петь, лишь на секунду сбив ритм.

Неподвижная Вода вскочила на ноги, подобрала отрубленный кончик и вдруг бросилась к Эмили. Свалив её на землю, индеанка принялась с силой натирать её лицо золой, пачкая кровью её и без того окровавленные щёки и подбородок.

Первые дни после смерти Горного Ворона люди оставляли перед его жилищем сумки с кусками мяса, а однажды кто-то положил у входа целого оленя. Кормилец погиб, соплеменники заботились о тех, кто остался без защитника.

Через неделю, когда официальный траур закончился, пришёл Безлошадный и долго разговаривал с Женщиной-Деревом, после чего забрал Жёлтую Пыль с собой. На следующий день Волчья Рубаха увёл в свою палатку Неподвижную Воду и Женщину-Дерево.

***

К середине октября Жёлтая Пыль поняла, что забеременела, но разобраться, кто из индейцев был отцом ребёнка она не могла да и не хотела.

По понятиям Черноногих наступала зима. Я хорошо помню, что в то время Черноногие делили год на лето и зиму, для них не существовало ни весны, ни осени, они знали только тепло и холод. Лето заканчивалось с приходом холодов, когда позади оставалась большая охота на бизонов и было заготовлено мясо

на зиму. Зима могла прийти то раньше, то позже, и по этой причине лето было то короче, то длиннее. Как лето, так и зима делились у Черноногих на семь отрезков времени, каждому из которых соответствовало своё особенное состояние природы.

Пришло Время-Облетевших-Деревьев-И-Первой-Бури.

В день, когда налетел первый ураган, в палатку Безлошадного вдруг пришла Женщина-Дерево. Она долго разговаривала с Безлошадным и его женой по имени Длинные Пальцы, после чего они все устроились на тёплых шкурах, и Женщина-Дерево разложила перед собой всяческие травы. Внезапно Безлошадный поднялся и, подойдя к Жёлтой Пыли, что-то обеспокоено спросил, показывая на её живот. Старуха подняла глаза и отрицательно покачала головой. Нет, она не повредит ребёнку. Она пришла для того, чтобы помочь Жёлтой Пыли стать настоящей Черноногой.

Ураган бился о стены палатки всей своей могучей грудью.

Старуха наполнила деревянную миску растолчёнными травами и залила горячей водой.

— Пей, — сказала она Эмили, и девушка послушно влила в себя душистую жидкость. Почти сразу в голове закружилось.

— Я надеялась, что Жёлтая Пыль не покинет меня. Я надеялась пользоваться её силой… Но так уже случилось… Я пришла, чтобы помочь ей понять нас. У неё хорошая голова, хотя на ней растут такие светлые волосы… Она выпила мою траву, и скоро духи помогут ей понять нашу речь. Она будет думать, что спит, но на самом деле это не сон. Я буду рассказывать, а она пусть слушает…

Старуха замолчала на несколько минут, затем глубоко вздохнула и заговорила вновь:

— Было время, когда я помогала молодым людям в любовных делах. В далёком детстве моя бабка отвела меня в горы и показала мне маленький водоём, заросший жёлтыми цветочками с тонкими лепестками. Она научила меня готовить из тех цветов снадобье, чтобы привораживать мужчин. Это трудное дело. Прежде, чем приступить к сбору тех растений, нужно обязательно пройти очищение. Ничего нельзя начинать без Церемонии Очищения, человек должен обновиться. Я высушивала корешок, затем добавляла к нему истолчённых сверчков, кусочек языка медведя, бобра, голубя, колибри, малиновки. Бобр придаёт мудрость очарованию. Кузнечики же, благодаря заложенной в их живой природе трескотне, заманивают потенциальную жертву. Этот

порошок хранится в кожаном мешочке… Последнее моё снадобье потеряло свою силу, когда однажды мимо моей палатки прошла похоронная процессия. С тех пор я не занимаюсь приворотными зельями. Не случайно пронесли мертвеца. Не бывает ничего случайного…

Женщина-Дерево говорила, как в забытье. Глаза её закрылись, корпус покачивался.

— Я всегда просила, готовя снадобье: «Дух Земли, ты велик. Солнце согревает тебя и наделяет своей силой. Этот ручеёк поёт тебе хвалебную песню вместе со мной. Я обращаюсь к тебе за помощью. Помоги мне сделать так, чтобы собранные травы и корни не причиняли никому вреда, но лишь укрепляли людей». Я сплетала корни мужского растения с корнями женского, а затем сажала соединённые растения в землю. Через это связывались влюблённые…

— Но разве можно насильно удержать тех, кто хочет расстаться? — удивилась Длинные Пальцы.

— Здесь нет насилия. Я просто помогала. Если Великий Дух не пожелает этого, мужчина и женщина не останутся вместе. Я не совершаю насилия, когда залечиваю чьи-то раны. Не мои усилия заставляют болезнь уйти. Я лишь помогаю, ускоряю процесс, который в действительности зависит только от Великого Духа. Если человеку не суждено оправиться от тяжёлой раны, то никакие травы ему не помогут. Или же он поднимется, но умрёт позже… Так случилось с моим сыном. Я старалась из всех сил, но Горный Ворон всё равно погиб…

— Его убил медведь, — резко сказал Безлошадный.

— Разве в этом дело? — затрясла головой Женщина-Дерево. — Случилось то, чему было суждено случиться… Сейчас я расскажу вам историю про Сильного Воина, который в далёкие времена решил обойти судьбу. Однажды у него умерла жена. Сам он был в военном походе в то время. Вернувшись, он обнаружил, что её уже похоронили. Сильный Воин очень любил свою жену и тосковал без неё. Каждую ночь он поднимался на гору и пел траурную песню. Как-то раз к нему подкрался Призрак и сказал: «Если ты очень хочешь увидеть свою жену, то я могу отвести тебя к ней. За это ты принесёшь немного табаку. Но не бери с собой никакого оружия и ничего, что сделано из металла». Призраки не любят металлических вещей. Это их странная особенность. Сильный Воин отправился домой, отложил нож, снял браслеты, взял маленький

мешочек с табаком и вернулся на гору. Там его поджидал Призрак и повёл за собой. Они пересекли множество рек и гор. Они шли только ночью. Наконец, они остановились перед открытым местом, где виднелась большая деревня, повсюду стояли типи. Призрак подвёл Сильного Воина к одной из палаток и велел войти внутрь, где человек увидел другого Призрака. Тот сказал ему: «Ты увидишь свою жену, но не притрагивайся к ней, не целуй её». Выглянув наружу, Сильный Воин заметил свою жену. Она гуляла. Он едва не бросился к ней, но Призрак, сидевший сзади, остановил его. Вскоре наступил день, и всё исчезло. Сильный Воин увидел себя посреди унылого поля. Тут он вспомнил о своём обещании отблагодарить Призрака табаком и протянул перед собой мешочек. Что-то невидимое выхватило подарок из его руки, и через несколько мгновений он увидел перед собой табачное облачко. В повисшем дыме стали проявляться очертания людей и палаток. Накурившись, Призрак заговорил: «Мне жаль тебя. Ты очень грустишь, и я хочу оказать тебе помощь. Я позволю тебе забрать жену домой. Но ты должен помнить о четырёх вещах. Во-первых, не оглядываться назад, уходя отсюда. Во-вторых, не задавать ей никаких вопросов. В-третьих, не дотрагиваться до неё до тех пор, пока вы вместе не пройдёте через четыре парилки. В-четвёртых, никогда не называй её призраком. А теперь я подарю тебе Мохнатую Трубку. Сейчас мы с тобой развернём её, и я покажу тебе, как проводить нужную церемонию». Когда Сильный Воин покинул призрачный лагерь, его жена шагала позади него. Он не оборачивался и не разговаривал с ней. Через некоторое время он соорудил палатку для потения и вместе с женой вошёл внутрь. Тут он увидел, что перед ним не человек, а просто скелет. Но он промолчал. На следующий день он снова организовал парилку, теперь его жена уже имела человеческие очертания, но вся кишела червями. Сильный Воин не проронил ни слова. Когда они парились третий раз, он уже узнал лицо своей жены, но по ней всё ещё ползали черви. Лишь после четвёртого раза, выйдя из палатки, он увидел перед собой свою прежнюю жену. Церемония Очищения сделала своё дело. Мертвая жена обновилась. Она была живая и смеялась. Они обнялись и сразу стали совокупляться, потому что долго скучали друг без друга. Много лет они жили душа в душу, но как-то раз Сильный Воин готовился к проведению церемонии, в которой участвовала Мохнатая Трубка Призрака, и жена в присутствии многих собравшихся гостей несколько раз

опрокинула котёл, где варилось угощение. Муж пришёл в сильное раздражение, так как всегда волновался, касаясь Трубки Призрака, ибо она напоминала ему о том, что когда-то его жена умерла. Он до сих пор пугался, вспоминая о тех днях разлуки. И он всегда боялся сделать что-нибудь неправильно, чтобы не потерять жену вновь. Волнение заставило Сильного Воина потерять самообладание, и он закричал: «Что с тобой происходит? Ничего ты сделать нормально не можешь! Здесь живые люди и настоящие вещи, а ты ведёшь себя, как в мире призраков! Может, ты так и осталась привидением?» Его жена отпрыгнула в глубину палатки и набросила на голову одеяло. «Ты ведёшь себя глупо перед людьми, — сказал ей муж, — собери то, что ты рассыпала». Но женщина не откликалась. Тогда он шагнул к ней и сдёрнул с неё одеяло. Но вместо жены перед ним сидел голый скелет. Произошло то, что на самом деле случилось уже давно. Жена Сильного Воина существовала рядом с ним только в его мыслях, он оживлял её лишь своим воображением, в действительности она оставалась в мире мёртвых.

— Что же случилось потом? — послышался вдруг голос Эмили, и Безлошадный и Длинные Пальцы вздрогнули. Девушка задала свой вопрос на родном языке, но индейцам показалось, что они поняли её, и это означало, что она тоже поняла всё, что рассказывала Женщина-Дерево.

— А что могло случиться потом? Сильный Воин скончался вскоре после этого, потому что он тоже был виновен в случившемся. Он думал только о себе, только о собственных переживаниях. Другие Черноногие продолжали жить своей жизнью… Только на самом деле никто не живёт сам по себе. Мы все связаны друг с другом. Все мы — одно целое…

Все молчали. За стенами палатки слышалась бурная пляска дождливого ветра.

***

Месяц бежал за месяцем.

В один из морозных зимних дней, когда Жёлтая Пыль отправилась за хворостом, начался внезапный тяжёлый снегопад. Она набросила на голову тёплый меховой капюшон и устроилась отдохнуть под мохнатыми еловыми ветвями. Время шло, но снег не прекращал валить, и Жёлтая Пыль решила вернуться домой.

Смеркалось. Ветер со снегом дул со всех сторон сразу. К своему

величайшему ужасу она поняла, что заблудилась. Ноги озябли. Тяжёлый живот тянул к земле. Повсюду плавали мутно-белые тени. В её воображении возникли очертания лагеря, конусы палаток, вьющиеся полоски дыма. Ей слышались человеческие голоса. Память соблазнительно нарисовала куски мяса, наколотые на палочку и подвешенные над углями.

Спустилась ночь. Жёлтая Пыль давно дрожала от холода, но теперь затряслась и от страха. Над её головой громко треснуло от ночного мороза дерево, прохлопала крыльями невидимая птица. Эмили круто обернулась, беспомощно ощупывая тёмное пространство глазами.

Вдруг из неподвижного мёрзлого воздуха к ней беззвучно придвинулась человеческая форма. Неизвестно откуда взявшийся синий луч вылепил в густой тьме контуры лица, и от нахлынувшего на Жёлтую Пыль ужаса спазмы сжали ей горло. Перед ней стоял Горный Ворон.

Утопая в снегу, она побежала прочь, но очень скоро упала в изнеможении. Подняв голову, она увидела, что Горный Ворон по-прежнему находился перед ней.

— Не убегай. Я не причиню тебе зла. Я хочу рассказать тебе нечто важное. Я хочу поведать это именно тебе, потому что очень привязался к тебе. Ты не повинна в том, что я попал в когти медведя. Я должен был умереть ещё раньше — от той пули, помнишь? Но мать вернула меня к жизни, поэтому мне пришлось пройти через жгучую любовь к тебе, через ревность и через тяжёлую смерть. Всё это причинило мне много страданий… Но выслушай меня внимательно и без страха… Ты обладаешь силой, которая делает мужчин похожими на самцов оленей, когда они чуют течку самок и начинают драться друг с другом, теряя разум. Иногда они запутываются рогами и не могут расцепиться. Тогда они умирают от истощения, скреплённые намертво ветвистыми рогами. Они падают без сил, два могучих бойца, и волки набрасываются на них, разрывая на куски. Ты видела два таких сцепившихся оленьих черепа на берегу Быстрого Ручья. Я тоже потерял голову, отдавшись страсти. До встречи с тобой я был воином, мудрым, сильным, непобедимым. Духи знали, что в деревянном доме Волосатого Человека я увижу тебя, поэтому устроили так, чтобы я получил смертельную рану. Мне было положено погибнуть, оставшись на той высоте, какой я достиг. Я должен был умереть, чтобы не упасть с высоты моего положения. Но вмешалась моя мать —

сильная колдунья, но недостаточно мудрая. Она вернула меня в реку жизни. Она переступила через Закон Творца, нарушила порядок вещей. Я окреп телом, но ослаб духом. Я стал жить предвкушением наслаждения, ожиданием мгновения, когда я проникну внутрь тебя. Я стал похож на оленя, который всё время водит носом, вынюхивая самку. Я всё время хотел быть внутри тебя. Теперь я на самом деле внутри тебя. Я нахожусь в твоём чреве… Ты родишь ребёнка, и моя душа обретёт в теле младенца новый дом. Я снова буду возле тебя. Жаль, что я не буду ничего помнить о себе. Истории о подвигах и гибели Горного Ворона будут для меня только легендами… Но Безлошадному я всё-таки отомщу… Теперь поднимись и спокойно иди за мной, я приведу тебя к нашей деревне…

***

Пришла весна. Просвистели последние снежные метели, и наступила Пора-Гусей-Которые-Возвращаются-Домой. Я помню, что в марте, когда зима казалась уже позади, иногда случался сильный снегопад, который на несколько дней облепливал большими сугробами обрывистые берега рек. Бизоны принимали эти сугробы за твёрдую почву и часто обрушивались со снегом вниз с обрывов. Когда такое случалось, Черноногие говорили, что была Пора-Сорвавшихся-С-Берегов-Бизонов. Но в том году такого не произошло. Снег просто растаял.

Однажды совсем близко от деревни Черноногих появился одинокий облезлый бизон. Его огромная голова с широким лбом и короткими кривыми рогами низко опустилась, обнюхивая землю. Зимняя тёмная шкура клочьями слезала по всему телу. Впрочем, высокая холка и круто спадающая книзу спина ещё выглядели чёрными, но задняя часть туловища казалась совсем голой. Из груди животного исходило глухое ворчание.

— Почему никто не пустит в него стрелу? — удивилась Жёлтая Пыль, она уже легко разговаривала на языке мужа. — Разве нам не нужно свежее мясо?

— Он подошёл совсем близко к нашим жилищам. Видно, что его послал Великий Дух с каким-то сообщением. — Безлошадный развёл руками. — Я не знаю, что хочет поведать нам рогатый брат, но он появился не случайно. Четвероногие братья обычно лучше нас различают голоса, которые обращены к нам из невидимого мира, и приходят, чтобы передать нам эти слова…

Между палаток проскакал на белом коне Волчья Рубаха и остановился неподалёку от бизона. Вскинув обе руки вверх, индеец стал говорить что-то, слышное только бизону. Лошадь несколько раз повернулась на месте, но снова и снова останавливалась мордой к рогатому исполину. Так они стояли рядом очень долго, затем бизон закачал могучей головой и побежал прочь, подняв хвост.

— Что ты сказал ему? Что он ответил?! — крикнула Жёлтая Пыль, когда Волчья Рубаха шагом поехал назад. Индеец ничего не ответил, будто не слышал вопроса.

— Почему Волчья Рубаха молчит? — повернулась она с недовольным лицом к мужу, — почему он презирает меня? Я не совершила ничего дурного. Он же всегда пыжится, проходя мимо, и я думаю, что он вскоре лопнет от гордости… Почему он не разговаривает со мной?

— Ты не должна так спрашивать. Воин-человек разговаривал с воином-бизоном. Никто не скажет женщине, о чём были слова воинов, — произнёс Безлошадный.

Поздно вечером в палатке воинского общества Храбрых Собак состоялась сходка. Говорил Волчья Рубаха:

— Сегодня я услышал странные слова. Бизон сказал мне, чтобы я приготовился к смерти. Она ходит вокруг меня. Бизон предупредил, что у моей смерти будет лицо со светлой кожей.

Собравшиеся издали дружный вздох.

— Я думаю, что бизон говорил о Жёлтой Пыли, — продолжил Волчья Рубаха. — Не знаю, чем она может угрожать мне, но она сильно отличается от нас. Разве отыщется человек, который с первого взгляда не выделил бы её из всех нас?

— Замолчи! — вспрыгнул на ноги Безлошадный. — Ты просто злишься, что я взял её, а тебе досталась Неподвижная Вода. Разве я не вижу, как ты заглядываешься на мою жену? Жёлтая Пыль не имеет отношения к словам бизона.

— Ты сам, увидев её впервые прошлым летом, сказал, что она опасна. Разве не так?

— Теперь она моя жена и носит в себе моего сына. Теперь она стала настоящей Черноногой.

— Но уже тогда к тебе приходило видение, где женщина с золотыми волосами заставляла нас драться друг с другом. Или ты забыл об этом?

— Остановитесь, — поднял руку дряхлый мужчина с пушистой

шапкой на голове. — Вы похожи на глупых детей. Сейчас вы начнёте драться, и видение станет действительностью. Оно предупреждало вас быть начеку, а вы пытаетесь предупреждение превратить в реальные шаги.

— Что же мне делать? — спросил Волчья Рубаха.

— Продолжай жить… — Старик помолчал, подумал и продолжил: — Там, наверху, есть огромные пространства, которые заселены Великими Существами Силы. Там стоит множество деревень, но они мало похожи на деревни Черноногих. Люди на земле часто говорят, что Существа Силы управляют их судьбой, и в этом есть правда. Но и Существа Силы зависят от нас, обычных людей, потому что именно мы питаем их силой… Там, наверху, есть тень каждого из нас, есть тени наших семей, есть тени наших общин и тени целых наций. Есть общие тени женщин, и общие тени мужчин, и общие тени всех животных, и общие тени отдельных видов. Все они очень тесно связаны с нами и существуют, пока существуем мы. Чем дружнее мы живём, чем больше у нас с вами общих целей, тем мощнее делается тень Черноногих на Небе, тем могущественнее она. Великие Существа Силы оказывают нам помощь, пока мы укрепляем их. Так зачем же вы ссоритесь?.. Жизнь крепко сплетена во всех своих проявлениях, нет ничего раздельного, нет ничего беспричинного… Что бы вы ни говорили, но Жёлтая Пыль пришла из другого племени. Может быть, Небесная Сила её народа превосходит Небесную Силу Черноногих. Посмотрите на их оружие… Если это так, то Жёлтая Пыль, пусть она и не осознаёт этого, может одолеть всех нас самым непредсказуемым образом. Ведь через неё действуют Существа Силы её народа, соединившись с Существами Силы Женского Племени. Волчья Рубаха и Безлошадный не замечают, что они уже разошлись в стороны, и за каждым пойдут его друзья. Тень нашей общины начинает рассеиваться, её Небесная Сила постепенно растает. Вы не замечаете, но это так… Думаю, что вам следует преподнести друг другу подарки и раскурить трубку, мои друзья. Шаг навстречу не испортит дела, поверьте старику…

***

Клан Старого Волка стоял лагерем в долине Реки Обрезанных Берегов. Она получила своё название потому, что почти на всём её протяжении берега были высокими и такими отвесными, что казалось, будто чья-то властная рука отсекла их острым орудием.

Ранним июньским утром Безлошадный остановился перед входом в жилище Медвежьей Головы. Поколебавшись с минуту, индеец сказал громко:

— Дедушка, к тебе пришёл Безлошадный…

— Входи, мой сын, входи. Что привело тебя ко мне в столь ранний час?

— Я пришёл к тебе, чтобы просить тебя молиться за Жёлтую Пыль. Вскоре ей предстоит рожать. Я с нетерпением жду этого ребёнка. Но на неё обрушилась какая-то хворь. Она перестала есть, она весь день лежит и не шевелится. Я не знаю, что стряслось, но Злые Духи набросились на неё и убивают. С каждым днём она ослабевает. Я очень прошу тебя, дедушка, помоги нам.

— Что ж, — после продолжительного молчания старик медленно закивал седой головой. — Я помолюсь за неё. Я пойду тебе навстречу, но молиться буду не от моего имени. Я хочу, чтобы ты помнил о том, что вся тяжесть её выздоровления ляжет на тебя. Не знаю, почему ты дорожишь этой странной женщиной. Духи дали ей её судьбу, духи направляют её в нужную сторону. Ты хочешь изменить её. Я выполню твою просьбу, но вскоре ты сам убедишься, что жизнь твоей жены, пусть у неё и будет здоровое тело, наполнится иными испытаниями, которые, скорее всего, будут куда тяжелее, чем её нынешняя болезнь. Наша жизнь всегда усложняется, когда мы оспариваем решения Творца. Я думаю, что ты совершаешь ошибку, прося за свою жену. Но никто не должен отказывать, когда к нему обращаются за помощью…

Старый Медвежья Голова не спешил с исполнением задуманного, объяснив, что ему потребуется несколько дней, чтобы подготовиться к Ночной Церемонии. Наконец, Медвежья Голова объявил Безлошадному, что срок пришёл. Однако на следующий день он вновь встретился с ним и сообщил, что утром к нему примчался гонец из соседнего клана с известием о внезапной кончине троюродной сестры Медвежьей Головы. Это означало, что старик уходил в траур и в течение четырёх дней не мог показываться на людях, следовательно, не мог он проводить и Ночную Церемонию.

Безлошадный пришёл в отчаяние. Его золотоволосая жена угасала с каждым часом.

— Терпение, мой молодой друг, на всё воля Нашего Отца, — сказал, уходя, старый индеец, и нерасчёсанные длинные волосы седыми прядями закрыли его морщинистое лицо. — Но я успокою

тебя. Сегодня я видел, как прозрачная золотистая тень женщины черпала воду из реки. Это замечательный знак. Приходи ко мне ровно через семь дней…

Безлошадный сделал, как было велено.

Войдя в палатку Медвежьей Головы, он увидел нескольких стариков, которые развешивали на шестах небольшие связки с подношениями Невидимым Духам. Безлошадный положил свои дары перед одним из старцев. Всё жилище было заставлено корзинками и свёртками с едой. Через некоторое время в палатку пришли ещё человек десять. Но никто не опустился на землю, покрытую тёплыми шкурами, пока своё место не занял Медвежья Голова.

— Священные Силы, помогите нам. Мы собрались здесь все вместе, чтобы поговорить с вами. Услышьте наши песни и наши молитвы. Дайте нам силу, чтобы мы могли укрепить наших детей и внуков. Дайте нам силу, чтобы мы сумели помочь больным людям…

Одна из женщин взяла палочками красный уголь из костра и положила его на земляной алтарь, насыпанный перед огнём. Медвежья Голова посыпал на уголь душистой хвоей. После этого все присутствующие взяли двумя пальцами по тонкому кусочку мяса. Старик протянул руку и положил свой кусок мяса на земляной алтарь.

— Духи Земли, примите эту еду и благословите нашу жизнь, чтобы она не знала голода…

Собравшиеся хором присоединились к его молитве, после чего съели свои ломтики мяса. Медвежья Голова тем временем раскладывал вокруг алтаря листья полыни, неторопливо снимая их со стеблей. Завершив это, обмазал руки жиром, в котором была размешана священная красная земля, после чего скатал сухие листья в шарик.. Как только шарик из листьев достаточно склеился жиром, Медвежья Голова бросил его в руки Безлошадному, и тот дважды провёл им по обеим сторонам своего тела.

— Стоящий-Над-Нами, помоги мне очиститься,— повторял он. — Духи полыни, изгоните из меня дурные чувства…

Безлошадный передал шарик человеку, сидевшему слева, и так повторялось до тех пор, покуда целительные листья полыни, склеенные красной землёй и жиром, не обошли по кругу всю палатку. Медвежья Голова всё подбрасывал хвою на угли, и душистый дым окутывал всех собравшихся.

Песни и молитвы звучали до наступления темноты. Тогда Медвежья Голова дал всем знак замолчать и принялся заворачиваться с головой в бизонью шкуру, расписанную специально для Ночных Церемоний особыми рисунками. Мальчик-помощник стал со знанием дела сооружать из двух палок крест и укреплять на них небольшое женское платье из оленьей кожи. Вскоре перед собравшимися появилось неуклюжее чучело с торчащими из рукавов пучками сухой травы — оно символизировало Жёлтую Пыль. Взяв чучело за основание, Медвежья Голова четыре раза медленно обошёл костёр, не испытывая никакого неудобства от того, что был полностью закутан в шкуру, и вышел наружу.

Женщина, положившая первый уголь на алтарь, дала собравшимся знак, чтобы все приступили к пище. Индейцы потянулись к корзинам и сумкам и принялись жевать, изредка перебрасываясь словами. С задней стороны палатки послышалось пение Медвежьей Головы, но никто словно не слышал его. Пища была самостоятельной и не менее важной частью ритуала, чем специальная молитва старика. Люди ели, чтобы создавалась здоровая атмосфера, чтобы их тела наливались жизненной силой, передавая эту силу через молитву Медвежьей Головы хворавшей Жёлтой Пыли. Её чучело, унесённое наружу, должно было вобрать в себя все недуги молодой женщины, после чего Медвежья Голова намеревался сжечь его.

Мало-помалу к песне Медвежьей Головы стали присоединяться некоторые из сидевших внутри. К Безлошадному сразу приблизилась старая женщина и показала, что пора готовить священный суп. В котле уже лежал отрезанный бизоний язык. Его кровь была тщательно перемешана с порошком толчёных ягод и превратилась в густую массу, которую торжественно влили в кипящую воду с варящимся языком. Когда суп поспел, старуха зачерпнула немного деревянной ложкой и выплеснула на алтарь.

— Духи Земли, угоститесь священным супом, затем мы все присоединимся к вам, после чего передадим суп Медвежьей Голове…

К утру церемония была закончена. Все с трудом поднялись, чувствуя, что просто переполнены едой.

В тот же день Жёлтая Пыль пришла в сознание и даже попыталась подняться на ноги, а через две недели благополучно произвела на свет сына, которого Длинные Пальцы сразу понесла

купать в реке.

Безлошадный не скрывал своей радости.

— У меня родился сын! Жёлтая Пыль принесла мне сына! Это прекрасный знак свыше! Я отправляюсь в поход и обещаю всех захваченных лошадей отдать моему воинскому обществу!

***

В тот день, когда Безлошадный с пятнадцатью воинами был готов покинуть деревню, внезапно примчался дозорный и закричал взволнованно, что к их стойбищу ехал чужой человек. Воины, собравшиеся в поход, поскакали вперёд, чтобы встретить пришельца, и обнаружили перед собой высокого бородатого мужчину на крепкой лошади, позади него шли две другие кобылы, тяжело нагруженные тюками.

Бородач приветственно помахал рукой и оскалился. У него был шумный голос, и индейцы морщились, слушая его речь.

— Братья, мы не можем проводить его к лагерю, — предупредил друзей Безлошадный, — ведь, отъехав от деревни, никто из военного отряда не может даже оглянуться назад. Кто хочет, пусть едет с этим волосатым человеком, но я не вернусь к нашим палаткам… Я думаю, что нам сейчас же надо удалиться, чтобы этот чужеземец не наслал на нас порчу…

Два молодых индейца подскакали вплотную к бородачу и, став по обе стороны, поскакали вместе с ним к деревне, решив пренебречь походом, чтобы полюбопытствовать, что за человек с волосатым лицом прибыл к Черноногим.

Но я не буду рассказывать о белом торговце, потому что тогда моя история отклонится сильно в сторону. Хоть он и был первым торговцем, который набрёл на стойбище Черноногих из клана Старого Волка, он не имеет отношения к моему повествованию, он не связан ни с кем из людей, о которых я веду речь. Последуем лучше за отрядом Безлошадного.

***

Несколько дней подряд моросил дождь.

Набросив на себя тяжёлые бизоньи покрывала, Черноногие сидели возле костра, обсуждая успешную схватку с отрядом Воронов, в которой им удалось не только рассеять врагов, но и отобрать у Воронов их табун. Лосиный Хвост, расположившийся на вершине холма, внезапно издал удивлённый

возглас и позвал к себе товарищей. Индейцы оставили захваченных лошадей у каменистого подножия и поспешили на зов соплеменника, кто пешком, кто сев на коня. Волчья Рубаха и Безлошадный первыми въехали на вершину и проследили за рукой Лосиного Хвоста. Чуть поодаль виднелась серебристая лента Молочной Реки. Вдоль берега неторопливо двигалась фигура одинокого всадника.

— Я не знаю, что это за человек и из какого он племени, — решительно сказал Лосиный Хвост.

— Он не Черноногий, это точно. Надо рассмотреть его поближе.

— А я полагаю, что его надо сразу убить, — вставил Волчья Рубаха. — У меня есть ружьё, которое я захватил у Сумасшедшего Волосатого Человека, и я могу сразить этого незнакомца, не подъезжая к нему очень близко, чтобы он не напустил на меня злых духов.

— Мне кажется, — сказал Безлошадный, пристально вглядываясь в далёкую фигуру, — что это ещё один Волосатый Человек. Он одет как тот Бледнолицый, который приехал в нашу деревню перед нашим выступлением. Вглядитесь получше…

И тут Волчья Рубаха шлёпнул себя руками по голым ляжкам.

— Коварные собаки! Они решили обхитрить нас! — Он смотрел в другую сторону, и оглянувшись за ним, остальные Черноногие тоже изумлённо всплеснули руками.

Справа от них по долине скакали три белых человека, с которыми было несколько навьюченных лошадей.

— Сейчас мы устроим хороший бой! — закричал Лосиный Хвост и, вспрыгнув на гривастого пегого коня, пустился вниз. Не отставая ни на шаг, за ним поскакали Волчья Рубаха и Безлошадный. Остальные поехали следом не столь уверенно и через минуту повернули обратно. Белые люди смущали их.

— Это могут быть злые духи! Их всего трое, но кто знает, как они опасны!

Безлошадный оглянулся на соплеменников, не останавливая коня. Оставшиеся на холме индейцы беспокойно сновали туда-сюда. Трое Бледнолицых приближались. Лосиный Хвост заметно вырвался вперёд, подскакал почти вплотную к незнакомцам и увидел, как ближайший из них спрыгнул на землю и поднял над головой руку, что-то говоря. Индеец покрутил коня на месте и во всю прыть помчался к Безлошадному и Волчьей Рубахе.

— У них есть ружья, но, похоже, они не хотят воевать, — выпалил

он, остановившись возле друзей. — Один из них что-то говорил мне, но у него чужой язык.

— Если они хотят поговорить, мы поговорим, — предложил Безлошадный, — убить их мы всегда успеем[3].

Он тронул коня и поехал дальше. Увидев это, ещё пятеро Черноногих поскакали вниз по склону, остальные же остались ждать под горой вместе с табуном.

Когда до незнакомцев оставалось не больше ста шагов, вперёд выехал широкоплечий одноглазый индеец по прозвищу Ловящий Огонь и слез с коня, последовав примеру ближайшего белого человека. Он уверенно шагнул вперёд и протянул руку, подражая жесту белого человека. Его потерянный глаз и лицо в рубцах свидетельствовали о богатом боевом опыте и безрассудстве. Черноногие, стоявшие за его спиной, выжидали, но ничем не выдавали своего напряжения. Белые люди казались более напряжёнными и усталыми, и многодневная щетина на их лицах усиливала это впечатление.

— Они все волосатые, все похожи на собак, — засмеялся Ловящий Огонь. Остальные дикари поддержали его, за ними заулыбались и Бледнолицые.

Некоторое время они объяснялись знаками, топчась на месте, и тот, что первый пожал Ловящему Огонь руку, несколько раз указал пальцем на себя, называя своё имя:

— Льюис, Льюис…

Порывшись в одном из тюков, Льюис извлёк ленту с серебряной медалью и надел её на шею Ловящего Огонь. Он что-то воодушевлённо говорил при этом, но Черноногие не понимали смысла его речей. После этого он вручил Волчьей Рубахе огромное полотнище — американский флаг, а Безлошадному протянул красивый белый кусок материи с тонкими кружевами — носовой платок. Индейцы внимательно осмотрели подарки, ощупывая их пальцами. Тряпки показались им красивыми, и дикари закивали головами.

— Мы видели человека по ту сторону горы. Наверное, это ваш брат, — сказал Безлошадный, поясняя свои слова знаками.

— Да, это Дрюэр, наш товарищ, — медленно отвечал Льюис, иногда покашливая, — мы должны дождаться его здесь. Но я хочу предложить вам вместе с нами проехать на берег реки… вон туда. Мы устроимся там поудобнее. Я хочу поговорить и расспросить вас. Понимаете? Я пошлю за Дрюэром вот этого человека, его зовут

Рубен. Может быть, кто-нибудь из вас поможет ему?..

Индейцы слушали внимательно, следя за малейшими движениями Льюиса и кивали в знак того, что они понимали его.

— Я думаю, мы можем поговорить с ними, — повернулся к соплеменникам Безлошадный, — узнаем, что им нужно в наших краях. Устроимся где-нибудь на берегу, а Молодой Бобр тем временем съездит за их потерявшимся спутником. Только не нужно сейчас никого убивать, не нужно торопиться…

Они нашли укромное местечко на берегу, и Черноногие быстро соорудили полукруглый навес из разрисованных бизоньих шкур под одним из деревьев, разложили костёр и пригласили белых людей к огню[4].

***

Индейцы проснулись рано утром и сгрудились вокруг костра. Погладив рукой серебряную медаль, Ловящий Огонь скосил одноглазое лицо на дремавших чужеземцев и оскалился. Лишь один из путешественников, которого называли Филдсом, набросив на плечи одеяло, бодрствовал.

— Уезжая из деревни, мы не могли получить от того Бледнолицего нужные нам товары. А наши родственники получили вдоволь красивых вещей. Чем мы хуже? Почему у нас не может быть хороших товаров, которыми так богаты эти странные белые? — тихо говорил Волчья Рубаха. — Великий Дух послал нам этих людей, чтобы отблагодарить за твёрдость, за выдержку, ведь мы не отклонились от воинского пути и не остались в лагере, когда появился торговец. Теперь мы хорошо повоевали, захватили лошадей у Воронов и сейчас можем получить замечательное оружие.

— Я думаю, что нам пора забрать у Бледнолицых их ружья. Они спят, не заботясь ни о чём. Это плохие воины. — Ловящий Огонь поднялся, не дожидаясь ответа, и бесшумно направился в сторону человека, сидевшего под одеялом.

Филдс был повёрнут спиной к Ловящему Огонь. Его длинноствольное ружьё лежало рядом на земле. Индеец сделал стремительный рывок и подхватил оружие прежде, чем белый человек успел сообразить, что ему делать. Недоумение на его небритом лице воодушевило Безлошадного и Волчью Рубаху, и они кинулись к оружию спавших Бледнолицых. К этому моменту Филдс опомнился и рванулся за Ловящим Огонь. Сверкая единственным

глазом, наглый дикарь неторопливо бежал в сторону привязанных индейских лошадок, полагая, что никто не осмелится погнаться за ним. Но белый человек оказался прытким и, приготовив нож, в несколько прыжков настиг вора. Он набросился на туземца молча, с холодной решимостью и двумя короткими ударами под сердце свалил Ловящего Огонь. Громко дыша, индеец прополз несколько шагов и замер.

Тем временем Волчья Рубаха вцепился в карабин Дрюэра, но владелец оружия уже пробудился, и завязалась драка.

Безлошадный, в свою очередь, не успел подобраться к белым, так как его опередил юркий юноша по имени Сидящий Ястреб. Но человек, у которого индеец забрал ружьё, уже вскочил на ноги и бежал прямо за спиной Сидящего Ястреба, на ходу доставая из-за пояса пистолет. Видя такой поворот дела, Безлошадный круто повернул и поспешил к пасущимся лошадям. В ту же самую секунду до его ушей долетел громкий стук — Сидящий Ястреб получил тяжёлый удар прикладом пистолета по затылку и рухнул лицом в землю.

К нему подбежали трое белых, двое из которых громко кричали, собираясь выстрелить в неподвижного дикаря, но хозяин украденного ружья лишь презрительно махнул рукой. Сидящий Ястреб с трудом поднялся и медленно побрёл прочь, не проявляя признаков агрессии.

Волчья Рубаха догнал Безлошадного, и они оба запрыгнули на своих лошадей. Другие индейцы уже поскакали прочь.

— Нужно взять коней этих белых людей! Неужели мы уедем, не совершив ни единого подвига?! — крикнул злобно Волчья Рубаха и погнал своего жеребца к дереву, где были привязаны лошади белых людей.

Послышался выстрел, и пуля взрыла землю перед самыми ногами его коня, но Волчья Рубаха уже рассвирепел, ничто не могло остановить его. Вклинившись в небольшой табун, он обрезал державшие их ремни и погнал животных перед собой. Чуть поодаль мчался Безлошадный. Дважды над его ухом горячо прожужжали пули, и он, подняв лицо к хмурому небосводу, воскликнул:

— У этих белых большая сила, они пугают меня! Услышь меня, Отец! Помоги мне выбраться невредимым из этого странного боя, и я обещаю исполнить Танец Солнца в Священной Палатке!

Жеребец с внезапной силой рванул вперёд.

Тем временем Волчья Рубаха бросил короткий взгляд в сторону

и увидел, как один из Бледнолицых поднял к плечу ружьё. Выстрел сбил Волчью Рубаху с коня. Безлошадный проскакал мимо, крича на табун, но лошади рассыпались по берегу реки.

Упавший индеец поджал под себя колени и судорожно закашлял. Простреленный живот был залит кровью. Перекатившись на бок, воин притаился за большим камнем. Помутневшим взором он окинул серое утреннее пространство, по которому носились лошади и бегали четыре фигурки чужеземцев.

— Плохой день, — прошептал он, и в тот же миг будто ветер поднял его над землёй. Он увидел собственное тело в тёмной луже, лёгкий дым костра на месте ночной стоянки, свой брошенный круглый щит, чей-то позабытый колчан со стрелами и подаренный вчера флаг, неподалёку от которого лежал с раскинутыми руками Ловящий Огонь, а на его шее спуталась лента с блестящей металлической бляшкой.

***

С древних времён у Черноногих повелось, что человеком, представляющим племя во время установки Священной Палатки, является женщина. Эта женщина обязательно славилась среди соплеменников чистотой своих помыслов, иначе Священные Силы не открывались бы ей. Путь такой святой женщины многим казался тяжёлым, ибо осознанный выбор добродетельной дороги возлагал большую ответственность на человека.

Люди давали обет Солнцу только в момент крайней опасности и нужды. Но обращаясь к Дневному Светилу, они вовсе не считали его Высшей Силой — лишь очевидным проявлением могущества Стоящего-Над-Всеми.

Женщина, дав обет, всегда отправлялась к самому старому и наиболее уважаемому члену своей семьи. Они уходили вдвоём за пределы лагеря, и старик взывал к Солнцу и Священным Силам, чтобы они услышали мольбу женщины и оказали поддержку её семейству. Чаще всего это происходило зимой, чтобы женщина сумела спокойно подготовиться к предстоящему возведению Священной Палатки.

С раннего лета разрозненные родовые общины Черноногих начинали съезжаться в единую деревню на просторной равнине между Гудящей и Брюшной реками. Там буйно зеленела величественная тополиная роща, под сводами которой люди собирали хворост для костров.

Обычно набиралось не более семи женщин, давших обет, и они первыми приезжали со своими семьями в долину. Они ставили свои жилища поближе к центру лагерного круга. Возле их палаток никто никогда не шумел, даже дети убегали играть в сторону, потому что все знали, что там жили особенные люди. Охотники приносили святым женщинам бизоньи языки, и они принимались сушить их. Нужно было заготовить не меньше сотни бизоньих языков, дабы сошедшиеся кланы Черноногих могли наслаждаться своим пребыванием в общем стойбище.

Когда женщины начали возводить Священную Палатку, старики принялись за раскраску бизоньего черепа, нанося на него изображение Солнца, Луны и Утренней Звезды.

Как сейчас я вижу воткнутые по всему лагерю высокие шесты с привязанными к ним подношениями. Всё, что было сделано руками людей и выставлялось в качестве даров, предназначалось для святых тружеников, которые действовали от имени Духов. Собранные же связки полыни и прочей душистой травы подвешивались на шестах специально для Четырёх Направлений, воплощая собой порождение Матери-Земли. Я помню, как люди выносили свои дары очень рано утром и оставляли на шестах перед палатками, они хотели, чтобы Духи Солнца сумели увидеть, откуда пришло подношение.

Женщины — участницы прошлых церемоний приносили круглые сумки, сшитые из мягкой кожи и украшенные бахромой, внутри которых хранились амулеты, и передавали их своим преемницам. Ходя по деревне, женщины потрясали над головами палками с привязанными к ним лосиными хвостами, подчёркивая этим значимость основных источников пищи Черноногих — мяса и всяческих корений, которые обозначали одновременно и духовных помощников, дающих силу чудодейственным сумкам. Во время плясок престарелые женщины неторопливо вязали венки из стеблей полыни и сшивали из кусочков кожи куклы, начиняя их всяческими цветами и листьями табака. Эти куклы воплощали собой мистических Маленьких Людей и принимали участие в общем торжестве. Черноногие никогда не забывали, что именно Маленькие Люди наполняли табачные листья священной силой.

Огромная процессия мужчин и женщин принесла к Священной Палатке древесный ствол, который предстояло установить посреди Палатки, чтобы он символизировал Стержень Жизни. Головы людей были украшены пышными зелёными венками из тополиных

листьев. На центральный шест повесили множество связок травы и кулёчки со спрятанными в них амулетами. На самой верхушке было закреплено чучело с широко расставленными руками, что делало его похожим на большой крест. Этот шест соединял Землю и Небеса.

Я помню ясно, какое возбуждение обычно охватывало собравшихся людей, когда появлялись два Погодных Танцора, одетые в мокасины и набедренные повязки. Они умели силой танца разгонять дождевые тучи. Они выкурили трубку и начали двигаться. Сгустившиеся над лагерем грозовые облака медленно расползлись, открывая дорогу солнечным лучам. Вы можете не верить, но никогда во время священных церемоний не случалось дождя, потому что святые мужи умели управлять небесной влагой и ограждали важные празднества от плохой погоды.

Затем четырежды плясало Общество Бычьих Рогов, члены которого были пышно разодеты. Их жёны разносили по кругу угощения. Танцев всегда было много — шумные, яркие, весёлые и напряжённо-торжественные. Старики любили повторять, что церемонии предназначались для того, чтобы напоминать людям о постоянном присутствии Духов, которые одаривали племя Силой. Песни приходили к людям от птиц и животных, от деревьев и цветов, от рек и гор, от неба и земли. Но главным было Солнце. Солнце-Отец каждодневно напоминало о нескончаемой Силе Вселенной, изливая тёплую любовь на Землю-Мать.

Наконец, появились мужчины, решившие принести собственные тела в жертву Дневному Светилу, чтобы отдать свою кровь и получить взамен духовную поддержку от Духов Солнца. Среди них стоял Безлошадный.

— Помоги мне, мой Отец! Одари меня своею силой, чтобы я смог пройти через это испытание и не ослабнуть, но укрепиться. Пусть мои страдания напомнят всем, кто будет смотреть на меня, о тяготах жизни и о том, что без тебя, Отец, нам не устоять, — произносили они, обходя вокруг Священной Палатки.

Но время их танцев ещё не наступило.

На следующий день ничего не происходило до самого полудня. Казалось, деревня затаилась, ожидая самого важного момента. Наконец, общества Безумных Псов и Чёрных Воинов поехали стройными рядами по стойбищу, объявляя о начале священных испытаний. Раздетые донага мужчины, собравшиеся пройти через истязания, один за другим входили в Священную Палатку. Их было

пятеро. Их головы и запястья были обвиты душистыми стеблями полыни. Внутри их встречали старики-наставники и неспешно раскрашивали их с ног до головы белой глиной.

К Безлошадному подошёл седовласый Бобриный Хвост, осторожно проколол кожу на обеих мышцах груди и вставил в отверстия короткие твёрдые палочки с расплющенными концами. Видя, что Безлошадный принёс с собой круглый боевой щит, старик продырявил ему кожу и под левой лопаткой, вставив туда ещё одну палочку, к которой сразу привязал щит. Торопливые струи крови яркими зигзагами побежали по белой краске. Безлошадный первым шагнул к центральному шесту и обнял его обеими руками, погрузившись в молчаливую молитву. Затем он отступил на прежнее место, и к палочкам, продетым сквозь его грудные мышцы, быстро привязали кожаные ремни, свисавшие с верхушки шеста. Безлошадный постоял с минуту, вслушиваясь в убыстряющийся ритм барабанов, вдруг громко закричал, потянулся обеими руками назад и рванул висевший на его спине щит. Тем самым он отбросил свою единственную материальную защиту. Клочок мяса повис на окровавленном лоскуте кожи.

Затем Безлошадный схватился руками за ремни, оттягивавшие его груди и хорошенько дёрнул их, заставив кожу вздуться. И сразу же он откинулся всем корпусом, повиснув на напружинившихся ремнях. При этом он сильно выдохнул, и зажатый в его зубах костяной свисток издал пронзительный звук.

Мелко переступая ногами по ходу движения солнца, пять танцоров пошли вокруг столба, притопывая в такт барабанам. Их лица смотрели вверх, ловя широко раскрытыми глазами солнечные лучи.

Вместе со всеми Безлошадный протанцевал целый круг, четырежды подступая к столбу, затем отходя от него. Тело его сильно накренилось, но палочки, к которым крепились ремни, были воткнуты слишком глубоко и не высвобождались, как ни старался Безлошадный разорвать окровавленную плоть. Тогда с протяжным возгласом ему на спину бросился Поющий Волк, и общей массой они сумели вырвать палочки из тела окровавленного танцора. Он отчётливо услышал звук лопнувшей кожи.

К Безлошадному подбежали два знахаря и, ловко орудуя острыми ножами, срезали болтающиеся куски мяса с его груди. Завернув эти куски в мягкую оленью кожу, старики зарыли её у основания столба.

Два других танцора легко вырвались из цепкой хватки палочек и ремней, а двое оставшихся всё ещё топали ногами, готовясь к решающему рывку.

В голове Безлошадного звенело. Через отверстие в куполе Священной Палатки он заметил высоко в небе парящего орла.

— Мне нравится наблюдать за вами, двуногими братьями, — услышал он в себе голос орла. — Ты мужественно исполнил танец и выполнил то, что обещал. И сейчас в тебе закипает гордость, но почему? Разве ты изменился в лучшую сторону? Оглянись. Ты сделал лишь то, что принято среди мужчин твоего племени. Ты оросил своей кровью землю, но разве ты возвратил этим поступком своих погибших друзей к жизни? Где Волчья Рубаха? Где Горный Ворон? Где Короткий Олений Хвост и твой побратим Две Половины Луны? Ты ничего не сделал, потому что ты не понимаешь, что нужно делать. Ты слепец, хотя наделён редким качеством получать глубочайшие видения. Ты слепец, потому что не умеешь пользоваться ими. Ты плохо думаешь, мой двуногий брат, и слепо следуешь традициям. Тебе нужна сила? Но зачем она тебе? Разве ты знаешь это? Вспомни своё видение, в котором тебе впервые предстала женщина с жёлтыми волосами. Что ты вынес из него?

Безлошадный задрожал. Голос напугал его, как ничто никогда не пугало. Чтобы заглушить слова орла, он громко запел.

— Вот видишь, двуногий брат. Ты и сейчас ничего не понимаешь. Ты даже не задаёшь вопросов, — продолжал клекотать голос орла в ушах индейца. — Что ж, пусть будет так…

Индеец поднялся и, втянув голову в плечи, поплёлся вон из Священной Палатки, позабыв о происходящем вокруг него. Остальные участники церемонии с удивлением проводили его глазами. Он продрался сквозь толпу любопытных, собравшихся перед входом в шатёр, и поспешил уйти подальше от людей. Его тело гудело и пульсировало.

***

Дни шли за днями, горячее солнце заливало потоками лучей долину, играло с густой листвой деревьев. Незаметно ушла Пора Распустившихся Цветов, закончилось Время Спелых Ягод. Приближался Месяц Долгих Дождей.

За время отсутствия Безлошадного в долгом походе, в котором погиб Волчья Рубаха, Жёлтая Пыль ощутила уже хорошо знакомый ей голос женской страсти. Её тело вновь заговорило

с непреодолимой настойчивостью. Буквально за несколько дней до возвращения мужа она встретила в лесной чаще, отправившись за хворостом, притаившегося юношу по имени Говорливый Лось. Жёлтая Пыль давно приметила его горящие глаза и направленный на неё пылкий взгляд молодого воина и, столкнувшись с ним среди деревьев, она без колебаний сделала шаг в его сторону и с наслаждением впустила в себя его сразу распалившийся член.

Когда большая деревня разъехалась после завершения Пляски Солнца, Безлошадный вдруг обратил внимание на странное поведение своей зеленоглазой жены. Внимательно разглядывая всех мужчин в лагере, он остановил взгляд на Говорливом Лосе, заметив, что юноша чаще других исчезал из деревни, но, возвращаясь, не приносил с собой ни птиц, ни рыбы. Жёлтая Пыль всегда приходила с охапкой дров на спине, но пропадала слишком долго.

Безлошадный решил проследить за женой и не стал откладывать задуманного.

— Сегодня я отправлюсь подальше в горы, — сказал он рано утром громким голосом, чтобы его слышали Длинные Пальцы и Жёлтая Пыль. — Хочу принести большерогого барана, давно мы не лакомились его жирным мясом…

Собравшись, он отъехал от стойбища и, привязав лошадь в укромном месте, тихонько вернулся к деревне, чтобы из-за густой листвы наблюдать за своей палаткой.

Вскоре он увидел Жёлтую Пыль. Она вышла, как и полагалось, с большим ножом за поясом и связкой ремней, но отправилась не напрямую к лесу, а через весь лагерь. Он слышал, как она запела песню на языке белых людей, проходя мимо жилища Говорливого Лося, затем круто свернула к реке. Прошло несколько минут, и входной полог палатки Говорливого Лося откинулся. Юноша выбрался наружу, накрытый раскрашенной бизоньей шкурой, и, лениво потягиваясь, побрёл в ту сторону, где скрылась за кустами орешника женщина с золотыми волосами.

— Теперь я знаю наверняка, — прошептал Безлошадный, чувствуя закипающую в нём злость. Гневная кровь ударила ему в глаза, и на несколько мгновений всё почернело перед ним от вскипевшей злобы, но он взял себя в руки и скользящими кошачьими шагами двинулся в сторону реки, держась подальше от деревни.

Он без труда обнаружил на мягком берегу следы Жёлтой Пыли и Говорливого Лося, которые под влиянием безудержного влечения

сделались совершенно неосторожными. Прокравшись вдоль реки, он притаился перед густыми ветвями, за которыми ему послышался шорох.

«Они даже не могут потерпеть, чтобы уйти подальше», — поразился он, и тут же в его голове вспыхнула сцена собственной встречи с белой женщиной, когда она ещё была женой Горного Ворона. Страх пронзил его насквозь. Он вспомнил сцены видения, открывшегося ему на краю высокой скалы, вспомнил дерущихся Черноногих, позади которых стояла голая женская фигура в золотом сиянии волос.

«Вот почему она должна была умереть, — стрелой промелькнула мысль, — вот почему Медвежья Голова сказал, что не станет просить за неё от своего имени… Но мне поздно отступать…»

Нет, у него и в мыслях не было убить распутную женщину. Он не желал расставаться с ней. Он представить не мог, чтобы рядом с ним ночами не лежало это белое тело, такое шелковистое на ощупь и дурманящее. Но он не собирался делиться ею ни с кем. Она будет жить только для него. И он будет жить, чтобы наслаждаться её горячей и ненасытной женственностью. Другие же пусть умрут.

Безлошадный вытянул шею и застыл с выражением крайнего изумления на лице, когда разглядел сквозь листву, как неверная жена раздвинула ноги и нетерпеливо зашевелила бёдрами, приглашая Говорливого Лося. Юноша сбросил шуршащую накидку, оставшись совершенно нагим, и опустился на колени. Через несколько мгновений оба тела шумно задвигались. При этом Жёлтая Пыль нервно задирала кожаное платье выше и выше, в конце концов стащив его через голову.

Любовники были так захвачены страстью, что не увидели, как над ними выросла фигура обманутого мужа. Женщина взобралась на Говорливого Лося, навалилась на него всем телом и засыпала его лицо своими золотистыми волосами. Дыхание её было громким, почти яростным, бёдра двигались энергично.

Безлошадный стоял над ними, сжимая правой рукой боевую дубину с тремя торчащими лезвиями, и прислушивался к кипевшей в его сердце ледяной пене. Казалось, кровь застыла в его жилах. Безлошадный протянул левую руку, схватил белокурый затылок женщины сильными пальцами и дёрнул на себя. Жёлтая Пыль перевернулась, тяжело тряхнув налитыми молочными грудями, и упала на спину. Говорливый Лось охнул от неожиданности. В ту же

секунду ему в лоб вонзились с громким стуком три стальных лезвия. Говорливый Лось щёлкнул зубами, рывком вытянул мускулистые руки, оторвал от земли бёдра, выгнулся, прижимаясь затылком к помятой траве, и замер, не проронив ни звука. Безлошадный наступил на труп и вырвал оружие из черепа. Кровь густо залила оскалившееся лицо соперника.

Жёлтая Пыль хотела закричать, но голос отказал ей. Она закрыла глаза руками и сжалась в комок.

— Быстро одевайся и возвращайся домой, — прошипел Безлошадный, всё ещё не веря в то, что убил соплеменника. — Никуда не выходи, ни с кем не разговаривай. Пройди назад по руслу реки, чтобы скрыть свои следы, и вернись в деревню с другой стороны…

Он бросил женщине платье и без единого звука скрылся в зарослях.

Вечером он вошёл в палатку и сказал:

— Собирайте вещи, мы уходим отсюда.

— Что случилось? — удивилась Длинные Пальцы.

— Я убил Говорливого Лося, — ответил Безлошадный. — Думаю, что очень скоро его родственники будут обеспокоены его долгим отсутствием и начнут искать его. Тело лежит совсем недалеко, — при этих словах Безлошадный сверкнул глазами на Жёлтую Пыль, — его обнаружат без труда. А там, думаю, по следам поймут, чьих рук это дело. Поэтому мне придётся скрыться. Вы поедете со мной.

— Я не поеду, — твёрдо ответила Длинные Пальцы. — Здесь моё племя, мои сёстры и братья. Здесь мой ребёнок. Почему мой сын должен превратиться в беглеца из-за того, что ты не умеешь держать в узде Жёлтую Пыль? Возьми свою зеленоглазую жену и её ребёнка, если хочешь, и уходи прочь. Я никому не скажу ничего. Но я не поеду с вами…

Безлошадный молча вывел Жёлтую Пыль из жилища и отвёл к лошадям, постоял в раздумье и сказал ей, что ему надо вернуться в палатку ненадолго. Она стояла возле коня, испуганно втянув голову в плечи, и согласно кивала.

Индеец бесшумно прошёл через лагерь к своему жилью и проскользнул внутрь. Увидев его, Длинные Пальцы вздрогнула.

— Чего ты хочешь? — прошептала она и побледнела.

— Ничего. — Он обвёл помещение хмурым взором и вдруг резко взмахнул топором. Жена едва успела открыть рот, но крик так и остался на губах. Топор проломил ей голову.

Ещё через несколько минут Безлошадный скрылся вместе с Жёлтой Пылью в ночной синеве. Они взяли с собой двух запасных лошадей и лишь самые необходимые вещи. Младенец спал в мягкой кожаной люльке, надетой на спину Жёлтой Пыли.

***

Через неделю после бегства из родного селения Безлошадный столкнулся на тропе с индейцем по имени Сидящая Рысь, который был родным братом Длинных Пальцев и рыскал по округе в поисках убийцы своей сестры. В свои семнадцать лет Сидящая Рысь успел побывать лишь в двух военных походах, но получил в бою тяжёлое ранение в правое плечо, что искалечило его на всю жизнь. Он считался отличным следопытом, но из-за слабой руки не мог стать знаменитым воином, хотя всем существом стремился к этому.

— Я вижу, что ты стал совсем самостоятельным, Сидящая Рысь! — крикнул ему Безлошадный, гарцуя шагах в десяти. — Ты не боишься выезжать один?

— Я ничего не боюсь. Тем более меня не страшат такие трусливые собаки, как ты! — воскликнул с жаром юноша. — Ты, оказывается, способен убивать беззащитных женщин! Я искал тебя, чтобы посмотреть, похоже ли твоё сердце на сердце пса…

— Ха-ха! Храбрец, иди ко мне, — оскалился Безлошадный, — и покажи мне, умеешь ли ты драться так же хорошо, как разговариваешь! Все вы умеете только ругаться, а я всегда был лучшим бойцом нашего рода! В те дни, когда Горный Ворон привёз в нашу деревню Жёлтую Пыль, мне было видение, в котором Черноногие бросались друг на друга и убивали. Теперь я понимаю, что это был знак мне, который указывал, что я должен убивать всех вас, чтобы сохранить Жёлтую Пыль. Я знаю, что вы все завидуете мне, потому что все хотите владеть этой красивой женщиной. Нет! Не получится! Вы все погибнете, если схватитесь со мной! Иди же ко мне, убедись в этом!

Сидящая Рысь издал пронзительный крик и пустил коня в галоп, подняв над головой левую руку с копьём. Безлошадный нахмурился. Он был уверен, что юноша-калека не решится вступить в бой, но тот принял вызов. Безлошадный видел горящие глаза противника, его поднявшиеся дыбом волосы и прыгающие на висках и на шее костяные подвески. Длинное лезвие копья с привязанным к нему чучелом выдры и лапами рыси сильно раскачивалось в воздухе. Безлошадный поднял лук и без промедления пустил стрелу,

услышав, как фыркнула тетива. Стрела пробила горло скакавшего и почти вся вылезла с задней стороны шеи. Горячим и острым ударом стрела буквально сорвала Сидящую Рысь с лошади. Он взмахнул обеими руками, выронил копьё и рухнул на мокрую землю, громко хрипя.

— Вы все погибнете, если осмелитесь преследовать меня, — прошептал Безлошадный.

После убийства Сидящей Рыси Безлошадный и Жёлтая Пыль прожили вдали от людей целый месяц. Женщина чувствовала, насколько невыносимым сделалось её существование. Она хотела привычного уюта, надёжного укрытия под сводами тёплой кожаной палатки, свободно горящего костра, жаждала слышать вокруг себя человеческие голоса. Её страшно тяготили постоянное напряжение в голосе Безлошадного, его раздражение и злоба, ей же хотелось смеяться и петь, а не произносить каждое слово почти шёпотом, чтобы никто не услышал их, ей надоело выискивать хворост, от которого не поднимался бы дым. Она хотела назад к людям. И она хотела мужчину, чувствуя, что её тело просто расплавлялось от неутолённых желаний. Но Безлошадный словно забыл о том, что она была женщиной.

Он редко выезжал на охоту, и запасы мяса регулярно подходили к концу. Он всё время сидел и напряжённо думал о чём-то. Если ребёнок начинал хныкать, Безлошадный пичкал его порошком какой-то травы, вгонявшей малыша в мгновенный сон.

Дожди стали редкими, всё чаще валил тяжёлый мокрый снег. Их шалаш был сооружён наскоро, и вода проливалась внутрь, но индеец, казалось, не замечал неудобств. Иногда в лесу раздавался протяжный, стонущий звук, и что-то срывалось с верхушки дерева и падало на землю. Но они не обращали внимания, привыкшие к таким шумам.

Всякий раз, как Безлошадный отправлялся охотиться, Жёлтая Пыль начинала плакать. Глубокая, неразрешимая тоска давила её.

— Господи, за что ты посылаешь мне эти испытания? В чём я провинилась перед тобой? — не переставала шептать она, в отчаянии сложив руки на груди.

Как-то раз Безлошадный вскочил среди ночи, глядя прямо перед собой, и воскликнул:

— Уйди от меня!

— Что произошло? — испугалась женщина, всматриваясь в страшное лицо мужа. — С кем ты разговариваешь?

— Горный Ворон. Он приходил ко мне сейчас.

— Он что-нибудь сказал?

— Да. Он сказал, что он очень близко, что я даже представить не могу, насколько он близко. Он сказал… — Безлошадный неуверенно замолчал, но всё же окончил свою мысль: — он сказал, что очень скоро отомстит мне…

До самого утра мужчина не смыкал глаз, а когда забрезжил рассвет, Безлошадный насторожился уже не из-за призраков, а услышав отдалённые настоящие голоса.

— Отряд, — прошептал он, — не Черноногие, чужие люди, чужая речь…

Он взял в руки лук и застыл, напрягая слух. В этот самый момент в люльке зашевелился ребёнок и неожиданно закричал во всё горло. Его вопль был удивительно силён, и Безлошадному почудилось на секунду, что кричал не младенец, а взрослый мужчина.

Впереди раздался дружный конский топот, на опушку вылетели, замелькав пёстрыми лоскутками, всадники в живописных рубахах и ноговицах. Их было не больше десяти человек. Лица были вымазаны яркой краской, волосы стянуты в косы у висков, а у некоторых ещё и свёрнуты пучками над лбами. В руках у всех были большие дубины с круглыми гладкими камнями на концах, и двое всадников несли длинные копья, обёрнутые медвежьей шкурой и украшенные возле наконечника птичьими хвостами. Круглые щиты с магическими рисунками болтались на сёдлах. У троих всадников на головах лежали волчьи маски с торчащими ушами и угрожающим оскалом.

— Отрезатели Голов! — воскликнул Безлошадный. — Это твой сын привлёк их внимание, женщина! Он дал им знак…

Атака была молниеносной, и Безлошадный успел выпустить только две стрелы, ни в кого не попав. Он издал душераздирающий стон, и в тот же миг длинное копьё ударило его в грудь. Он свалился, и древко протащило его по мокрой земле. Кровь брызгала из раны при каждом рывке лошади. Густой снег и жухлые листья собрались под спиной Безлошадного в мокрую охапку. Наконец, индеец, ударивший копьём, выдернул оружие и громко закричал, выражая свой восторг. Двое других промчались мимо Безлошадного, свесившись со своих скакунов и каждый стукнул дубиной Безлошадного по голове, демонстрируя свою ловкость соплеменникам. Остальные воодушевлённо улюлюкали.

Жёлтая Пыль вжалась в дальнюю стену шалаша, выпученными

глазами наблюдая за происходящим сквозь входной проём. Она не кричала, потому что инстинкт подсказывал ей затаиться. Впрочем, напавшие индейцы всё равно не уехали бы, не осмотрев неуклюжего жилища.

Она видела, как один из них спрыгнул на оголившуюся под снегом чёрную землю и нагнулся над Безлошадным. Его сильные руки вцепились в голову поверженного противника, хрипящего и плюющего кровью. Победитель быстрым движением отсёк кожу с верхней части головы Безлошадного и поднял над собой добытый длинноволосый скальп. Другой опустился на колени рядом и что-то спросил у первого, тот отрицательно качнул головой, и подошедший двумя сильными ударами топора отхватил Безлошадному правую руку. Поверженный индеец сильно дёрнулся, ноги его согнулись в коленях, тело выгнулось, но очередной удар боевой дубины по голове успокоил его навсегда. Очередным взмахом победитель глубоко разрубил Безлошадному горло.

Два всадника подскакали к шалашу, но не успели они заглянуть внутрь, как Жёлтая Пыль закричала. Никогда прежде она не кричала так пронзительно и страшно. Это был не голос человека, но звук смертельной боли и ужаса. Подъехавшие дикари отшатнулись от неожиданности, решив, что в шалаше прятался Злой Дух Сумасшествия. Они увидели качнувшуюся жёлтую копну волос, но приняли их за непонятное нечто.

На раздавшийся крик поспешили остальные индейцы. Сгрудившись, они топтались перед входом в нерешительности. Жёлтая Пыль видела их блестящие глаза на лоснящихся от чёрной и красной краски лицах. Те двое, что изуродовали тело Безлошадного, протолкались вперёд, вытирая руки о подолы своих боевых рубах, и решительно шагнули вперёд, держа дубины с каменными набалдашниками наготове.

Вдруг один из них засмеялся, обнаружив перед собой обыкновенную женщину. Остальные смущённо загомонили. Ближайший дикарь грубо схватил её за локоть и выволок наружу. На голове его лежала волчья маска, к каждому уху которой было привязано по ястребиному перу. Второй воин шагнул внутрь и вынес люльку с младенцем.

Увидев ребёнка в мускулистых окровавленных руках, Эмили почувствовала, как волна незнакомой бешеной ненависти подкатила к горлу, из горла вырвался вопль, заставивший индейцев вздрогнуть. Материнское чувство пробудило в ней неведомую силу,

и она вырвалась из цепкой хватки индейца, кинувшись к сыну. Дикари отпрянули от неё, растерявшись от внезапно пробудившей в ней животной ярости. Тот, что держал люльку с ребёнком отшатнулся и разжал пальцы. Люлька перевернулась в воздухе, и младенец с размаху ударился о передний шест шалаша.

Эмили увидела кровь. Ей стало больно, словно она сама получила смертельный удар по темечку. Внутри что-то оборвалось, и всё мгновенно затянулось пеленой мрака.

***

Безлесая волнистая степь, запорошенная снегом, тянулась от горизонта до горизонта.

Десять всадников медленно двигались по равнине, вытянувшись цепочкой. Расчёсанные на пробор и сплетённые в длинные косы волосы падали на грудь воинов. На головах трёх передних индейцев красовались волчьи шкуры. Привязанные к круглым щитам и двум длинным копьям перья весело трепетали на ветру. Позади вереницы шла лошадь с прицепленными к её спине жердями, нижние концы которых волочились по земле. Между жердями лежала на закреплённой в качестве ложа шкуре неподвижная Эмили.

Шёл седьмой день после того, как она попала в руки Лакотов, известных среди остальных племён как Отрезатели Голов, а сознание так и не возвращалось к ней. Мужчины были поражены её внешним видом и тем, что она ушла из жизни, не умерев до конца. Она дышала, и они, посовещавшись, решили забрать её с собой. Никто не знал, зачем им могла пригодиться эта светловолосая женщина, не открывающая глаз, не говорящая, погружённая в странный сон, но Лакоты единодушно решили, что встреча с ней была послана Великим Духом.

Ближе к закату солнца им навстречу внезапно выехал отряд человек в тридцать. Все они были тщательно выбриты на головах, и лишь маленькие чёрные хвостики волос свисали с затылков. Красные лучи солнца сверкали на бритых черепах. У некоторых к пучкам волос были привязаны чучела ястребов и орлиные хвосты.

— Волки! — воскликнул один из Лакотов.

— Плохой день, их слишком много, — сказал другой. — Я бы не стал драться…

— Теперь поздно отступать. Они слишком близко. Давайте встретим их лицом и покажем, на что способны Лакоты! —

воскликнул третий, вскинув копьё.

Тем временем бритоголовые всадники развернулись широкой цепью и поскакали в сторону Лакотов. Столкновение казалось неминуемым. Уже были натянуты тугие луки, и стрелы дрожали на тетиве, готовые метнуться вперёд.

И тут случилось непонятное.

Двое из наступавших резко поменяли направление и замахали руками. Они принялись скакать вдоль линии своих соплеменников, что-то очень громко и взволнованно крича. Весь их отряд остановился. Сбившись в толпу, они обсуждали что-то рыкающими голосами, сопровождая речь активной жестикуляцией и показывая то и дело в сторону врагов. Затем они вдруг замолчали.

— Что-то случилось, — удивился передний Лакота, опустив боевую дубину.

Странные бритоголовые воины, называвшие себя словом Скири и известные среди Лакотов как Волки, смотрели перед собой широко раскрытыми глазами. Чёрная краска, положенная на верхнюю часть их лиц, усиливала блеск глаз.

— Это величайшее чудо, — произнёс, наконец, один из Скирей, не поворачивая головы к соплеменникам.

— Да, — согласился другой, — никогда прежде Большая Звезда не являлся сразу стольким воинам…

Они зачарованно смотрели в сторону Лакотов. Над вражеским отрядом неподвижно возвышалась гигантская человеческая фигура. Его гладко выбритая голова лоснилась алой краской. Поверх могучих плеч была наброшена прекрасно выделанная бизонья шкура, она опускалась к самому снегу прямо туда, где гарцевали растерянные Лакоты. Но они не видели и проезжали сквозь бизонью накидку, словно её не существовало. Мягкие ноговицы гиганта были украшены длинными прядями волос и орлиными перьями. По всей голове великана лежали мягкие перья, похожие на пух, а на самом затылке, где торчал единственный пучок чёрных волос, виднелось большое перо орла. В руке призрачного гиганта была тяжёлая палица с громадным круглым камнем на конце.

— Я пришёл показаться вам, дети. Мне кажется, что вы стали забывать о моём существовании и слишком заняты своими мелкими делами. Вот и сейчас вы рвались в бой. Но зачем? Неужели вы думаете, что сможете доказать что-либо своей победой в этой схватке? Нет, это пустое занятие. Я хочу, чтобы вы вспомнили о настоящем испытании… — Призрак-великан замолчал

на некоторое время, изучая лица бритоголовых Скирей. — Я хочу получить от вас подношение! Вы знаете, о чём я говорю. Дайте мне женщину. Вот эту. Но не вздумайте биться за неё, получите её мирно!

Скири медленным шагом стали приближаться к Лакотам, знаками показывая, что драться раздумали. Их взволнованные глаза смотрели куда-то позади врагов. Лакоты обернулись, следя за их руками, и увидели Эмили. Она стояла возле волокуш, опираясь рукой на круп лошади. Заходящее солнце просветило её распущенные волосы, превратив их в золотой ореол вокруг женской фигуры.

Наступила глубокая тишина. Бритоголовые окружили Эмили и с благоговением разглядывали её. Прошло несколько минут, прежде чем их вожак обратился к Лакотам и предложил раскурить трубку.

Вскоре после этого Лакоты остались в прерии одни. Тридцать бритоголовых наездников скрылись за косогором. Они оставили своим врагам длинноствольное ружьё, два копья с привязанными к ним чучелами воронов и гусей, два круглых щита, кисет с табаком и две лошади. Взамен они получили светловолосую женщину.

***

Мне нравится вспоминать те годы и старый образ жизни, хотя сегодня многое кажется мне странным, запутанным в ритуалах и неоправданно жестоким. Но оно не казалось мне таким в то далёкое время, которое индейцы называли годами изобилия, годами бизонов и оленей.

С того дня как Эмили попала в руки бритоголовых дикарей из племени Скири-Поуни, её состояние не изменялось. Она не спала и не дремала, но казалась совершенно нечувствительной ко всему. Её не волновал жуткий облик новых хозяев. Она не различала вкус пищи, которой её регулярно кормили. Она не обращала внимание на большое полукруглое земляное жилище, где её держали. Она не помнила, как попала в селение Скирей и с каким напряжённым удивлением встретили её жители деревни.

Но однажды наступил перелом, и сознание Эмили прояснилось в одно мгновение. Поднявшись на ноги, она осознала, что попала в незнакомое место, но не закричала, потому что все присутствовавшие улыбались ей. Жилище показалось Эмили просто огромным по сравнению с палатками Черноногих, потолок

поднимался над землёй на добрых пять метров. Сделан дом был не из кожи, натянутой на составленные конусом шесты, а из утрамбованной поверх шестов земли. Вдоль стен стояли по кругу деревянные лежанки, заваленные меховыми одеялами, и перед каждой такой кроватью в земле торчало по два шеста, на которых висела оленья кожа, служившая неким подобием занавески. Посреди помещения, как и в палатках Черноногих, располагался очаг, обложенный камнями, и вокруг него валялось на хорошо утоптанной земле множество мягких шкур, служивших подстилками.

Внутри толпилось десятка два людей, часть из которых с радостными криками помчалась наружу, увидев, что Эмили поднялась на ноги. Вскоре появился высокий мужчина с огромной погремушкой из тыквы. Он был в мягкой кожаной рубахе и завёрнут в бизонью шкуру ниже пояса. Приблизившись к Эмили, он заглянул ей в лицо и тоже улыбнулся. Он что-то сказал, стараясь сделать свой хриплый голос мягче, и предложил знаками следовать за ним.

— Неужели это тоже индейцы? — спросила себя она, выйдя из огромной землянки.

Со всех сторон возвышались, припорошённые снегом, могучие насыпи-жилища, от каждого из которых тянулся продолговатый коридор с квадратным входом. На покатых земляных крышах, с торчащими тут и там пучками вялой травы, сидели люди. Кто-то торопливо взбирался и устраивался поудобнее, чтобы поглядеть на Эмили. Она шла в сопровождении мужчины, и он любезно показывал ей всё вокруг, неторопливо объясняя назначение каких-то предметов. Повсюду виднелись в раскисшей зимней грязи плетёные корзины, обломки оленьих рогов, обглоданные кости, лошадиные и собачьи испражнения. Возле стен жилищ повсюду стояли прислонённые связки длинных шестов, заготовленные для волокуш.

Мужчина, провожавший Эмили, назывался в племени Волчьим Человеком и выполнял обязанности её проводника. Теперь, когда она пришла в сознание, ему предстояло ежедневно ходить с ней на прогулку, приводить её в дом главного служителя Большой Звезды, где сам шаман готовил ей угощения. Волчий Человек выдал Эмили деревянную миску и ложку, вырезанную из бизоньего рога, и разъяснил знаками, что она нигде не должна забывать их.

— Я понимаю, — кивнула она в ответ. — Неужели вы не говорите на языке Черноногих? И по-французски не понимаете ни слова?

Какая жалость. Мне бы очень хотелось объяснить вам, что вы такие милые. Никто не колотит меня по голове. И у вас огромные дома, только грязные очень…

Много дней подряд Волчий Человек приводил Эмили к шаману, где она неторопливо кушала, после чего её обязательно окуривали душистым дымом и вели на прогулку. Она не слышала, не видела танцев, и после шумной жизни Черноногих это казалось ей странным. Она не знала, что всему причиной было её присутствие в деревне Скирей.

Но однажды всё изменилось. Утром, когда мглистый воздух ещё не развеялся, снаружи послышались возбуждённые голоса. Поднявшись, она поспешила за людьми. Рядом с ней широкими шагами ступал Волчий Человек. Выйдя под светлеющее небо, индейцы остановились.

— *Упирикучу*, — довольным голосом произнёс Волчий Человек и повторил слово несколько раз подряд, показывая рукой на далёкую яркую звёздочку, — *упирикучу*… большая звезда…

В тот же день Эмили услышала первые песни, вместе с ними началось её постоянное присутствие на всех церемониях, которые стали совершаться с невероятной частотой и регулярностью.

В тот день, когда Скири увидели яркую звезду над горизонтом, шаманы отвели Эмили в свой дом и, не таясь её взгляда, разделись догола, покрыли себя с ног до головы алой краской. Весь день они пели и проходили сквозь дым. Остановились только к вечеру, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

— Лучше бы вы не начинали своих песен, — пробормотала Эмили, совершенно измученная непонятной церемонией, — не нужен мне ваш концерт…

Но тут шаманы подхватили её под руки, подвели к земляному алтарю и проворно сняли с Эмили платье.

— Наконец-то! А я уж думала, что вы тут не знаете, что к чему…

Эмили расслабила тело, готовая опуститься на землю, когда шаманы принялись трогать её со всех сторон. Но их ум был занят вовсе не сладострастными мыслями, хотя, глядя на молодую женщину с зелёными глазами и золотыми волосами, редкий мужчина сумел бы подавить в себе огонь желания. Скири словно не замечали её чудесной наготы. Они тщательно обмазывали всё её тело жиром и красной краской, а Эмили млела под их сильными руками и едва не падала от охватившей её неги.

Всю ночь напролёт индейцы разминали женское тело пальцами

и довели Эмили до полной невменяемости. Она мелко дрожала, готовая взорваться от каждого нового прикосновения. Ей чудилось, что все силы мира блаженства сконцентрировались у неё внутри, подступили к её коже, чтобы вылиться через поры. Тело гудело. Грудь и влагалище наполнились жидким пламенем. А шаманы не прекращали массировать её, умными руками притягивая к Эмили лучи, пропитанные силой жизни. Под тёмными сводами земляного храма клубились мутные тени, то принимая форму шаров, то вытягиваясь длинными эллипсами.

Так прошла вся ночь. К утру молодая женщина не могла держаться на ногах и взирала на дальнейшие действия святых мужей совершенно отрешённо. Они продолжали петь и плясать. Несколько раз один из танцоров поднимал с земли длинный шест, один конец которого был опущен в костёр, и размахивал огнём перед Эмили, не прерывая танца.

Сидя на своём месте, Эмили стала впадать в дремоту, и действительность смешалась со сном. Она видела, как дикари со всех сторон расковыривали стены дома, выдирая из него огромные ломти дёрна, чтобы устроиться получше и наблюдать за таинственной процедурой. Чьи-то руки накинули на Эмили мягкую шкуру… На голове у неё появились стоящие торчком перья…

В круговороте песен, танцев, хождений сквозь дым и новых обмазываний краской прошёл третий день, наступил четвёртый. Иногда она видела, как по лицам шаманов текли слёзы, но не знала, было ли то на самом деле. Эмили спала на ходу.

Когда её вывели наружу, повсюду стояли люди — мужчины, женщины, дети, старики. У всех в руках были луки со стрелами. На запястьях своих рук Эмили обнаружила кожаные ремешки. В двух шагах от неё двигались вприпрыжку четыре человека с привязанными к спинам чучелами сов. Кто-то ещё пританцовывал, размахивая огромной палицей. Шатаясь, она прошла между валунами землянок и увидела перед собой два вертикально установленных шеста, между которыми были закреплены четыре горизонтальных, и с них свисали какие-то шкуры. Земля под ними была белой, как снег, и слегка шевелилась. Эмили так и не поняла, что это колыхался на ветру насыпанный ковром пух. Перед самым лицом возникла голова Волчьего Человека. Он, как всегда, ласково улыбался и что-то загадочно бормотал, указывая дорогу рукой.

— Да, да, конечно, я иду, но я очень устала и хочу спать, — невнятно проговорила Эмили.

Волчий Человек показал руками, что нужно схватиться за верхний горизонтальный шест, кивнула, протянула ладони, не достала, небосвод качнулся, накренились земляные дома… Эмили тряхнула головой и выпрямилась. Накидка соскользнула с её алого лоснящегося тела. Холодный зимний воздух обхватил её отовсюду.

— Ах! — Она облегчённо вздохнула, но слабый голос её утонул в бурном пении Скирей.

Она наступила на нижнюю перекладину и взялась обеими руками за верхнюю. В ту же секунду мускулистые тени затянули ремни на её запястьях и привязали её к верхней перекладине. Она растерянно оглянулась. По толпе дикарей прокатился возглас одобрения[5].

Тут же перед глазами вспыхнуло пламя: кто-то взмахнул горящей палкой, поднёс её под закинутые вверх руки Эмили, затем опустил огонь к её паху, но не причинил вреда. Не успел человек с огнём отступить, как перед ней возник мужчина с натянутым луком. Стрела с оглушительным звуком распорола воздух, и к изумлению Эмили, ударила её под налитую левую грудь. Наконечник без труда проткнул кожу, проник сквозь мышечные ткани и глубоко вонзился в сердце.

Эмили разглядела свои качнувшиеся золотые волосы, затем в поле зрения попали стоящие на её голове перья, после этого увидела свой затылок, и с удивлением поняла, что её взор падал на всё откуда-то сверху.

К привязанной женской фигуре стремительно бросился, издав воинственный клич, мужчина с зажатым в руке ножом с кремнёвым наконечником. Он нанёс неподвижному телу быстрый удар в левую грудь, и Эмили ясно различила открывшуюся ранку повыше напружинившегося соска. Индеец быстрым движением опустил в ранку пальцы и вымазал своё лицо кровью жертвы. Следом за ним к ней подбежал другой человек, держа в вытянутых руках большой кусок сырого мяса, только что отрезанного от туши бизона. Он подставил мясо под пробитую женскую грудь и стал ждать, чтобы кровь капнула на него. Ранка была крохотной, и кровь текла лениво. Сквозь взволнованную толпу дикарей продрался бритоголовый воин с палицей в сильных руках и принялся прыгать перед привязанным женским телом, размахивая тяжёлым оружием.

Эмили почувствовала, как от его движений возник ветер и стал поднимать её наверх. Она никак не могла взять в толк, что с ней происходило, откуда она смотрела, почему вздымалась к небу, хотя стояла на земле, с привязанными к верхней перекладине руками, открытая для всеобщего обозрения, с пробитой грудью…

Она парила над деревней Скирей, продолжая, как зачарованная, вглядываться в происходящее под ней. Она видела танцующего вокруг костра шамана, видела качающиеся крылья совы на его спине. Её глаза прощупали каждую фигуру в толпе, и теперь она поняла, что все эти человеческие существа ждали её смерти. Дикари обступили мёртвое тело со всех сторон, словно пёстрая лавина обтекла крохотный островок. И вдруг все стали поднимать луки и стрелять в спину обмякшего женского тела. Они стреляли бесконечно долго, стреляли все — мужчины, женщины, дети. Самым маленьким матери помогали натянуть лук, но старались сделать так, чтобы ребёнок сам направил стрелу. Всё племя должно было приобщиться к убийству, все должны были участвовать в кровавом подношении Большой Звезде.

Когда на спине золотоволосой женщины не осталось ни единого свободного сантиметра, и она стала похожа на ощетинившегося дикобраза, Скири остановились. Дело свершилось. Главный шаман крикнул соплеменникам, чтобы они отступили и оставили жертву в одиночестве. Толпа отхлынула, всё ещё полная возбуждения, всё ещё размахивая луками и стрелами над головами.

Эмили отвела взор и взмыла к облакам. Далеко у горизонта, который сейчас вовсе не казался ей далёким, стелилась тёмная масса. Из её подвижных недр проявлялись конусы индейских палаток, иногда тающие, иногда сливающиеся в единую мягкую тень. Очертания людей скользили над землёй, двигаясь кругами. Временами они сплетались в цепь и делались похожими на колышущиеся кроны деревьев, затем рассыпались и вновь становились человекоподобными, но после опять теряли свой облик и становились обыкновенными облаками. Эмили летела к ним, не испытывая страха. Теперь она была такой же мягкой тучкой…

Сентябрь — октябрь 1996
Портлэнд — Редвуд

[1] Малоизвестным является факт, что индейцы были знакомы с акупунктурой. Похоже, что специальных исследований по этому вопросу нет, но в некоторых источниках встречаются интересные сведения. Так в книге Адольфа Голодного Волка «Народ Кровавого Племени» говорится: «Известный врачеватель Черноногих по кличке Кремень, умерший в начале XX века, лечил пациентов шипами дикой розы. Он втыкал колючки по всей больной области, иногда оставляя их там на длительное время. Случалось, он поджигал их, и они сгорали до самого основания. Самым удивительным случаем был парализованный китаец, которого Кремень поднял на ноги своим уникальным методом. Кремень не сумел передать свои знания никому, и после его смерти странный способ лечения ушёл в небытие. Кремень всегда возглавлял Лечебные Церемонии племени. Незадолго до своей смерти Кремень предложил индейцу по имени Голова Горностая обучить его, но тот отказался, пояснив, что у него ни разу не было видения, где ему обещалась бы Сила Врачевателя».

[2] *О м а ч к у к й а й о* — большой медведь, имеется в виду гризли. Обычно всех медведей Черноногие называли словом *кйайо*, что обозначало голову и шею. Чёрного медведя называли *сикоч кйайо*, коричневого — *апоч кйайо*. По своим признакам и образу жизни гризли стоит ближе всего к бурым медведям. Этот хищник так силён, что может справиться с любым животным. Индейцы очень боялись мистической силы медведя, особенно медведя-гризли. Практически никто не охотился на этого зверя. Черноногие не употребляли в пищу его мясо, не использовали его шкуру (исключение составляли специальные церемонии, где требовалась именно медвежья шкура). Индейцы жертвовали шкуру Священным Силам, а себе оставляли только клыки и когти, из которых делали ожерелья.

[3] «Если бы они посчитали себя достаточно сильными в сравнении с нашим отрядом, то наверняка попытались бы напасть на нас и ограбить… Когда между нами оставалось не больше ста ярдов, индейцы остановились, но один из них продолжал приближаться… Я тоже выехал вперёд и пожал первому индейцу руку… Мы сошлись все вместе и спешились. Индейцы вскоре попросили нас раскурить трубку. Я объяснил им знаками, что наша трубка находилась

у человека, за которым они только что наблюдали с горы, поэтому мы не сможем выкурить трубку до тех пор, пока он не присоединится к нам. Я предложил им направить одного из их отряда вместе с моим человеком (Рубеном Филдсом) на поиски Дрюэра…» (Дневники Льюиса и Кларка, 26 июля 1806 года).

[4] «С помощью Дрюэра я весь вечер разговаривал с этими людьми. Я узнал от них, что они принадлежали к большой группе, стоявшей лагерем у подножия Скалистых Гор на берегу главного рукава реки Мариа, то есть в полутора днях пути от нашей сегодняшней стоянки. Они сказали, что сейчас в их деревне находится белый человек. Где-то возле Изломанных Гор охотилась на буйволов другая большая группа их племени. Сами они держали путь к устью реки Мариа» (Дневники Льюиса и Кларка, 26 июля 1806 года).

[5] Важнейшей особенностью жертвоприношения Большой Звезде было то, что предназначенная воинственному божеству женщина должна была взобраться на шесты без принуждения. Именно по этой причине с женщиной все вели себя ласково и заботливо. Поуни старались сделать так, чтобы жертва ни в коем случае не заподозрила, какая участь её ожидает.

Приложения

Героика Дикого Запада

Большинство людей имеют устоявшиеся взгляды на то, как должен выглядеть типичный краснокожий воин, и обычно при слове *индеец* представляется всадник в пышном головном уборе из орлиных перьев, с томагавком, луком, копьём или «винчестером» в руке, и всадник этот обязательно нападает на переселенцев, сидящих в крытом фургоне. Но этот живописный образ, хоть и существовал в действительности, соответствует лишь равнинным индейцам второй половины девятнадцатого века.

Немалую роль в создании этого облика сыграл знаменитый Вильям Коди по кличке Буйвол Билл, привлёкший индейцев к участию в живописном представлении под названием «Wild West Show». Он всегда выпускал индейцев на арену в самых пышных нарядах, работая на потребу публики. Именно под впечатлением этого шоу Карл Май, создавший незабываемого Винниту, начал писать свои книги о Диком Западе, не зная о нём ничего, кроме того, что увидел на арене цирка Буйвола Билла во время его турне по Европе. Карл Май обладал уникальным воображением и талантом рассказчика, гений его бесспорен. Однако его сочинения не имели никакого отношения к действительности. Работая над образом Винниту — вождя Апачей, — Карл Май даже не представлял, как выглядели Апачи. Но сила его воображения была столь сильна, что в реальность его персонажей уверовали многие и с замиранием сердца следили за их похождениями от книги к книге. Образы Винниту и Верной Руки прошли через весь двадцатый век, несмотря на всю их очевидную и даже вопиющую неправдоподобность. Единственно, что было правдиво в романах Мая, — наличие индейцев и враждебное отношение к ним большинства белокожих американцев, то есть мутный исторический фон. Карл Май и ему подобные сочинители соткали своими произведениями уникальный облик краснокожих воинов, живших в прериях, — яркий, благородный, почти рыцарский. Фенимору Куперу было далеко до Карла Мая, хотя именно он является основоположником романов о благородных дикарях.

Карл Май и Майн Рид нарисовали в своих книгах индейцев «классических», вернее сказать — эти образы сделались классическими с течением времени и стали воплощать собой истинную культуру степных жителей Северной Америки. Но то, что сегодня принято называть культурой степных племён, формировалось очень долго, прошло через путь многих трансформаций.

Наиболее важное влияние на культуру всех без исключения племён оказало появление лошади. Как только пешие охотники получили лошадь, их привычный уклад коренным образом изменился. Надо отметить, что испанские колонизаторы установили строгий запрет на продажу лошадей индейцам, осознавая, что дикари были отменными вояками и лошадь стала бы в их руках величайшим помощником. Множество лошадей попало к индейцам после военных действий группы племён Пуэбло против испанцев в 1680—1892 гг. Кроме того, временами животные сбегали из табунов и дичали. Таких лошадей стали называть словом *мустанг*.

Как только пешие охотники получили лошадь, их привычный уклад коренным образом изменился. Со всех концов континента племена стали перебираться на Великие Равнины, где бродили несметные стада бизонов, которые служили нескончаемым источником пищи. Великие Равнины превратились в место, где сошлись более тридцати разных народов, принадлежавших по крайней мере к пяти различным языковым группам. Но все они единодушно пришли к заключению, что лошадь была незаменимым помощником в охоте на бизонов. В самых радужных мечтах дикари не могли представить себе, что когда-нибудь у них будет столько мяса и шкур, сколько они стали добывать с появлением лошади.

Лошадь пришла в прерии из мира белых людей, следовательно, и сами белые люди не могли обойти стороной равнины, где и разыгрался спектакль, вошедший в историю под названием Дикий Запад.

Война белых против индейцев превратилась в американский эпос. Но в действительности никакого особенного героизма не было на Диком Западе. Не так уж много было и военных действий. Люди с обеих сторон чаще погибали от дизентерии, алкоголизма, голода, чем от стрел и пуль. А эпидемии оспы и холеры унесли до восьмидесяти процентов краснокожего населения. Так что война в прерии вовсе не была столь героической и яркой, как её обычно

представляют в книгах и на киноэкранах. Хотя несомненным остаётся факт, что схватки европейцев с американскими туземцами всегда были окрашены с самые мрачные тона и отличались жесточайшими поступками.

У читателей «Скалистых Гор» могло сложиться впечатление, что автор чрезмерно выпятил сексуальные устремления всех действующих лиц. Но мир дикой природы ни при каких обстоятельствах не может сторониться половых отношений. А мир Дикого Запада был необычайно дик. Люди — белокожие и краснокожие — вели себя так, как положено настоящим хищникам. Борьба самцов за женщину не прекращалась никогда. Сексуальные отношения диких народов всегда занимали важное, если не главнейшее, место в их повседневной жизни.

В семейном кругу, когда собирались вместе сёстры и братья, постоянно звучали в адрес друг друга весьма «сальные» шутки. Близкие родственники приучались видеть друг в друге потенциальных половых партнёров: гибель мужа на войне или на охоте заставляла овдовевшую женщину идти в семью своей сестры и стать второй женой её мужа. Число жён не ограничивалось никакими правилами. Единственным ограничением была способность мужчины обеспечить свой гарем провизией.

В своей книге «Старая северная тропа» Маклинток сетовал на то, что не мог изложить легенды Черноногих в том виде, как их рассказывали сами индейцы, так как истории звучали слишком нецензурно (согласно взглядам «цивилизованного» человека). Замечу, что речь шла не о бытовых историях, а о легендах про Великого Старика, которого считали одним из основателей рода Черноногих, то есть о человеке, который пользовался огромным уважением. Тем не менее Маклинток счёл истории непристойными, хотя сам признавал, что в «прилизанном» виде легенды утеряли одно из своих важнейших качеств — естественность и потеряли главное, что важно для этнографического материала — подлинность.

То же самое можно сказать обо всех племенах без исключения.

У Хикарильев, например, есть легенда о том, как мужчины поссорились с женщинами и ушли жить на другой берег реки, попросив Духа воды не пускать никого из женщин на мужской берег. При этом они взяли с собой всех животных мужского пола. Поначалу женщины крепились, вели себя стойко и вполне самостоятельно. Однако вскоре дела у них пошли хуже, они ослабли,

устали охотиться. Они начали призывать мужчин обратно. Девушки постарше занимались мастурбацией, пользуясь в качестве заменителя фаллоса гладко обточенными оленьими рогами и камнями, а также применяли для услады перья орла. Мужчинам тоже требовалось сексуальное удовлетворение. Они лепили из глины влагалища, но это не удовлетворяло их полностью. Женщины забеременели от всех предметов, которыми пользовались для самоудовлетворения, и от них родились монстры. Из глиняных влагалищ, которыми пользовались мужчины, также вышли на свет чудовища. Позже эти монстры были уничтожены персонажем по имени Убийца Врагов. В мифе есть очень выразительная сцена, когда Убийца Врагов приходит в логово одного из этих монстров.

«Убийца Врагов спустился в жилище Чудовища и увидел там четырёх девушек. Эти четыре дочери Чудовища были единственными женщинами, у которых были влагалища. Они были Влагалищными Девочками. Хотя они имели облик настоящих женщин, в действительности они были влагалищами. Другие влагалища висели по стенам, но эти четыре имели формы девушек со всеми необходимыми частями тела. Они умели ходить… Когда Убийца Врагов спустился в их логово, все четыре девушки захотели совокупиться с ним. Одна сказала:

— Ты пришёл повидать нас, пришёл для соития с нами.

Но Убийца Врагов ответил:

— Нет, я не для того появился здесь… А куда же подевались все мужчины, пришедшие сюда,

— Мы пожрали их, так как нам это очень нравится».

В дальнейшем дочери Чудовища неоднократно повторяют, что они пожирают мужчин, получая от этого несказанное удовольствие. Процесс еды является для них половым актом, так как они не просто женщины, но женские половые органы в человеческом облике.

Цикл индейских сказок о монстрах весьма ярко показывает, насколько сильна была в обществе идеология вражды разнополых существ, насколько велико было желание одного пола доказать свою незаменимость и тем самым своё превосходство над другим полом. Но в результате вражды рождаются чудовища…

Этот «институт враждебности» находит яркое проявление и в том, что воспитание детей — мальчиков и девочек — проходило раздельно. Едва девочкам исполнялось десять лет, им запрещали участвовать в самых невинных играх с мальчиками. Более того,

даже родные братья переставали общаться с сёстрами напрямую. Им разрешалось общаться только через посредников. Им даже не рекомендовалось оставаться наедине, чтобы не давать людям повода для сплетен. При этом их отношения считались наиболее крепкими из всех, какие могли быть между родственниками. Так, например, возвращаясь из военного похода, мужчина в первую очередь дарил что-нибудь из трофеев своей сестре, а уж затем жене, матери и тёткам. Брат выказывал сестре самые сильные чувства любви и уважение. Однако взамен он требовал, чтобы его власть над сестрой была почти беспредельной. Отказ сестры выполнить какое-либо требование брата был для него несмываемым оскорблением. Известны случаи, когда это заставляло мужчину покончить жизнь самоубийством. Если такое происходило, то считалось, что девушка опозорила всю семью, за что её могли даже изгнать из племени.

В полевых записках Хобеля о Шайенах приводится пример, когда изгнанная из дома женщина вернулась в племя через много лет, но отец отказался принять её. Он сказал: «Меня не интересует, сколько лет прошло с тех пор, как я отрёкся от неё за непослушание брату. Она мне не дочь. Я не желаю видеть её». Здесь очень хорошо видно, насколько сильным было в индейском обществе противостояние полов. Отец не становился на сторону дочери, он абсолютно не интересуется, права она или не права была, отказывая в чём-то брату. Отец принадлежит к лагерю мужчин, дочь — к лагерю женщин. Этим сказано всё. Мужчины стремились покорить женщин, завоевать их. Очень популярны были так называемые «любовные тросточки», с помощью которых мужчины подсчитывали победы на любовном фронте. Юноша мог выйти во время праздника с целой связкой таких тросточек, каждая из которых обозначала отдавшуюся ему женщину.

Не только люди бились за главенство среди полов. Божества тоже вели войну в сексуальной сфере. Так, например, Вечерняя Звезда, от которой, по мнению Поуней, пошёл человеческий род, была эгоистичным существом и не желала обременять себя вынашиванием людей, поэтому вырастила у себя во влагалище зубы, чтобы избежать сношений с тем, кто попытался бы овладеть ею. Но это не помогло. Мужская сила в облике Утренней Звезды одолела сопротивление и оросило семенем гордую небесную женщину. В этой легенде ясно проглядывается антагонизм взаимоотношений мужского и женского начал.

Кстати, об Утренней Звезде. Убийства пленников практиковались среди многих племён Северной Америки, но они не носили характер жертвоприношения, то есть убийство пленников не предназначалось, чтобы умилостивить какое-либо божество. Единственным дошедшим до нас ритуальным человеческим жертвоприношением является церемония Поуней, известная под названием Утренней Звезды. Это единственная церемония, которая не была связана с цикличностью времён года. Бывали годы. Случались годы, когда Поуни никого не приносили в жертву кровожадному божеству.

Белые исследователи считают, что Поуни называли Утренней Звездой планету Марс, но в действительности индейцы нередко путали Марс с Юпитером и Венерой.

Утренняя Звезда была первым божеством, которое Верховная Космическая Сущность (Тирауахат) поселила на небе. Сами Поуни называли её просто Большой Звездой (Упирикучу). Это божество имело обличье воина, который обязательно держал в руке тяжёлую палицу. Божество было не вождём, но воином. Оно обладало силой гораздо большей, чем все другие божества. И если Утренняя Звезда — мужчина, то Вечерняя Звезда (некоторые учёные утверждают, что это Венера) — женщина (Чупириттака, то есть Женская Белая Звезда).

Поуни считали, что звёзды некогда были людьми. Каждое из небесных светил чего-то требовало от людей. Так, например, Вечерняя Звезда ждала подношений в виде снятых вражеских скальпов, бизоньего языка и сердца. Утренняя Звезда требовала убийства девушки. Поуни рассказывали, что давным-давно люди получили от Утренней Звезды какую-то девушку, от которой будто бы начало своё существование племя Поуни. Затем Поуни услышали требование Утренней Звезды убить эту девушку, чтобы через это завладеть её душой. Но не объясняют Поуни, зачем божество снова и снова требовало смерти девушки.

Индейцы отправлялись на поиски жертвы только в том случае, если кого-то из воинов посещало видение Большой Звезды в облике сильного мужчины с типичной для Поуней наружностью, который говорил: «Я хочу, чтобы ты видел мой облик. Я есть тот, кто владеет силой на востоке. Я есть большая яркая звезда. Вы, люди, позабыли о моём существовании. Я внимательно слежу за вами. Пришла пора принести мне человеческую жертву. Пойди к старику, который знает, как проводить церемонию, и расскажи ему про твоё видение.

Он объяснит тебе, что надо предпринять».

Если индеец, проснувшись после такого сна, видел над горизонтом звезду, он понимал, что воин во сне не был обманом. После этого человек получал необходимые наставления у жреца Утренней Звезды, который был посвящён в детали церемонии жертвоприношения, и отправлялся в поход искать молодую женщину, ибо только женщина могла умилостивить страшное божество.

Привезя пленницу в деревню, воин отдавал её в руки шамана. В течение всего времени, пока шла подготовка к церемонии, с девушкой обращались наилучшим образом, чтобы она не могла заподозрить ожидавшую её участь. Дело в том, что, согласно строгим правилам, жертва должна была добровольно подняться на эшафот, возведённый посреди деревни, иначе её испуганный дух не попал бы в объятия Большой Звезды.

Церемония занимала четыре дня, в течение которых исполнялась двадцать одна священная песня. Первые четыре считались вступительными и посвящались Матери-Кукурузе. Песни с пятой по семнадцатую как бы направляли церемонию в правильное русло. Заключительные четыре песни были заимствованы из других обрядов (например, восемнадцатая и девятнадцатая обычно исполнялись во время обряда, когда в жертву приносилось просто мясо, а двадцатая песня обязательно исполнялась, когда девушку-жертву раскрашивали).

Всю ночь перед торжественным рассветом шаман и его помощники плясали и пели. Наутро выводили пленницу. Девушка была раздета догола и выкрашена пополам в чёрный и красный цвет. Едва она заканчивала восхождение по ступеням, её немедленно привязывали, разведя её руки в стороны (как крылья парящего орла). К ней подбегал мужчина с пылающим факелом и изображал, будто хочет опалить лобковые волосы на девичьем теле, но не делал этого.

Как только над горизонтом зависала утренняя звезда, выбегал второй мужчина и пускал стрелу в сердце жертвы. В наиболее ранних свидетельствах говорится, что сразу после этого жрец кидался к застреленной девушке и отсекал кремнёвым ножом пробитую грудь, поливая своё лицо кровью. Позже индейцы утверждали, что жертве не отрезали грудь, а только вырезали отверстие в груди, чтобы добыть горячую кровь и умыться ею. Суть от этого не меняется. Едва он проделывал это, к убитой пленнице

бежал человек с куском свежего мяса и смачивал его кровью, после него приближались и остальные индейцы, неся с собой сухое бизонье мясо, чтобы оросить его кровью девушки и сжечь его затем на жертвенном костре. Считалось, что кровь жертвы не должна была упасть на землю под жертвенным алтарём. После того всё племя начинало дружно пускать в бездыханное тело стрелы, чтобы приобщиться к убийству. Даже маленьким детям помогали натянуть луки. Обычно стреляли в спину, исполняя военные песни. Один из помощников жреца отгонял в это время дух девушки взмахами топора или дубины, чтобы она быстрее вознеслась на небо и могла получить удовольствие от созерцания людей, ради которых умерла. Затем начинались радостные пляски. По такому случаю мужья разрешали своим жёнам надеть мужские головные уборы и взять в руки их копья, чего при других обстоятельствах не позволил бы ни один воин. Женщины шумно изображали военный отряд и обходили всю деревню по кругу.

Ближе к полудню тело уносили за пределы деревни и клали его лицом к земле, чтобы оно сгнило и соединилось с землёй. Христианские священники утверждали, что главный жрец, оставшись один, вырезал у девушки печень и сердце, чтобы высушить их, растолочь и сделать из них целебный порошок. Однако эти свидетельства ставятся сегодня под сомнение большинством индейских исследователей, хотя ничего удивительного или особенного (с точки зрения индейцев) в этом не было. Почему не могли дикари, хладнокровно убившие беззащитную девушку, отрезать ей грудь или вырезать внутренности?

Взгляды индейцев на жизнь сильно отличались от наших. Слово верховного жреца того или иного культа было свято. Шаман пользовался среди Скирей славой не просто человека, но существа, стоявшего непосредственно между людьми и сверхъестественными силами. Его называли *курахус*, что означает *старец*. Именно от шамана зависело благосостояние деревни. Он обеспечивал хороший урожай, богатую охоту, успешную войну. Положение шаманов было столь высоко, что в некоторых случаях даже вожди подчинялись их решению. Курахусы знали всё. Только они умели ориентироваться во всей сложности мироздания. Лишь им было открыто Истинное Знание.

Среди многих ритуалов, посвящённых деятельности жрецов и знахарей, выделялось одно массовое представление, которое

Скири-Поуни называли Тридцатидневной Церемонией Волшебной Палатки. Во время этого церемониального праздника лекари и шаманы собирались все вместе, чтобы продемонстрировать соплеменникам своё могущество. Самые ранние свидетельства рассказывают о том, что шаманы убивали на глазах всей деревни людей и оживляли их, отрубали конечности и заставляли их срастаться с телом без всякого следа, в считанные минуты проращивали зёрна различных злаков. Эти представления несомненно впечатляли индейцев.

Сегодня невозможно сказать определённо, что стояло у истоков церемонии Утренней Звезды, почему индейцы убивали именно женщину, а не мужчину. Вполне возможно, что в этом убийстве проявлялся древний антагонизм полов, о котором уже шла речь. Для мужчин всякая женщина была своего рода врагом, которого необходимо было покорить. Юноша, одержавший победу на любовном фронте, получал одобрение своих сверстников. Мужчины приравнивали свои любовные подвиги к подвигам на военной тропе.

Сексуальные отношения до свадьбы не были редкостью среди молодёжи, но обязательно держались в тайне от родителей, потому что девушке полагалось вести исключительно нравственный образ жизни. Матери наставляли своих дочерей: «Хорошая девушка должна оставаться одна до самого замужества. Уважением пользуется та девушка, которую мать научила вышивать и которая ни словом не отвечает на многочисленные ухаживания мужчин, пока не остановит свой выбор на ком-то одном». Тем не менее физиология давала себя знать, и девушки то и дело попадали в объятия своих возлюбленных.

Наиболее суровые родители на ночь крепко связывали ноги дочери вместе, чтобы какой-нибудь ловкач не прокрался к девушке, приподняв полог палатки, и тихонько не вступил в сношение с девушкой прямо возле спящих родителей. Против таких ухаживателей был придуман и *пояс девственности*, который представлял собой верёвку из конского волоса или кожаный ремень, пропущенный между женских ног и препятствовавший входу в девичье тело. Этот широко распространённый способ защиты от посягателей на женскую честь очень мешал девушке, но поделать с ним ничего было нельзя. Существование подобных средств говорит о том, что для индейцев проблема половых сношений до официального замужества была весьма существенной. До нашего

времени дошло множество историй, героями которых являются юноши-любовники, попавшие в руки родителей из-за того, что уснули возле своей избранницы, расслабившись после напряжённого любовного дела. Такие любовные встречи всегда были полны острых ощущений. Они должны были проходить непременно в полном молчании. В жилище могли находиться одновременно до десяти человек, могли быть и собаки, если хозяева пускали их внутрь. Следовательно, юноша, рискнувший прийти на тайное ночное свидание, обязан был вести себя максимально осторожно; такой поход в дом его избранницы ничем не отличался от похода во вражеский стан, где его могли запросто убить. В случае обнаружения незваного гостя, его могли принять за вражеского лазутчика со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, женщины старшего возраста бдительно следили за девушками. Случалось, что неусыпная слежка со стороны матери продолжалась и после того, как девушка обретала законного мужа. Родители требовали за дочь с хорошей репутацией максимально большую плату. Именно поэтому старухи старались соблюсти честь своих дочерей и внучек незапятнанной.

О том, что тема половых отношений присутствовала повсеместно, свидетельствует также огромное число курительных трубок, вырезанных в форме фаллосов. Многие трубки были украшены совокупляющимися фигурками. Принимая во внимание то, какое большое значение индейцы придавали курению, можно смело сказать, что такие трубки не были просто диковинными поделками, но использовались во время специальных обрядов.

Индейские знахари были непревзойдёнными мастерами в изготовлении любовных эликсиров и волшебных флейт, которые приводили потенциального партнёра в состояние повышенного возбуждения. Наиболее действенной считалась так называемая Большая Флейта, сделанная из кедра и украшенная изображением коня (символ сексуальной силы). Эта флейта была настолько могущественной, что девушка, заслышав её мелодию, теряла над собой контроль и шла на звук флейты.

Повести, составляющие сборник «Скалистые Горы», населены бесчисленными призраками, и у читателя могло сложиться впечатление, что в его руки попали обычные сказки. Но именно такой — сплошь пронизанной мистикой — была жизнь туземцев. То, что для белого человека было лишь фантазией, для индейца было реальностью. Индеец и сегодня признаёт, что все вещи без

исключения обладают, помимо знакомых и привычных нам качеств, ещё и мистическими способностями, а также наделены живым духом. Индеец живёт в мире, населённом множеством невидимых существ, среди которых есть души умерших, души зверей, души амулетов и т. д. И главным является то, что индейцы не просто верят в них, но *сосуществуют с ними*. Они знают наверняка, что невидимые силы присутствуют рядом, и во всех своих поступках исходят из того, что каждое действие человека непременно связано с действиями духов, которые занимают всё небо и каждую пядь земли.

Сообщение о состоянии торговли пушниной

Сент-Луис. 3 октября 1831 года.

Военному министру

Сэр! В ответ на Ваше письмо от 9 сентября с вопросами о пушной торговле я имею честь заявить, что мои личные знания и наблюдения позволяют мне сообщить Вам сведения по целому ряду интересующих Вас вопросов, касающихся торговли близ Скалистых Гор и к западу от них. Впервые я поехал к Скалистым Горам с целью заняться меховой торговлей в 1822 году; с тех пор я был постоянно связан с этим делом либо в верховьях Миссури, либо в районе Скалистых Гор. Дважды я переходил на другую сторону хребта и увидел все многочисленные формы торговых операций с индейцами. В 1822 году я служил клерком в экспедиции, возглавляемой Иммелом и Джонсом из Миссурийской Пушной Компании. Мне посчастливилось быть одним из тех, кто остался жив после того, как на берегу Жёлтого Камня на нас напали, ограбили и устроили нам настоящую резню Черноногие. обстоятельства той атаки указывают на опасную сторону нашего дела. Примерно за двенадцать дней до этого события мы встретились с группой индейцев, среди которых были только воины, никаких женщин и детей. Некоторые ехали верхом, некоторые шли пешком. Их провизию и мокасины везли собаки на своих спинах. Нас было двадцать девять человек, все прекрасно вооружённые. Мы везли почти двадцать тюков пушнины. Мы мирно пообщались, любезно поднесли им кое-какие подарки и расстались самым дружеским образом. И всё же мы подозревали,

что они могли коварно обмануть нас, поэтому мы двинулись с Трёх Притоков Миссури к Жёлтому Камню, к месту рандеву. На двенадцатый день около четырёхсот индейцев устроили нам засаду у подножия гор на границе с рекой. Вероятно, они получили о нас необходимые сведения от тех индейцев, которых мы повстречали ранее. Мы рассеялись почти на полмили вдоль реки. Семеро погибли, четверо получили ранения. Мы растеряли все наши вещи, пушнину, лошадей и капканы. Это было моё первое соприкосновение с опасной стороной торгового дела. Я спасся тем, что пробежал добрых семь миль по прерии, преследуемый только пешими разбойниками. Ночью я возвратился к месту бойни. Оказалось, что дикари стали там лагерем, и я потихоньку ушёл подальше, дабы не подвергать себя опасности. Меня приютила группа индейцев Вороньего Племени, с которыми я повстречался ближе к следующему вечеру. Два моих компаньона были позже предательски убиты… Следующей весной меня ограбили индейцы-Вороны — те самые люди, среди которых я провёл целую зиму и которым делал всяческие подарки и вообще был с ними в наилучших отношениях. Однако стоило им повстречать меня, когда я был совершенно один, они без колебаний отобрали у меня абсолютно всё, даже порох и свинец, предназначенный для моего личного пользования. После того меня грабили ещё дважды, и последний случай произошёл почти на том же месте, что и самый первый раз. Так что мне хорошо знакомы опасности торговли.

Пушная торговля в районе Скалистых Гор включает в себя как обмен товарами, так и охоту на бобров. Сейчас на охоту отправились в общей сложности от пяти до шести сотен человек; часть из них выступила от Миссури, часть — из Санта-Фе. Эти в своём большинстве британцы и охотой промышляют обычно западнее гор, но они охотились и к востоку от гор, пока там не объявились американцы. Практически все отряды пользуются одинаковыми приёмами охоты. Охотятся при помощи капканов, основная цель — бобры. Что же касается торговли, то она целиком соединена с охотой…

Индейцы Скалистых Гор не возражают против нашей охоты, что, хоть и кажется странным, всё же вполне объяснимо, так как они постоянно получают подарки от охотничьих отрядов. Помимо этого, индейцы воруют у охотников лошадей и возвращают их за определённое вознаграждение, что является не такой уж малой статьёй дохода. Это стало настолько привычным, что никак

не отражается на взаимоотношениях белых и индейцев. У индейцев, живущих на американской территории к западу от Скалистых Гор, никогда прежде не было капканов, поэтому они не ловили бобров. Более северные племена, то есть обитающие на британских землях, напротив, прекрасно оснащены капканами и являются прекрасными ловцами бобров, запасаясь шкурами для себя лично и для торговли с белыми. Это относится и к Воронам, которые теперь стали возражать против присутствия белых, но раньше не позволяли этого себе…

Среди наиболее крупных племён в районе Скалистых Гор можно выделить несколько. В первую очередь, Змеи, из которых мне известны три группы (Шошоны, Итаны, Команчи) … Во-вторых, Черноногие; они наиболее опасные и воинственные, ходят крупными отрядами против других индейцев, хорошо оснащены огнестрельным оружием, приобретённым у британцев. Черноногие — отменные трапперы, научились этому делу у британцев и от них же получили капканы… В-третьих, Плоскоголовые; они обитают на южных ветках реки Колумбия, всегда дружественны по отношению к гражданам США, никогда не убивали никого из них. Их не очень много, быть может человек пятьсот. В-четвёртых, Вороны, около пятисот семей, то есть 1000 воинов… Они не стыдятся воровать и запросто рассказывают об этом со всей откровенностью… Я видел у них в деревне около десяти тысяч лошадей… Дети учатся ездить верхом с раннего детства. Младенец переезжает с места на место, подвешенный в своей люльке к луке седла. Верхом же на лошадь ребёнок садится, едва научится сидеть вообще. В четыре года они все, независимо от пола, уже ездят верхом самостоятельно и хорошо правят лошадьми. В-пятых, Арапахи и Большебрюхие; это один и тот же народ, разговаривают на одном языке…

С уважением,
Ваш покорный слуга Вильям Гордон

Газетные публикации о событиях в форте Фил Кирни

New York Times
«НЕПРИЯТНОСТИ ОТ ИНДЕЙЦЕВ.
РЕЗНЯ В ФОРТЕ ФИЛИП КИРНИ»

Fort Laramie, Thursday, Dec. 27.

Только что прибывший гонец сообщил об огромном скоплении двенадцати индейских племён, чтобы вести войну против белых людей на территориях Дакоты и Монтаны. Число собравшихся там дикарей может достигать одиннадцати тысяч.

Fort Laramie, Thursday, Dec. 27.

Недавняя бойня армии Соединённых Штатов, учинённая индейцами, произошла не возле старого форта Кирни (Fort Kearny), а возле недавно возведённого форта Филип Кирни (Fort Philip Kearny) на территории Дакоты. Эта крепость расположена между двумя Сосновыми Ручьями в глубине горного района, находящегося под ответственностью Военного Департамента района Платт (mountain district of the Military Department of the Platte) и в самом сердце региона, занятого дикими Сю и Шайенами. Крепость окружена деревянным частоколом с множеством бойниц для огнестрельного оружия. В двух углах возвышаются бревенчатые блокгаузы, сложенные из брёвен диаметром в восемнадцать дюймов.

Считается, что форт был захвачен предательски[1], так как гарнизон был достаточно крепок, чтобы выдержать натиск любой атаки индейцев.

С другой стороны, дикари столь постоянно проявляли свою враждебность, что невозможно понять, почему армия так расслабилась и потеряла бдительность. Мы надеемся получить более подробную информацию в ближайшее время, но нет оснований полагать, что беспокойство там дойдёт до максимального уровня.

Fort Laramie, Thursday, Dec. 27.

Индейцы ведут себя агрессивно, и солдаты в форте Фил Кирни едва не были полностью уничтожены за последние недели. 22 октября отряд индейцев приблизился к форту, Brevet Lt. Col. W.J. FELTMAN[2], Capt. J.H. BROWN, and Lieut. GLUMMOND, все из Восемнадцатой Пехоты, собрали срочно тридцать девять человек из Второй Кавалерии и сорок пять человек из Восемнадцатой Пехоты и бросились за индейцами. Солдаты удалились почти на четыре мили от форта, где их окружили и убили. Никому не удалось спастись, чтобы поведать нам о катастрофе. Их тела

были раздеты, с них сняли всё до последнего клочка одежды. Их оскальпировали и изувечили. Тридцать тел были найдены на пространстве не более одной просторной комнаты. Почти все тела погибших были вывезены и погребены в форте.

«ОПИСАНИЕ ФОРТА ФИЛИП КИРНИ. СЦЕНЫ РЕЗНИ»
The Army and Navy Journal, Nov. 24.

Это новое военное укрепление в центре Монтаны находится в сердце страны и на главных охотничьих угодьях Шейенов и Сю. Экспедиция была отправлена 19 мая в те края для основания там форта Фил Кирни. Её возглавлял полковник Кэррингтон из Восемнадцатой Пехоты Соединённых Штатов. Для начала был усилен форт Рино: возведены дополнительные укрепления, две роты были отправлены к Big Horn River; этот форт получил название Смит (Fort C.F. Smith). Форт Фил Кирни сооружался полковником Кэррингтоном по его личному плану и под личным ежедневным надзором. Он был поставлен на развилке Сосновых Ручьёв, на естественном плато 800 на 600 футов, с природными склонами со всех сторон.

Сосновый частокол… С двух сторон бревенчатые блокгаузы. Плац примерно в 400 квадратных футов.

К востоку от крепости течёт Малый Сосновый Ручей, там находится скот, сено, дрова и прочие запасы, окружённые забором в 10 футов вышиной. Двенадцать деревянных сарайчиков, кузница, передвижная лавка в фургоне… Два дома — для квартермейстера и комиссара, каждый площадью 84 на 25 футов, примерно такого же размера для четырёх рот пехоты. Госпиталь — 84 на 25 футов, с большим погребом…

Frank Leslie's Illustrated Newspaper

Отряд числом почти в девяносто человек был окружён в четырёх милях от форта Фил Кирни. Никто не выжил, чтобы рассказать о трагедии. Сообщается, что полковник Кэррингтон, командующий крепостью, теперь освобождён от должности и помещён под арест до проведения полных следственных действий, чтобы разобраться в причинах, приведших к резне.

Кажется, что есть основание предполагать, что была возможность организовать всё таким образом, чтобы избежать постоянно случающихся сражений с таким печальным исходом.

Либо следует обращаться с индейскими племенами со всей справедливостью и твёрдостью (justice and firmness), чтобы вынудить их стать нашими друзьями, либо, когда этого требует необходимость, обращаться с ними настолько сурово, что продемонстрирует им, насколько невыгодно им быть дикарями.

Leavenworth Daily Commercial

Laramie, January 7.

Отряд Шайенов примерно в сто человек окружил телеграфную контору на Sweetwater Bridge. Утром был убит и оскальпирован Mr. Collicotte, оператор этой конторы. Станция была сожжена. Три солдата находились там. Один из них был найден мёртвым, об остальных нет известий. Шайены придерживались мира до недавнего времени. Тот факт, что они присоединились к Сю в этой войне, добавит работы солдатам на этой территории.

Экспедиция под командованием майоров Van Voost и Gordon выступила из наших мест, чтобы наказать Сю, учинивших резню возле форта Фил Кирни. Генерал Palmer ответственностью следит за событиями, осознавая всю серьёзность сложившейся ситуации.

Leavenworth Daily Commercial

Господа Powers, Newman & Co. получили письмо от G.W.Lang, Esq. из форта Ларами, датированное двадцать седьмым декабря. Он уверяет, что весь гарнизон, состоявший из девяносто девяти человек, был уничтожен индейцами, за исключением одного офицера, которому удалось спастись. Шесть рот выступили из форта Ларами, и если они выполнят с вой долг, то краснокожие дикари будут сурово наказаны на своих охотничьих землях.

Мы получили номер Colorado Times от третьего числа, где говорится, что «индейцев насчитывалось три тысячи человек. Они окружили форт и убили восемьдесят четыре солдата и трёх офицеров возле форта Фил Кирни 21-го декабря.. Бой длился до тех пор, пока не пал последний из тех храбрецов того батальона. Сообщается, что потери индейцев значительно превышают число погибших солдат».

Leavenworth Daily Commercial

Laramie, January 12.

Почтовая группа из Ларами в Фил Кирни была атакована вчера тридцатью индейцами. Людям удалось спастись, потеряв несколько

мулов и фургон.

До пятого числа сего месяца индейцы больше не тревожили форт Фил Кирни.

Две роты кавалерии и четыре роты пехоты были направлены в форт Рино и, возможно, прибудут в форт Фил Кирни. Тридцатая Пехота уже направляется туда. Все роты Второй Кавалерии стремительно перебрасываются в Фил Кирни.

Leavenworth Daily Commercial

Разведка сообщает, что за минувший месяц для индейцев стало обычным делом собираться в отряды для уничтожения белых людей. Если так пойдёт дальше, они составят самую грозную организованную силу. Дьявольская работа уже свершилась возле форта Фил Кирни, где наши доблестные воины были беспощадно вырезаны, а после их тела подвергнуты надругательствам. Бесчисленные убийства свершаются ежедневно краснокожими дьяволами, и наши власти ничего об этом не ведают.

Состояние дел сегодня на Равнинах требует немедленного вмешательства правительства. Нас спасут солдаты и боеприпасы, а не соглашения переговоры. Это единственный выход, единственное лекарство. Умелые борцы против индейцев, большое их число требуется на границе (Good Indian fighters, and plenty of them, are the articles demanded on the Borders).Люди, которые не верят ни в какие договорённости и видят во всех обещаниях «благородного дикаря» лишь адскую ложь (an infernal lie), люди, которые будут стрелять и снимать скальпы и уничтожать (men who will shoot and cut and scalp and *exterminate*) — вот кто нам необходим сейчас, люди как генерал Харни и полковник Чивингтон, памятные нам по Ash Hollow и Sand Creek.

[1] Любопытно, что в газете сообщается о захвате форта, а не о разгроме отряда, вышедшего за пределы крепости. Текст статьи написан таким образом, будто речь идёт о полном истреблении гарнизона.
[2] В силу своего невежества и непрофессионализма автор газетной колонки назвал Феттермэна Фелтманом.